

**ПОЛКА
БИБЛИОФИЛА**

ШАРЛЬ НОДЬЕ

**ЧИТАЙТЕ
СТАРЫЕ
КНИГИ**

*Новеллы, статьи,
эссе о книгах,
книжниках,
чтении.*

**ПОЛКА
БИБЛИОФИЛА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КНИГА»**

ШАРЛЬ НОДЬЕ

**ЧИТАЙТЕ
СТАРЫЕ
КНИГИ**

*Новеллы, статьи,
эссе о книгах,
книжниках,
чтении*

В двух книгах
книга 2

МОСКВА "КНИГА" 1989

ББК 76.11
Н 76

Перевод с французского
О.Э.Гринберг, М.А.Ильховской, В.А.Мильчиной

Составление и примечания
В.А.Мильчиной

Перевод стихотворных цитат,
за исключением отмеченных в тексте случаев,
М.С.Гринберга

Шарль Нодье
ЧИТАЙТЕ СТАРЫЕ КНИГИ
Книга 2

Редактор Н.В.Дашковская
Художественный редактор К.С.Гуреев
Технический редактор В.Л.Юняев
Корректор В.А.Коротаева
Оператор Т.А.Баранова

ИБ 1981

Сдано в набор 11.05.89. Подписано в печать 05.09.89.
Формат 70x100/32. Бум. офс. № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13.0. Усл. кр.-отт. 15,76. Уч.-изд. л. 15,37.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 4937. Заказ № 2522 Цена 1 р. 10 к.

Набрано на композере в издательстве "Книга"
125047, Москва, ул. Горького, 50.

Отпечатано в Московской типографии
№ 4 при Госкомиздате СССР
129041, Москва, ул. Б.Переяславская, 46.

Н 4703010100-099 19-89
002(01)-89

ISBN 5-212-00373-3 (т. 2)
5-212-00374-1

© Издательство. "Книга", 1989

**БИБЛИОФИЛЬСКИЕ
НОВЕЛЛЫ**

ИЗ КНИГИ
«ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ НЕБОЛЬШОЙ БИБЛИОТЕКЕ,
ИЛИ
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ СМЕСЬ»

Предисловие

Собирание книг — приятнейшее из всех занятий, но немногим менее приятно рассказывать о собранных книгах и делиться с публикой теми духовными сокровищами, что таит в себе литература. Рассказы эти становятся не только источником удовольствия, но, можно сказать, потребностью для страстного библиофила, если скверное состояние дел или непредвиденные обстоятельства вынуждают его расстаться со своей библиотекой. Мудрый Валенкур, которого пожар лишил всех его книг, имел полное право сказать: "Мало пользы принесли бы мне эти книги, не научись я обходиться без них". Но с его стороны было бы лицемерием отрицать, что он вспоминал о них с наслаждением и что сердце его сжималось при одном лишь упоминании о какой-либо из принадлежавших ему некогда старых книг. С любовью к книгам дело обстоит так же, как и со всеми другими радостями: когда они уже в прошлом, мысль о них все равно греет душу, пусть даже забавы юности нам нынче больше не по возрасту и живы лишь в нашей памяти. Не стану продолжать — всякий, кто любил, поймет меня.

Сочиняя эти полубиблиографические, полулитературные заметки, нечто вроде "приложения" к каталогу моих книг, я не стремился изложить общеизвестные факты, собранные задолго до меня критиками, библиографами и каталогизаторами. Напротив, я старался, насколько это было в моих силах, не повторять сведений, которые во всех научных трудах изложены одинаково

и, хотя и были некогда занимательны, нынче уже набили оскомину; я прибежал к ним лишь тогда, когда по ходу своих рассуждений нуждался в цитате, доказательстве или примере. Короче говоря, я возымел дерзкое намерение сказать новое слово в одной из наиболее тщательно изученных областей филологии. Отсюда вытекает одно досадное, но неизбежное обстоятельство, о котором я не могу умолчать, хотя такое признание и не слишком подходит для предисловия. Поскольку в истории книг все достойное известности уже давно известно, новое слово здесь может сказать лишь тот, кто займется вопросами второстепенными и извлечет на свет божий имена и сочинения, совершенно справедливо преданные забвению. Оглавление моей книги показывает, что именно так мне и пришлось поступить, однако, если и моему труду суждено кануть в Лету, я, по крайней мере, знаю свое место. Впрочем, это соображение, каким бы весомым оно ни было, не отвратило меня от моего намерения. У людей трех поколений — поколения наших отцов, поколения моих ровесников и того поколения, что входит в жизнь ныне, — на моих глазах угас, а затем вновь возродился интерес к тем прекрасным и увлекательным штудиям, что услаждали мою юность и сулят мне невинные отрады в старости. Поэтому можно с некоторой долей вероятности предположить, что найдутся люди, которых мой скромный труд не оставит равнодушным и которые отыщут в нем, как я в трудах своих предшественников, сведения гораздо более увлекательные, хотя и гораздо менее значительные, чем кажется на первый взгляд. Впрочем, разве не таковы и упоительнейшие из человеческих страстей? Не мне отрицать чары романов, которым я подвластен, как никто другой, но даже в ту пору, когда я отдал бы все обольщения надежды, все честолюбивые мечты о славе за наслаждения Сен-Пре или, скорее, за отчаяние Вертера, я с блаженством, которого

не понять тому, кто сам не испытал его, внимал превосходным, простодушно-поучительным, любезным и мудрым рассказам о вещах самых пустячных, внимал вам, остроумный Бейер, трудолюбивый Фрейтаг, высокоученый Давид Клеман, и вам, Брюне, Пеньо, Ренуар, и тебе, мой мудрый Вейсс, тебе, который, по моему глубокому убеждению, подобно Катону у Вергилия, "дает всем законы" и которого благодетельная природа сделала не только моим наставником, но и соотечественником, другом и братом.

Не стану уточнять, что среди моих "Заметок" есть и такие, которые представляют более общий интерес и не оставят равнодушным ни одного из тех, кто хоть немного разбирается в литературе, и такие, которые адресованы прежде всего людям, питающим пристрастие к собиранию книг, пристрастие слишком распространенное, чтобы наш литературный и ученый век мог вовсе не принимать его во внимание. О ценности моих заметок судить читателю; я же полагаю уместным поговорить о другом и объяснить, почему, рассказывая о той или иной книге, я, как правило, описываю экземпляр, принадлежащий или некогда принадлежавший мне. Я заметил, что описания такого рода, украшающие, например, великолепный каталог господина Ренуара, имеют в глазах библиофилов некоторый вес. Я еще не выжил из ума и не надеюсь, что какая-либо книга будет цениться выше оттого, что побывала в моих руках, но этот факт, по крайней мере, удостоверит точность моих библиографических наблюдений. Я говорю обо всем этом еще и потому, что должен объяснить, отчего круг избранных мною предметов так ограничен, — все дело в том, что я рассказываю лишь о своих собственных книгах, а они всегда были тщательно отобраны, но никогда не были многочисленны.

Маранзакиниана. Отпечатано в типографии Вурста, в 1730 году, и продается у Короко, напротив францисканского монастыря. 24°, [7], 46, [2] стр. В красном сафьяновом переплете на шелковой подкладке работы Жинена.

Это очень редкая книга; господин Пенью полагает, что она была отпечатана тиражом 50 экземпляров, но скорее всего тираж был и того меньше — недаром "Маранзакиниана" никогда не появляется на аукционах. Драгоценный экземпляр, о котором я собираюсь рассказать, был сплетен со страничками большого формата (в двенадцатую долю листа), предназначавшимися для заметок, и заметки эти, которых в книге немало, значительно увеличивают ее ценность, поскольку принадлежат перу Жаме-младшего. Сей любознательный литератор снабдил книгу подзаголовком: "Простодушные и остроумные мысли сьера Маранзака, собранные госпожой Герцогиней и аббатом Грекуром", а на обороте титульного листа поместил следующую заметку: "Маранзак, умерший в 1735 году на девятом десятке, был егерем и чем-то вроде весьма бездарного шута при Дофине, сыне Людовика XIV. В 1712 году, когда Дофин скончался, госпожа герцогиня де Бурбон-Конде, побочная дочь короля, взяла его на службу к себе и своим трем сыновьям. Простодушные и неискушенность этого человека забавляли герцогиню, и она поручила знаменитому сочинителю непристойностей аббату Грекуру, жившему в ее доме и получавшему от нее жалованье, собрать все глупости Маранзака, а затем с помощью Грекура отпечатала их в Бурбонском дворце, в собственной типографии. Тираж был очень маленький, книга сразу стала редкостью; иные экземпляры ее продавались за два луидора. Мой экземпляр я выменял у автора "Литературной Франции" аббата Эбрая 4 октября 1768 года. Помню, в 1742 году я слышал, как аббат Г. рассказывал о госпоже герцогине: ее так веселил неотесанный Маранзак,

что она предпочитала его общество беседам с Фонтенелем и Фенелоном”.

Господин Барбье узнал о существовании ”Маранзакинианы” только благодаря заметке аббата Сен-Леже, которая, в свою очередь, почерпнута из ”Stromates” того же Жаме. Вот что там говорится: ”Эта очень редкая книга была отпечатана в количестве полусотни экземпляров, не более, по приказу вдовствующей герцогини, на ее деньги и под ее наблюдением. Составил ее аббат Грекур, тец этой высокородной особы. Маранзак был берейтором либо доезжачим покойного Монсенора, сына Людовика XIV, каковому служил также и шутом. После смерти этого принца, приключившейся в 1711 (так!) году, он перешел на службу к госпоже герцогине и оставался при ней до самых преклонных лет. Книга представляет собой настоящую пародию на сборники такого рода; это прекрасный, отлично отпечатанный томик в 24-ю долю листа, состоящий из 54 (так!) страниц. Господин Лансло, которому я обязан этими сведениями, придя перед отъездом из Парижа проститься с аббатом Грекуром, купил ”Маранзакиниану” у горничной госпожи герцогини”. Совершенно очевидно, что Жаме написал эти строки, вошедшие во второй том ”Stromates” (стр. 1741), раньше, чем заметку на моем экземпляре; в ту пору он скорее всего видел ”Маранзакиниану” только мельком. Господин Пеньо в своем ”Указателе специальных библиографий” (стр. 64) и господин Брюне в своем ”Учебнике книгопродавца” (т. 2, стр. 424) описывают ”Маранзакиниану”, основываясь именно на приведенной выше заметке из ”Stromates”, так что Жаме оказывается в конечном счете единственным специалистом по части ”Маранзакинианы”, что придает экземпляру, бывшему некогда его собственностью, особое значение.

”Маранзакиниана”, как совершенно справедливо выразился Жаме, — это настоящая пародия на сборники

такого рода, собрание глупостей и нелепостей не столько смешных, сколько несообразных; вся их соль состоит в неожиданном сближении самых далеких слов, резко меняющем смысл. Мои читатели смогут судить о книге по приведенным мною примерам; я постарался отобрать самые невинные фразы, хотя вообще-то Маранзак не стеснялся в выражениях, а составитель, избранный герцогиней, был не из тех, кого пугают непристойности.

«Маранзаку делается дурно за столом, он встает; его спрашивают, почему он уходит. „Монсеньор, — отвечает он, — у меня нет больше сил терпеть ревматизм в желудке”»

«Во время охоты на кабана Маранзак делает шесть выстрелов, и все мимо; в ярости он восклицает: „Черт подери! не знаю, с какой звезды я сегодня встал!”»

”Маранзак говорит про некий дом: у него такие широкие окна, что по нему нараспашку гуляет ветер”.

”Бобровые чулки герцога Орлеанского связаны из козьей шерсти и шелка”.

”Маранзак говорит, что знаком с архиепископом Нарбоннским теоретически”.

”Прошло почти шесть часов, а кабан был так бодр, словно и не покидал своей спальни”.

Убежден, что мне нет необходимости продолжать.

Довольно сказано, уж я и так смущен; более того, лишний раз доказав, до какой степени реальная ценность подобных книг далека от непомерной цены, которую назначают за них сумасброды-библиофилы, я не сообщил бы ровным счетом ничего нового.

Жаме, о котором я расскажу подробнее, чем о бестолковом Маранзаке, был, насколько можно судить, выходящем из семьи, тесно связанной с литературой; предком его, по всей вероятности, был тот Лион Жаме, что навеки прославился благодаря дружбе с Клеманом Маро.

На некоторых очень старых книгах имеется владельческая надпись некоего Жаме, их современника, если судить по наполовину готическим начертаниям букв. Жаме-старший, брат нашего Жаме, известен своими лингвистическими штудиями, которые, по слухам, пригодились Ле Дюша при подготовке превосходного парижского издания Рабле 1732 года, не уступающего изданию Бордезиуса (Деборда)*. Жаме-младший, герой этой статьи, известен гораздо больше, хотя ему принадлежит лишь небольшое число филологических заметок, разбросанных по литературным сборникам той эпохи; библиофилы ценят его пометы, которыми он охотно покрывал форзацы, фронтисписы и поля своих книг, хотя пометы эти, как правило, отличаются чрезвычайным цинизмом мыслей и выражений. Пользуясь любимым предлогом, Жаме-младший щеголял своим разнузданным безбожием и вольнодумством, а для развращенного воображения за предлогом дело не станет. На полях книги моралиста Жаме сквернословит, на полях проповеди — богохульствует. Однако ему нельзя отказать в обширной и своеобразной эрудиции, в удивительной способности улавливать сходство между авторами, на первый взгляд совершенно несхожими, и в искусстве угадывать происхождение слов. Библиотека его была не слишком велика и подобрана не особенно тщательно, так что из книг с его пометами внимания библиофилов с тонким вкусом заслуживает самое большее дюжина, но дюжина эта по праву числится среди самых замечательных редкостей. Судьбе было угодно, чтобы Жаме-

---

* Сочинения мэтра Франсуа Рабле (с примечаниями господина Ле Дюша). Амстердам, у Анри Бордезиуса (Деборда), 1711, 6 книг, в 5 томах, 8°. (В моей библиотеке хранится экземпляр этой книги с широкими полями, в голландском издательском переплете коричневой телячьей кожи, прежде принадлежавший Морелле. Я полагаю, что он напечатан на специальной бумаге — формат ее несколько больше обычного.)

младший пополнил свое литературное образование весьма необычным образом, что, между прочим, проливает новый свет на направление его ума и тон его критики: этот самобытный филолог служил жандармом в Люневилле, и можно себе представить, каких познаний преисполнился выученик коллежа в этой школе. Замечательно, что Жаме был дружен с отцом Кальме, богобоязненным филологом XVIII столетия, и составил свою библиотеку наполовину из книг, завещанных этим ученым бенедиктинцем, наполовину из книг, полученных от академика Лансло. Почерк у Жаме-младшего был прекрасный, так что, какой том с его пометами ни возьми, везде найдешь блестящие образцы остроумной болтовни, которая рядом с тяжеловесными схолиями XVI столетия выглядит, как песенка Феррана или Лене рядом с Ликофроновой "Кассандрой". Стиль этих заметок на полях весьма небрежен, однако Жаме относился к ним далеко не так равнодушно, как можно было бы думать, и объединил их в толстенный том под необычным названием "Stromates", которое очень подходит им и в переносном смысле (смесь), и в прямом (оболочка, покрывало книги — Жаме ведь в самом деле по ходу чтения покрывал книгу пометами). Этот рукописный сборник, принадлежавший прежде господину Шардену, затем попал, насколько мне известно, в Королевскую библиотеку; остроумные наблюдения перемежаются в нем с массой пустяков, да и по стилю он показался мне слабее тех импровизированных заметок на полях, которые хранят всю живость и, можно сказать, пыл необузданного воображения. Есть превосходные книги, не выносящие правки, и великолепные остроты, меркнувшие при повторении.

От Жаме естественно перейти к одной весьма любопытной библиологической теме, которую я здесь едва намечу, оставляя ее подробное рассмотрение авторам

более даровитым и, главное, располагающим более обширным материалом; тему эту я сформулировал бы так: "О знаменитых людях, оставивших на своих книгах владельческие надписи или пометы". Ныне, когда обилие печатной продукции заставляет библиофилов вернуться на круги своя и вновь обратиться к собиранию рукописей, эти надписи и пометы безмерно увеличивают ценность книг; есть даже такие привередливые и утонченные коллекционеры, которые не признают никаких других экземпляров. В первые десятилетия существования книгопечатания люди редко оставляли на книгах пометы: ученые тех лет, люди простодушные и скромные, не смели и думать, что их вещи будут представлять ценность для потомков. Самое большее, что они себе позволяли, — это засвидетельствовать на титульном листе книги, что она является залогом нежной дружбы, однако мне хочется верить, что они делали это, вовсе не помышляя о неведомом покупателе, которому однажды суждено будет приобрести их сокровище. В моей библиотеке есть две книги с такими надписями: Аполлинарий Сидоний, подаренный Жозисасом Мерсье Саварону* и "Пропо-

---

*Caii Sollii Apollinaris Sidonii, Arvernorum Episcopi, opera castigata et restituta. Lugduni, apud Johan. Tomaesium [Гая Соллия Аполлинария Сидония, епископа Арвернского. Сочинения улучшенные и исправленные. Отпечатано в Лионе, у Жана Турна]. 1552, 8°, в зеленом сафьяновом переплете работы Тувенена. Необрезанный экземпляр. Вверху титульного листа рукой Саварона написано: *Spes mea Christus. Savaron* [Надежда моя — Христос. Саварон. — *Лат.*]. Подпись Саварона зачеркнута, но читается легко. Под заглавием идет другая надпись, уложившаяся в одну строку: *Ex dono Josiae Merceri V. doctiss. et opt.* [Подарок Жозисаса Мерсье, мужа просвещеннейшего и благороднейшего. — *Лат.*]. Эти слова также венчала подпись Саварона (опять-таки зачеркнутая). Под пространной маркой Турнов: *Quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* [Не делай другим того, чего себе не желаешь. — *Лат.*] — выведено имя Луи Каррьона. Наконец, внизу фронтисписа мы находим шесть строк, начинающихся словами: *Andreas*

веди” Мишеля Мено, подаренные Баифом Мюре*. Господину Ренуару повезло больше, чем мне: в его великолепной библиотеке имеется том, подаренный Монтенем Шаррону, с автографами обоих. Когда количество изданий возросло настолько, что по экземпляру стало невозможно определить владельца, да и сами собиратели начали путаться в своих сокровищах, у библиофилов постепенно вошло в привычку пометать свою собственность условным знаком, печатью или подписью; к сожалению, мало кто из великих людей имел так мно-

---

Schottus contuli cū mss. Jo. Amaritonis et Cl. Puteani [Андреас Схоттус собрал по рукописям Ж.Амаритона и Кл.Пютеануса. — *Лат.*] и т.д. Все поля исписаны комментариями Андре Схотта и множеством любопытных схолий Мерсье и Каррьона. Саварон, выпустивший в 1609 году великолепное издание Сидония Аполлинария, наверняка пользовался этим томом, о котором на XX странице своего издания в ”Послании к читателю” говорит так: ”Книга Жозисаса Мерсье с рукописными заметками Амаритона и Пютеануса, собранными Андре Схоттом и Луи Каррьоном”. Весьма возможно, что книга была украдена у наследников Саварона, скончавшегося в 1622 г., и потому-то его имя в двух местах вычеркнуто, меж тем как все остальные имена остались нетронутыми. Экземпляр, освященный подписью Саварона, является, следовательно, своего рода альбомом, который украшают автографы четырех учнейших мужей XVI столетия. Судьба его оказалась невероятно счастливой: на две сотни лет следы его теряются, но до нас он дошел в превосходном состоянии. Книга этой эпохи с необрезанными полями — сама по себе уже чрезвычайная редкость. А заплатил я за нее на набережной всего шесть су. Надеюсь, что отныне прелестный переплет, выполненный Тувененом, предохранит том Аполлинария от всех опасностей, которые грозили ему столь долгое время.

* *Fratris Michaelis Menoti sermones quadragesimales* [Брата Мишеля Мено великопостные проповеди]. Отпечатано в Париже у Жана Пти, б.г., малый 8°, в фиолетовом сафьяновом переплете работы Жинена. На титульном листе рукой Баифа написано: *Antonius Baifius M. Antonio Mureto dono dedit Lutetiae, anno 1561, mense decembri* [Антуан Баиф Антуану Мюре дарит в Лютеции в декабре 1516 г. — *Лат.*]. В книге попадает еще несколько заметок, сделанных тем же почерком, а особенно нелепые места книги, над которыми уже давно смеется весь свет, аккуратно подчеркнуты пером. Я украсил этот экземпляр портретом Баифа работы Гоше и портретом Мюре работы Фике.

*Переплет "с фанфарами", с гербом Ж.-А. де Ту (до его женитьбы).
Красный сафьян*

го книг и ценил их так высоко, чтобы постоянно пользоваться этим благословенным знаком, который стократно увеличил бы сегодня ценность томов, им отмеченных. Часть великолепных книг из знаменитой библиотеки Жака Огюста де Ту украшена его подписью. Имя Пьера Корнеля стоит на нескольких экземплярах его перевода книги "О подражании Иисусу Христу", посланных в подарок; Расин ставил свое имя под заметками, которые набрасывал по-гречески, по-латыни или по-французски на полях величайших пьес античности. В Королевской библиотеке хранятся принадлежавшие ему Еврипид и Аристофан, в библиотеке господина Ренуара — его Софокл; я горжусь его Эсхилом (издание 1552 г.). Посчастливится ли кому-нибудь найти тот экземпляр "Теагена и Хариклеи", о котором Расин сказал своим наставникам: "Можете сжечь его, теперь я все знаю наизусть"? Он наверняка делал на полях какие-то пометы, и я рад был бы прочесть их в надежде понять, что нашел такой гений, как Расин, в таком романе, как "Теаген и Хариклея".

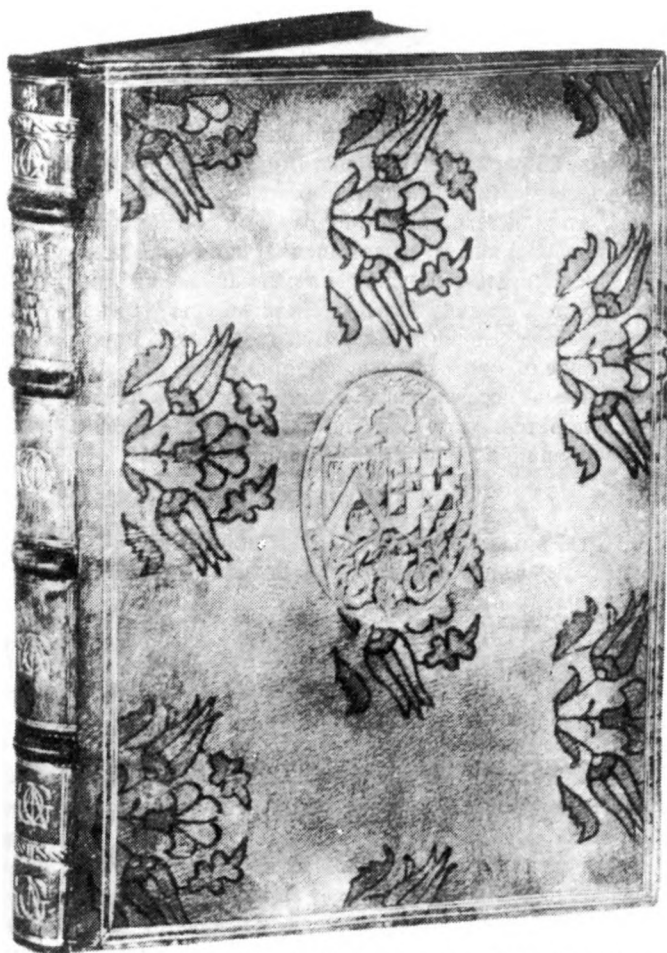
Бальсдан, человек здравомыслящий и мудрый, с весьма похвальной скромностью отказавшийся от соперничества с Корнелем, надписывал все свои книги, которые и без того представляют большую ценность, поскольку собирателем он был превосходным и весьма строго отбирал книги как по содержанию, так и по форме. На всех томах богатой библиотеки мудрого Этьена Балюза твердым и красивым почерком проставлены три слова: Stephanus Baluzius Tutelensis [Этьен Балюз родом из Тулля. — *Лат.*]. Образованнейший Самюэль Бошар записывал первые приходившие ему в голову мысли, своего рода эскизы будущих своих сочинений, прямо на полях тех книг, которыми пользовался. Даровитый филолог Гюйе писал комментарии к тому или иному классическому автору на страницах лучшего из предшествующих

изданий. Так же поступал и почтенный господин Адри, разнообразием познаний напоминавший ученых эпохи Возрождения и заслуживающий по отношению к ним названия "последнего римлянина"; я счастлив, что владею Горацием 1544 года с его рукописными комментариями*. Но еще счастливее был бы тот библиофил, который нашел бы книгу Боккаччо с пометами Лафонтена или Теренция с пометами Мольера! Книги Ламоннуа легко узнать по девизу *A Delio pomem* (в этой анаграмме он скрыл свое имя), равно как и по весьма любопытным заметкам на полях, написанным микроскопическим, но очень изящным и разборчивым почерком. Еще сильнее пекся о внешнем виде своих помет Д.Дюран — как правило, он делал их красными чернилами, а буквы выводил четко, как печатные, и витиевато, как рисованные. Совсем иначе выглядят торопливые каракули Сантеля: его дарственные надписи удивительно неряшливы.

В XVIII столетии люди уделяли своим библиотекам гораздо меньше внимания; книги с подписью Ж.Ж.Руссо или с лаконичными пометами Вольтера составляют исключение из общего правила. На аукционах мне не раз попадались книги, якобы снабженные пометами знаменитых авторов, однако в большинстве случаев то были подделки. Лишь в самое недавнее время ученые вновь полюбили писать на книгах; французские библиофилы и их иностранные коллеги оспаривают друг у друга тома с любопытными рукописными замечаниями Морелле, Грослея, аббата Риве, аббата Мерсье де Сен-Леже, Адри, Барбье, Шардона де ла Рошетта и других. Всякий библиофил может дополнить этот краткий список.

---

*Q.Horatii Poemata. Parisiis, ex officina Roberti Stephani [Квинта Горация Стихотворения. Отпечатано в Париже, у Робера Этьенна]. 1544. 8°. В красном сафьяновом переплете с узорчатыми форзацами зеленого сафьяна работы Фогеля. Великолепный экземпляр с комментариями Адри, подготовленными к печати, но не опубликованными.

Переплет с гербами Ж.-А. де Ту и его второй жены Гаспарды де Шатр. Лимонный сафьян с узором из тюльпанов, напечатанных сепией и раскрашенных в розовые и светло-зеленые тона

На некоторых книгах пометы и подписи заменены другими опознавательными знаками — гербами или де-визами, вытисненными на переплете или наклеенными на форзац; таковы прекрасные тома, входившие некогда в роскошные книжные собрания Гролье, де Ту, графа Хойма, Жирардо де Префона, Лонжеьера и занимающие почетное место в библиотеках нынешних коллекционеров; этим экземплярам нет равных, ибо прославленные библиофилы ничего не пожалели для их украшения.

С некоторым опозданием я вспоминаю, что совершенно упустил из виду дурацкие каламбуры Маранзака: заметки Жаме завели меня слишком далеко; впрочем, непомерное обилие отступлений, являющееся, быть может, невольным подражанием Жаме, даст о его обычной непоследовательности гораздо лучшее представление, чем сделанная по всей форме дефиниция.

Приложение

Хотя в конце этой главы я повинился в том, что слишком далеко ушел от предмета своего рассказа, несколько моих друзей, интересующихся тем специальным и малоизученным вопросом, который заставил меня забыть о Маранзаке, требуют, чтобы я поделился с читателями некоторыми наблюдениями — любопытными, впрочем, только для библиоманов, — сделанными в ходе наших бесед и разысканий.

Два обстоятельства вынуждают собирателя ставить на книге свое имя: первое из них — желание отметить свою собственность, второе — тщеславие владельца. О втором я говорить не буду, поскольку владельцы по-настоящему ценных книг редко отличались тщеславием, а торжественные слова: "Я принадлежу герцогу де Валентинуа" или "Я принадлежу герцогу де Мортемару" — мало что прибавляют к посредственному экземпляру посредственного издания. Что же касается первого обстоятель-

*Книга из собрания Ж.Гролье с надписью в нижней части переплета
Jo Grolierii et amicorum (Я принадлежу Гролье и его друзьям)*

ства, в той или иной степени переплетающегося со вторым, — ведь тщеславие, не чуждое даже самым возвышенным душам, примешивается едва ли не ко всем нашим помыслам, — то именно оно и объясняет появление всех надписей, о которых я рассказывал выше; недаром Ж.О. де Ту не надписывал книги, украшенные его гербом, но если герба на книге не было, ставил свое имя на титульном листе; исключения составляют тома, для которых он заказывал переплет с гербом уже после того, как вписал в них свое имя, — их очень легко узнать.

Гролье, одевавший свои книги в столь роскошные переплеты, надписывал их крайне редко; исключение составляет прелестная надпись: *Grolierii et amicorum* [Я принадлежу Гролье и его друзьям. — *Лат.*], свидетельствующая не столько о безумной расточительности, сколько о бережном отношении к каждому тому. Кстати, ныне можно считать доказанным, что у Гролье было по несколько экземпляров одной и той же книги, отчего высокоученый господин Дибдин и принял этого великого государственного деятеля XVI столетия за переплетчика.

Уже во времена Гролье другие любители книг, собиравшие по его примеру богатые библиотеки, изобрели самые разные способы навсегда связать прекрасные книги с именами тех, кто сумел их оценить; надписывая свои книги, они, можно сказать, придавали им неповторимое лицо. Оригинальнее всего, пожалуй, поступал Жиль Дефе, гравировавший на корешке своих книг собственное имя по латыни: *Egidius Igneus*. Мне трижды довелось держать в руках книги из его библиотеки; всякий раз это был экземпляр, отпечатанный на более тонкой и более широкой бумаге, чем прочие экземпляры этого издания; сейчас в моем распоряжении находится принадлежавший Жилью Дефе Теренций в издании Робера Этьенна (1538, 8°).

Было время, когда прекрасные экземпляры книг можно было сразу опознать по гербам: на аукционах фации графа Хойма, равно как и пчелы де Ту, говорили сами за себя. Библиофил, который не мог похвастать столь древней родословной, господин Жирардо де Префон (насколько мне известно, он торговал лесом), перенес эту визитную карточку книги на внутреннюю сторону переплета. Тома, на форзаце которых изображен прелестный овальный медальон с надписью: *Ex musaeo Pauli Girardot de Préfond* [Из собрания Поля Жирардо де Префона. — *Лат.*], способны украсить любой аукцион, а если над их переплетами трудились Десей или Падлу, они вообще не имеют себе равных.

Упомяну также еще об одном превосходном собирателе, господине Ле Рйше, чьи книги легко узнать по монограмме, четко выведенной красными чернилами и состоящей из двух его инициалов, повторенных дважды. На первых порах, впрочем, он писал свое имя полностью. Господин Гийон де Сардьер, чье имя также является достойным украшением книги, выводил его дважды — на первой и на последней странице; все принадлежавшие ему тома прелестны.

С некоторых пор, однако, коллекционеры полюбили еще один способ метить свою собственность, который я нахожу отвратительным, хотя к нему уже прибегал такой превосходный собиратель, как господин де Бурламак, — я имею в виду эмблемы, печатаемые вручную на титульном листе. Так, в любопытной коллекции господина Ришара, который, к несчастью, заботился не столько о сохранности своих книг, сколько о том, чтобы как можно чаще повторить на них свое имя и оттиснуть свое клеймо, предательская печать красуется буквально на каждом свободном месте. Еще менее приятно для глаза клеймо господина Симона из Труа, впрочем, остроумного человека и почтенного литератора; клеймо

это причинило множеству книг гораздо больше вреда, чем принесла бы пользы рукописная помета. Имя талантливого человека умножает ценность принадлежавшей ему книги, лишь если оно выведено его рукой. А что такое грязная печать, которую эти господа считают своим долгом оттиснуть на титульном листе? Просто-напросто скверная жирная клякса. Оставим эти штемпели общественным библиотекам, которым без них не обойтись.

Opus Morlini, complectens Novellas, Fabulas et Comoediam, maxima cura et impensis Petri Simeonis Caron, bibliophili, ad suam nec-non amicorum oblectationem rursus editum [Сочинения Морлино, содержащие Новеллы, Басни и Комедию. Собрано и издано Пьером Симоном Кароном, библиофилом, для собственного его удовольствия и для увеселения друзей]. Париж, МДССІС [1799] [3], 147, [15] стр. Сборник многих древних и новых фарсов. Издано в Париже у Никола Руссе. 1612. 144 стр. <...> Малый 8°. В красном сафьяновом переплете работы Тувенена. Необрезанный экземпляр.

<...> Самый образованный человек, если душа его свободна от страстной любви к любопытным книгам, с трудом может понять, какой интерес представляет для библиомана переиздание старой книги, ценной лишь своей редкостью. Нет ничего странного в том, что человек желает владеть тем, чем кроме него не владеет никто в мире, ибо подобное желание есть следствие одного из главных и неистребимых человеческих чувств — чувства собственности; однако чувство это если и не вовсе нетерпимо, то, во всяком случае, крайне ревниво, — как же в таком случае может библиофил смириться с переизданием, обнажающим бездарность и ничтожность посредственной книги, достоинства которой исчерпываются ее уникальностью? Как только все собиратели

получат возможность приобрести ее, она делается ненужной ни одному из них, и это непременно произошло бы со всеми переизданиями редких книг, если бы они выходили такими большими тиражами, что могли бы удовлетворить всех желающих. Так, любопытный трактат аббата де Сен-Сирана*, прежде столь высоко ценимый библиофилами, вот уже несколько лет пребывает в полном забвении по вине того, кто выпустил его контрафакцию; та же судьба едва не постигла и знаменитый трактат Вильяма Аллена**. Человек, берущийся за подобную перепечатку, должен прежде свести тираж к минимуму, дабы не обесценить одновременно и копию и оригинал. Тираж Каронова сборника фарсов был, пожалуй, немного завышен, и если библиофилы по-прежнему ценят эту книгу очень высоко, то лишь оттого, что собрать все включенные в нее пьесы крайне трудно, да они и не всякому доступны, ибо стоят немалых денег. Пожалуй, перепечатывать нужно лишь такие книги, которые сохранились в количестве двух-трех экземпляров, и притом следить, чтобы они и после переиздания все равно оставались редкими. Некогда для воспроизведения таких книг прибегали к помощи каллиграфов; на распродажах книжных собраний господина Меона и господина Шардена всякий мог убедиться, что прекрасные рисованные копии ценятся наравне с драгоценными оригиналами. К несчастью, это удивительное искусство совершенно захирело после смерти Фьо, блестяще подражавшего древним рукописям. Как это всегда случается,

---

*Королевский вопрос и его решение. Париж, у Туссена дю Брэ, 1609, 12°; первое издание; в зеленом сафьяновом переплете.

**Политический трактат. Лион, 1658, 12°, 94 стр., в красном сафьяновом переплете работы Дерома. Первое издание. Экземпляр, принадлежавший Балюзу и Жирардо де Префону. В этом трактате доказывается, что "убийство тирана не следует считать убийством".

книготорговцы нажили на его работах целые состояния, сам же бедняга Фьо остался нищим и умер от голода в жалкой лачуге.

Хотя глава эта, посвященная теме не слишком важной, и без того получилась чересчур пространной, я не могу окончить ее, не сказав несколько слов о Кароне. Судьба не баловала этого удивительного библиофила: он не имел возможности приобретать те роскошные издания, о которых мечтал; не знаю даже, была ли у него вообще библиотека. Карон был безвестным статистом из театра "Водевиль", и лишь незначительность ролей спасала его от зрительского гнева, ибо комедиантом он был никудышным. Писал он ненамного лучше, чем играл, и памфлеты его лишний раз доказывают, что муза, под покровительством которой он влачил жалкое существование, не была к нему благосклонна; сочинял он и куплеты, но они еще слабее его прозы. Не стану говорить о его нравах — на их сомнительность указывают и круг его чтения, и стиль его писаний. Однако, судя по всему, в конце жизни ум его, измученный злоупотреблениями и невзгодами, оказался во власти впечатлений, решительно чуждых издавна занимавшим его забавам. Подобно двум или трем артистам того же театра, он покончил с собой под влиянием приступа меланхолии — болезни, которая, по странному совпадению, свирепствовала тогда среди жизнерадостных подданных Мома. Имя его, так хорошо известное библиографам, почти незнакомо биографам*, которые, однако, описали столько никчемных судеб: вот что значит невезение.

Нравственные и политические максимы, извлеченные из "Телемака". Издано Луи Огюстом, Дофином (Людовиком XVI). Напечатано в Версале, в типографии монсеньора Дофина, управ-

---

*Умер Карон в 1806 г., 43 лет от роду.

ляемой О.М.Лоттенем. 1766. 8°. 36, [1] стр.
В картонном переплете и синем сафьяновом
футляре. Необрезанный экземпляр.

Известно, что тираж этой книги не превысил двадцати пяти экземпляров; их получали в подарок особы, приближенные к Дофину. Скромный внешний вид моего экземпляра достаточно ясно указывает на то, что августейший составитель оставил его себе; возможно, это единственный необрезанный экземпляр "Максим", но одна эта особенность, отличающая и множество других драгоценных томов, еще не дала бы этой книге права стать предметом особой главы в моем сочинении. Я числю его среди самых редких и любопытных изданий в моей небольшой библиотеке по другой причине.

На титульном листе моего экземпляра сверху написано от руки:

«Анекдот.

Как только Дофин (ныне царствующий) окончил печатание этой небольшой книги, он отдал несколько экземпляров, предназначенных для подарков, переплетчику; первым книгу получил Людовик XV, его дед. Его Величество открыл ее на странице 15, прочел параграф IX, перечел его, а затем сказал Дофину: "Сударь, дело сделано, отбросьте в сторону доску".

Слышано от очевидца этой сцены».

Прочтя эти строки, всякий пожелает узнать содержание фрагмента "Телемака", привлечшего внимание Людовика XV. Вот что там говорится: "Стоит королям отбросить в сторону совесть и честь, как они навсегда лишаются столь необходимого им доверия народа и, вызывая у него одно лишь презрение, делают бессильны вернуть его на стезю добродетели; короли становятся тиранами, подданные их — бунтовщиками, и ничто, кроме внезапного переворота, уже не может вернуть монархам утраченную власть".

Слова эти пробуждают столько мыслей, что я даже затрудняюсь их изложить. С ужасом сознаю я, что их выбрал из Фенелона и напечатал не кто иной, как Людовик XVI, а дед его, Людовик XV, столь глубоко проник в их трагический смысл — ибо нет никаких сомнений, что эти удивительные слова: "Дело сделано, отбросьте в сторону доску" — следует понимать в переносном смысле. Книга была уже отпечатана, Дофин уже отдал несколько экземпляров в переплет, доски были уже отложены в сторону. В словах Людовика XV слышится совсем иное: это грозный намек, некая пророческая аллегория грядущей революции, которая, как всем известно, чрезвычайно тревожила воображение этого монарха; в противном случае фраза эта не запечатлелась бы в памяти людской, поскольку, будь она сказана в прямом, а не в переносном смысле, она вовсе не заслуживала бы пересказа. Лоттен, своими ушами слышавший слова Людовика XV, записал их на полях экземпляра, которым нынче владеет господин де Пиксерикур, записал, впрочем, что называется, по наитию, а вовсе не оттого, что осознал их важность, — ведь он вообще не называет максиму, на которую намекал король; скорее всего он о ней и не подозревал. Да и автор заметки, украшающей мой экземпляр, сочинил ее, скорее всего охваченный неким пророческим духом и сам не ведая, что творит: в самом деле, в ту пору этот "анекдот", в свете позднейших событий значащий столь много, значил очень мало, чтобы не сказать ровно ничего. Страшное предсказание тогда еще не сбылось. Луи Огюст был "ныне царствующим" Дофином, а если кто-нибудь полагает, что это указание было специально вставлено в заметку позднее, чтобы придать ей большее правдоподобие, то мы можем заверить: запись была сделана прежде, чем свершилась революция. Слова "ныне царствующий" вымараны, хотя разобрать их можно, — а к этой предосторожности фран-

цузам приходилось прибегать только однажды — в период, отделяющий 10 августа от 9 термидора.

Тому, кто владел этой книгой до меня, удалось выяснить, что очевидец, упомянутый в заметке, это господин де Сен-Мегрен, воспитатель Дофина и сын герцога де Лавогийона.

Парижский Часослов, содержащий изрядное число молитв по-французски и общую исповедь. Напечатано в Париже, у Тильмана Кервера, проживающего на улице Сен-Жак, под вывеской Жаровни. 1552, 12°. В издательском переплете из золоченой телячьей кожи с золотым тиснением и серебряными застежками.

Все старинные часословы, как правило, прекрасно оформлены, Часослов же, о котором идет речь, отличается не только прелестными гравированными орнаментами, обрамляющими страницы, но и старинным переплетом, который, пожалуй, достоин внимания собирателей; однако по традиции книги такого рода ценятся, лишь если они напечатаны на пергамене или украшены множеством миниатюр. Я приобрел этот Часослов и посвятил ему главу в "Заметках" не за редкость издания и не за превосходное качество экземпляра. Истинное его достоинство заключается в двух строчках, написанных на форзаце: "Сия книга принадлежит Марии Де Марке". Имя это повторено на форзацах неоднократно. Меж тем не нужно быть крупным специалистом по истории литературы XVI века, чтобы знать, что фамилию Де Марке носили две сестры, воспетые тогдашними поэтами за ум и красоту и удостоившиеся дружбы Ронсара — "Аполлона Кастальского ключа", незаслуженно превознесенного при жизни и незаслуженно забытого в наши дни; предполагают даже, что знаменитый поэт, который был неравнодушен к женскому полу и ни за что не стал бы ограничивать одними лишь стихами знакомство, сулившее

ему такой успех, питал к сестрам Де Марке более нежные чувства. Возможно, что Мария Де Марке и есть та Мария из второй книги "Любовных стихотворений", которая вытеснила из сердца неверного поэта Кассандру и вскоре была забыта ради Синопы. Гипотезу эту, пожалуй, подтверждают строки, где названы имена обеих сестер*:

Я не в одну Мари влюблен, признаюсь,
Меня теперь и Анна в плен взяла.

Трудно допустить, что это просто совпадение. Как бы там ни было, вот другие стихотворные строки, которые Ронсар, бесспорно, посвятил Марии Де Марке, ибо они написаны его рукой на форзаце ее Часослова, чуть выше того места, где она вывела свое имя:

Я вижу радость бытия земного
В служеньи ей, но знать хочу одно:
Что видеть ей вовек не суждено
У ног своих влюбленного иного.

О верности моей твержу ей снова,
Надеясь, что и мне она верна, —
Что видеть не желала бы она
У ног своих влюбленного иного.

Хотя рукописи Ронсара — вещь крайне редкая, я имел счастливую возможность сравнить надпись на моем Часослове с подлинным автографом Ронсара и убедиться в верности моего предположения; мне трудно было бы обойтись без этого подтверждения, ибо, на мой взгляд, Ронсару редко случалось писать так простодушно и очаровательно, как в первом из этих двух стансов.

---

* Нам могут возразить, что Анна Де Марке, по мнению биографов, была родом из Нормандии, а свою Марию Ронсар называет уроженкой провинции Анжу; возможно, однако, — если, конечно, биографы не ошибаются, — что Ронсар специально хотел запутать следы, а может быть, сестры некоторое время жили в разных провинциях.

Признаюсь честно, я не думаю, что есть в мире человек, до такой степени чуждый смешным восторгам библиомана, чтобы осудить меня за наслаждение, которое доставляет мне книга, хранящая подобные воспоминания; при одном взгляде на нее перед глазами моими встают сцены дивные и трогательные. Ронсар в ту пору был уже очень знаменит, но еще очень молод; он родился в 1524 году, следовательно, в 1552 году, когда был издан наш Часослов, ему было всего двадцать восемь лет; стихи наверняка сочинены именно в это время: молитвы в Часослове расписаны по календарю, и знатная девица не стала бы пользоваться книгой, оставшейся с прошлого года. Разве не является красноречивым памятником эпохи это объяснение в любви, стоящее в конце сборника молитв, сразу вслед за словами общей исповеди; разве не показательно для тогдашней эпохи благочестия, перемешанного с любовью, что юная прелестница, которой был адресован мадригал, даже и не подумала его уничтожить — такой невинной выглядела эта забава? Нынче по этому поводу не преминули бы поднять большой шум — не потому, что мы набожнее людей XVI века, а потому, что мы обесчестили любовь. Говоря короче, Часослов Марии Де Марке наводит на множество размышлений, которым, впрочем, вовсе не место в этой главе.

Юлиан Отступник, или Краткое жизнеописание сего монарха, а также сравнение папизма с язычеством, перевод с английского. 1688, 12°. В фиолетовом сафьяновом переплете работы Жинена. Бич рода человеческого, или Жизнеописание Юлиана Отступника, а также сравнение его жизни с жизнью Людовика XIV. Кельн, у Пьера Марто. 1696, 12°. В картонном переплете, выделанном под сафьян, с сафьяновым корешком. Необрезанный и, возможно, уникальный экземпляр редчайшей книги.

Господин Барбье, не видевший ни одного из этих любопытных томиков, долгое время считал первый из них апологией Юлиану и на этом основании приписал его Даниэлю де ла Року, автору сочинения "Истинные причины обращения аббата де ла Трапп". В самом деле, Никола Иасент де ла Рок сообщает в своих "Историко-литературных фрагментах", что его родственник Даниэль де ла Рок сочинил некую "Апологию Юлиану", однако, апология эта не имеет ни малейшего отношения к нашей книге, посвященной не столько Юлиану, упоминаемому в ней лишь походя, сколько католической церкви, на которую автор книги обрушивает безудержную брань. Столь же неопределенны и представления библиографов о второй из названных книг; заглавие ее не приведено полностью ни в так называемом «Библиографическом словаре» Кайо, где от имени Людовика XIV оставлена лишь одна заглавная буква, ни в великолепном "Учебнике книгопродавца и любителя книг" господина Брюне, где это сокращение весьма неудачно прочтено как "Лувуа". Вот единственное, что было известно точно: обе книги очень редкие и на распродажах стоят очень дорого. Когда мне посчастливилось приобрести вторую из этих книг, я узнал ее настоящее заглавие, которое повторяется также и на первой странице текста, однако и по разнице в шрифте, и по следам клея я сразу же понял, что и первая страница, и титульный лист вклеены в уже готовую книгу; следовательно, подумал я, книга эта, возможно, существует в нескольких видах: в одних экземплярах, как и в моем, имя Людовика XIV названо полностью, в других от него оставлена только заглавная буква. До сих пор мне не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть эту догадку, поскольку больше мне не попалось ни одного экземпляра, однако, если бы мое предположение подтвердилось, я мог бы утверждать, что книга о Юлиане существует в трех видах, отчего ценность

каждого экземпляра выросла бы еще сильнее. В самом деле, сделавшись обладателем книги "Юлиан Отступник", первой из описанных в начале этой главы, и, сравнив ее с книгой "Бич рода человеческого", я мгновенно понял, что, за исключением титульного листа и первой страницы, обе книги абсолютно идентичны; я сообщил об этом факте моему почтенному другу г-ну Барбье, и он поспешил учесть его в последнем издании «Словаря произведений, выпущенных анонимно» (Т. 3. С. 401). Однако, поскольку обилие разнородных сведений об этих двух книгах создало в труде господина Барбье некоторую путаницу, я счел небесполезным изложить здесь все по порядку.

Итак, очевидно, что книга или, точнее, памфлет под названием "Юлиан Отступник" не имел того успеха, на который, по всей вероятности, рассчитывал автор, когда обрушивал свой гнев на головы католиков; тогда издатель, еще менее щепетильный в выборе средств, решил соблазнить публику, потерявшую интерес к книге, новым заглавием, дерзость которого могла бы наделать шума и привлечь всеобщее внимание; бесстыдный этот обман тем менее извинителен, что книга не дает к нему ни малейшего повода, ибо Людовик XIV в ней даже не упомянут.

Из всех хитростей, на которые пускались издатели, дабы поскорее сбыть свои книги, нет более доступной, чем перемена заглавия; с другой стороны, нет более легкого средства ввести в заблуждение неопытного покупателя. Кто мог бы предположить, что под заглавием "Записки Цезаря" скрывается одна из фация, входящих в состав "Сплетней Роженицы"? Кто мог бы подумать, что и "Проигравшаяся в пух Меланхолия" и "Мещанина, или Людские хитрости" — части одного из псевдоэпизодических изданий "Способа выйти в люди"?*

---

*Способ выйти в люди. Отпечатано в нынешнем году [1698]. 12°. 348 стр. В зеленом сафьяновом переплете работы Тувенена.

Примерами такого рода можно забавляться до бесконечности: даже "Шутовской сборник", книга крайне убогая, хотя и довольно редкая, может привлечь внимание библиофила, поскольку существует под двумя разными заглавиями*. Замена титульного листа была удобна и тем, что помогала на время сбить со следа полицию и скрыть от нее опасное и непристойное сочинение; таким образом, страдали хороший вкус и добрые нравы, а книгопродавец и автор были в выигрыше.

Каталоги древнего и нового мира в семи книгах, содержащие различные сведения о вещах как древних, так и новых; сочинение, из коего историки почерпнуть могут рассказы обо всем на свете. Напечатано в Венеции, у Габриэло Джолити ди Феррари с братьями. 1552**, 8°, 367 стр. В красном сафьяновом переплете работы Дерома. Экземпляр на голубой бумаге.

Старые библиографы единодушно признают эту книгу крайне редкой, а экземпляром на голубой бумаге, по всей вероятности уникальным (во всяком случае, если судить по каталогам), может гордиться любой собиратель; современные библиографы об этой книге не упоминают вовсе, скорее всего потому, что она отсутствует в тех великолепных собраниях, которыми они пользовались при составлении своих указателей. Я счел,

---

Я датую эту книгу 1698 годом, потому что эта дата стоит на титульном листе "Мешанины", представляющей собой ту же самую книгу с другим фронтисписом, и не верить ей у нас нет оснований. Следовательно, мой "Способ выйти в люди" появился гораздо позже самых последних изданий Даниэля Эльзевира, однако шрифт его, впрочем весьма тусклый, похож на эльзевировский, поэтому весьма вероятно, что книга была напечатана у Мозжана.

* Шутовской сборник. 1717; или: *Вирши, нелъпицы, бредни, сплетни*. 1721, 8°. В зеленом сафьяновом переплете работы Жинена.

**В конце книги вместо 1552-го указан 1553 г.

что, заполнив этот пробел, принесу пользу если не ученым, которые, пожалуй, простили бы библиографам их умолчание, то хотя бы ловким, но не слишком одаренным литераторам из числа тех, что пишут новые книги с помощью книг уже написанных. Сочинение, о котором я хочу рассказать, — истинная сокровищница для компиляторов, точнее говоря, она сама — весьма любопытная компиляция, так что удачливый ”составитель”, который возьмется расширить и подправить ее, прослывет кладезем премудрости. ”Каталоги в семи книгах” — это в самом деле ряд каталогов, составленных беспорядочно, безрассудно, бессистемно; создатель их прочел с пером в руках целую уйму книг и не упустил ни одной трогательной или забавной биографической подробности. Повторю еще раз, от этого сочинения нечего ждать системы, вкуса или ума, однако тот, кто потрудится прочесть оглавление каждой книги, поразится обилию и необычности содержащихся в ней исторических анекдотов в духе Авла Геллия или Валерия Максима. Здесь перечислены мужчины и женщины, прославившиеся своей красотой или, напротив, своим безобразием; войны и несчастья, причиной которых послужила любовь; люди, наделенные нечеловеческой силой: моты и скупцы, распутники и злодеи, благодетели и неблагодарные, предатели, убийцы, отцеубийцы и самоубийцы всех стран и народов; люди, погибшие в результате несчастных случаев самого разного рода — утонувшие, испепеленные молнией, провалившиеся сквозь землю и погребенные под развалинами домов, растерзанные львами, растоптанные лошадьми и укушенные змеями; гениальные ораторы, поэты, звездочеты, живописцы, музыканты и комедианты. Наконец, чтобы дать вам еще более полное представление о необычайном разнообразии интересов автора ”Каталогов”, которые отнюдь не ограничиваются названными здесь темами, добавлю, что в число досто-

примечательностей древнего и нового мира он включает знаменитых собак.

Одним словом, если вам недостает эрудиции, если утомленная память отказывается вам служить, вы можете быть уверены, что найдете в "Каталогах" все необходимые цитаты и примеры. Недаром в 1744 году немецкий библиограф Геце недоумевал, почему никто до сих пор не приискал этим обширным и разнообразным сведениям лучшего применения. Конечно, многие эпизоды, приведенные в "Каталогах", можно отыскать у древних авторов, откуда, собственно, и почерпнул их сочинитель описываемой книги, однако для этого пришлось бы прочесть их всех подряд так старательно и внимательно, как он; что же касается авторов нового времени, то тут сочинитель "Каталогов" незаменим, ибо во многих случаях он описывает обстоятельства, известные ему одному, и людей, чьи имена известны нам лишь из его книги. Между прочим, мы даже не знаем, как звали его самого. Давид Клеман говорит, ссылаясь на Аржелати, что "Каталоги в семи книгах" принадлежат перу Гортензио Ландо, миланского врача, увлекавшегося богословием и принявшего протестантство, что и послужило причиной гонений на его книги. Предположение это выглядит весьма основательным, однако, если согласиться с ним, придется признать, что Гортензио Ландо был человек в высшей степени необычный и склонный к самоуничтожению. Вот что пишет он в главе, посвященной холерикам, об "одном современнике по имени Гортензио Ландо": "Дабы выполнить свой долг и совершить то, что мне сделать легче, чем кому бы то ни было другому, я включаю этого человека в число холериков и людей со скверным характером. По причине внезапных и неумеренных вспышек гнева не раз получал он тяжкие увечья. Будучи радушно принят в городе Неаполе неким благородным человеком, он, не стоя мизинца

того человека, порвал с ним из-за пустяка и пренебрег таким образом дружбой, сулившей ему честь, выгоду и удовольствие. Не раз расставался он по причине неистового своего нрава и с мужчинами, и с женщинами. Получив однажды в дар изрядную сумму денег, он с обычной своей грубостью ее отверг. Поссорившись с человеком, он немедленно возвращает ему все, что от него получил, и предает его забвению, невзирая на долг дружбы и данные обещания. Я твердо убежден, что он состоит не из четырех стихий, как все люди, но из гнева, презрения, ярости и гордыни”.

Познакомившись с этой не слишком лестной характеристикой, которая, впрочем, свидетельствует о незаурядном чистосердечии, читатель будет наверняка немало удивлен, узнав, какое прозвище избрал себе доктор Ландо, — в сочинениях своих он нередко именовал себя “Tranquillus” (“Спокойный”), и псевдоним этот поставил в тупик не одного библиографа — слишком уж он необычен.

Искусство обретать счастье с помощью снов, или Как увидеть сон, какой пожелаешь. Франкфурт и Лейпциг. 1746, 8°. В рыжеватом переплете телячьей кожи.

Не знаю, на каком основании это любопытное сочинение приписали прославленному Бенджамену Франклину, чем немало взвинтили цену тех немногочисленных экземпляров, что изредка мелькают на распродажах. Впрочем, атрибуция эта бытует лишь в устном виде и ни один из библиографов, насколько мне известно, не стал ее обсуждать, а господин Барбье в своем “Словаре” даже не упоминает эту книгу, по правде говоря, чрезвычайно редкую. Трудно также сказать определенно, как следует к ней относиться — как к ловкой спекуляции на доверчивости несчастных читателей, испытывающих вполне естественное желание скрасить свой сон иллюзиями,

в которых отказывает им жизнь, или же как к обыкновенной игре воображения. Ясно одно: кого бы автор ни обманывал, других или самого себя, делает он это весьма умело. Историческая часть, где он излагает свою странную систему, написана грубовато и небрежно, но увлекательно, как роман, и я бы ничуть не удивился, если даже самые отъявленные скептики решились бы последовать его советам, в чем, впрочем, никогда бы не признались. Вся хитрость этих предписаний, а равно секретов Альберта Великого и тому подобных чародеев заключается в том, что залогом успеха оказывается вещь на первый взгляд вполне реальная, но на самом деле совершенно недостижимая, вроде квадратуры круга или философского камня. Так, нет ничего легче, чем отыскать разрыв-траву, которая помогает открыть любой замок и разорвать любые оковы, — для этого нужно всего-навсего найти гнездо черной сороки. Увы! вся штука в том, что черных сорок не существует.

Впрочем, я отнюдь не хочу сказать, что наука, о которой идет речь в этом сочинении, вовсе не подвластна пытливому уму человека. Напротив, всякий знает, что сны часто зависят от образа жизни; самые почтенные люди убеждали меня, что видят те или иные сны, смотря по тому, что ели за ужином, и могут, следовательно, чуть ли не управлять своими ночными грезами. Дети уверены, что хорошие сны снятся от корицы; вера эта, как я мог убедиться, жива не только в школе, но и в тюрьме. Однако все догадки, связанные с великой и любопытной теорией сновидений, исследованы до сих пор очень мало; никто еще не посмотрел на них с философской точки зрения: ни Бело*, ни грек Апома-

---

* Сочинения г-на Жана Бело, кюре Мильмонского, содержащие Хиромантию, Физиогномию, Искусство запоминания, Трактат о гаданиях, предсказаниях и снах и проч. В Руане, у Амю, 1688, 12°. В коричневом переплете из телячьей кожи. Хорошо

зар*, ни грек Артемидор** не дают удовлетворительного ответа на наши вопросы. Было бы, возможно, весьма полезно выяснить, как влияют ночные грезы на наши верования, заблуждения, страсти и преступления; я уверен, например, что добротная физиология сна помогла бы нашим юристам избежать многих роковых ошибок. Множество фактов свидетельствует, что такие ужаснейшие душевные расстройства, как колдовство, ликантропия, вампиризм, овладевают человеком во сне, подобно лунатизму и кошмарам. Достоин сожаления, что подобные вопросы исследуют одни шарлатаны, а авторы серьезных книг касаются их походя, там, где этого менее всего можно ожидать. Меж тем если верно, что единый глас целого народа — это глас истины, то сновидения заслуживают самого серьезного внимания, ибо вера в их провидческую роль распространена, не побоюсь произнести это, не меньше, чем вера в бессмертие души. Примеры мы найдем повсюду, и век философии в этом отношении не уступает веку религии. Сновидения Людовика XIV*** наделали, пожалуй, не меньше шуму, чем сны Иосифа и Валтасара.

Mirabilis liber qui Prophetias revelationesque nec non res mirandas preteritas presentes et futuras aperte demonstrat [Удивительная книга, которая

сохранившийся экземпляр книги, обычно встречающейся в очень потрепанном состоянии.

* Апомазар, или Значения и осуществления снов. В Париже, у Дени Дюваля, 1581, 8°. В зеленом переплете из левантийского сафьяна работы Падлу. Экземпляр, принадлежавший Мирабо.

** Артемидора и Ахмета критика снов и проч. На греч. и лат. языках с примечаниями Ник. Ригальта. Париж, 1603. Малый 4°. В переплете из юфти работы Жинена.

*** Любопытные замечания о сновидениях некоторых высококордных особ, особенно же короля Людовика XIV. В Амстердаме, у Жака-младшего. 1690, 12°. в зеленом сафьяновом переплете работы Дерома. Экземпляр исключительной сохранности.

Сон Людовика XIV, увиденный 22 августа, в день взятия Мены. Издано по рукописи в Кельне. Б.г. [1706], 12°. В красном сафьяновом переплете работы Симье. Прекрасный необрезанный экземпляр.

пророчества, откровения, а также поразительные вещи настоящие и будущие открывает и показывает]. Продается у Пелликана, на улице Сен-Жак (в Париже), 8°. СХ, XXV, [3] стр. В зеленом сафьяновом переплете работы Фогеля. Экземпляр с владельческой надписью академика Бальсдана.

Нет необходимости напоминать обстоятельства, обусловившие внезапную популярность этой книги в начале революции. В ней предсказаны испытания, которые выпадут на долю католической церкви, и предсказания эти, которые с таким же, если не с большим успехом могли быть применены к эпохе Реформации и расколу церковей при Генрихе VIII, поразили французов своей близостью к революционным событиям. "Mirabilis liber", кстати говоря, сама по себе книга отнюдь не редкая; редкими могут считаться только хорошо сохранившиеся ее экземпляры; старые книги такого рода вообще ценны по большей части не содержанием, а тем, что дожили до наших дней в приличном состоянии.

Однако я охотно признаю, что та безумная наука, то обманчивое вдохновение, что именуются пророчествами, — вещь довольно любопытная; они свидетельствуют, что самые абсурдные заблуждения нашего ума иногда ненароком приближаются к истине; для истории случая сочинения такого рода предоставляют превосходный материал — по этой-то причине я жадно разыскивал их, хотя редко находил оправдания своему любопытству.

Всякий может оценить по заслугам "Предсказания Нострадамуса" — виртуознейший образец подобных сумасбродств; они настолько темны, что прекрасно подходят к самым разным событиям. Ни одно из этих предсказаний, кроме тех, что достаточно определенно относятся к Карлу I, Бирону и лондонскому пожару, не может быть истолковано удовлетворительно (пророчество о де Ту и Сен-Маре бесспорно является позднейшей

вставкой). Так вот, если кого-то удивляет, что хотя бы некоторые из многоликих гипотез знаменитого мага, допускающих столько толкований, сколько в них слов и слогов, подтвердились, то меня гораздо сильнее удивляет другое: почему сбылось так мало предсказаний, почему их не сбылось больше, почему, наконец, они не сбылись все до одного? Если бы сегодня некий остроумный человек взялся сочинять предсказания на манер Нострадамусовых, он без всякого труда добился бы еще более поразительного эффекта; приведу в пример хотя бы "Тюрготину", дата написания которой известна. Чтобы предсказывать будущее народов с многолетней историей, нужно только одно — быть немного знакомым с их прошлым; все, что происходило некогда, обязательно произойдет еще раз, ибо все, что делалось тогда, будет сделано снова, а из всех вещей, которым свойственно вечно повторяться, ничто не повторяется с такой неотвратимостью, как глупость.

Любопытно, что наши ясновидцы охотнее всего ссылаются на предсказание, вычитанное у Антуана Куйяра, сьера дю Павийона, который, будучи человеком просвещенным, по тогдашним временам едва ли не философом, яростно нападал на Нострадамуса. В своих "Возражениях", напечатанных в 1560 году в Париже, у Ланжелье, он упоминает пророчество, согласно которому небесная сфера, символизирующая государство и общество, переживет в 1789 году огромное потрясение, последствия которого будут устранены лишь спустя четверть века. Вот даты и факты, с которыми может сравниться лишь *Lilium in Spinis* [Лилия в терновом венце. — *Лат.*], открывающая "Предсказания" Парацельса и словно предрекающая судьбу нашей монархии.

Я уже сказал, что во всех пророческих книгах, от "Оракулов Сивиллы"* до "Занимательных оракулов"

---

* ΣΙΒΥΛΛΙΑΚΟΙ ΧΡΗΣ ΜΟΙ: hoc est Sibillyna oracula, notis

сьера де ла Коломбьера*, очень мало по-настоящему глубоких прозрений. "Чудесная книга"**, не являющаяся, как можно было бы думать, переводом "Mirabilis liber", но не менее знаменитая, была, по-видимому, написана специально для того, чтобы заставить духовенство задуматься над неотвратимыми последствиями его распутства и припугнуть его грядущим расколом, который вскоре после того времени, когда, по-видимому, была сочинена эта книга, и в самом деле произошел по вине распутных католиков и развратной римской курии. Гораздо более любопытна "Песнь французского петуха"***;

---

illustrata a Iohanne Opsoroeo. [Оракулы Сивиллы, с пометами Иоганна Опсопеуса]. В Париже, 1607. – Oracula metrica Jovis, Apollinus, Hecatis etc., a Iohanne Opsoroeo collecta [Стихотворные предсказания Юпитера, Аполлона, Гекаты. Собранные стараниями Иоганна Опсопеуса]. Там же, 1607. – Oracula magica Zoroastris, studio Iohannis Opsoroei [Чудесные предсказания Зороастра. Собрано Иоганном Опсопеусом]. Там же, 1607, 8°. Три книги в одном томе, в красном сафьяновом переплете работы Падлу или Шамо. <...>

*Занимательные оракулы, разрешающие самые любопытные вопросы для развлечения честной компании, с приложением забавного рассуждения о раскраске гербов, ливрей и лент, а также о смысле растений, цветов и фруктов, сочинение В.Д.Л.К. (Вюльсон де ла Коломбьера). В Париже, у Гуда, 1649, 8°. Экземпляр на голландском пергаменте.

**Чудесная книга, содержащая суть и цвет некоторых рассуждений, пророчеств и откровений, а равно и старинных хроник, поминающая все деяния всемирной церкви, а также преступления, раздоры и тревоги, коим суждено свершиться в римской церкви, и повествующая о временах, когда отымутся у церковников и монахов земные блага и оставят им из еды и одежды лишь самое необходимое. А также повествуется о преосвященных епископах и папах, кои будут после того править церковью, особливо же о папе именем Ангелический пастырь и о короле французском именем Карл-святой человек. В Париже, по заказу Тибо Бессо. 1565, 8°. В переплете из телячьей кожи сиреневого цвета.

***Песнь французского петуха королю, где собраны предсказания одного отшельника, родом немца, кой жил тому назад шесть по двадцать лет, сии же предсказания во множестве сбылись уже в Богемском королевстве и в княжестве Палатинском,

где, в частности, предсказано разрушение Оттоманской империи в царствование монарха, который присоединит Испанию к Франции, — предположение, которое однажды вполне может осуществиться. "Предсказание Лихтенберга" привлекательно по другой причине. Это издание* — самая редкая и прелестная из книжечек такого рода, и я рискну причислить его к величайшим сокровищам своей библиотеки; его украшают 44 гравированные виньетки, не считая фронтисписа и гравированной концовки, изображающей пророка; каждая глава начинается инициалом серого цвета. Книга великолепно набрана и прекрасно оформлена. < ... > Впрочем, и это "Предсказание" не вовсе лишено странных, потрясающих воображение совпадений, о которых я только что рассказывал, и, будь я более впечатлителен, я без труда привел бы вам изумительнейшие их образцы. Вот один из них, который даже не нуждается в чрезмерно доверчивом читателе, на которого рассчитывают обманщики; я переписываю его слово в слово со страницы с сигнатурой Liij, заверяя всех маловеров в готовности предъявить им свой экземпляр, по всей вероятности, единственный в Париже.

"В тот год прибудет Орел в восточную страну с огромным множеством птенцов своих на помощь сыну человеческому, и крылья его закроют солнце, и разрушат они крепость, и большой страх станет в мире... Лилия

а иные трактуют о том, как король наш нехристей в католичество обратит и сделается Всемирным Императором. В Париже, у Дени Ланглуа. 1621. Малый 8°. В зеленом сафьяновом переплете работы Дерома.

*Pronosticatio Iohannis Lichtenbergers, 1528. Et ad calcem, excusum est hoc prognosticum impensis honesti et spectati viri Petri Quentel, civis coloniensis, mense Januario, anno millesimo quingentesimo vicesimo octavo [Предсказание Иоганна Лихтенберга, 1528. Сие предсказание изготовлено на средства честного и славного мужа Петра Квентеля, гражданина Кельна, в месяце январе, в году 1528]. Очень малый 8°. В сафьяновом переплете работы Фогеля. Листы A₂ — Liij. Экземпляр превосходной сохранности.

утратит корону, а получит ее Орел, впоследствии же коронован ею будет сын человеческий и так далее” (лат.).

Признаюсь, это изумительное ”и так далее” выглядит так, будто написано сегодня; мало того, лишь это словечко позволило мне без опаски переписать фразу целиком — иначе я рисковал бы прослыть мятежником.

Нет ничего легче, чем объяснить пристрастие всех народов к чтению гадательных книг. Пристрастие это — естественный результат естественнейших из наших склонностей — любви к чудесному и любопытства. С другой стороны, мало из чего так часто и так грубо извлекали пользу шарлатаны; но если обманщикам, подвизавшимся на этом поприще, несть числа, то справедливости ради следует признать, что философы в этом неповинны, ибо делали все возможное, чтобы подорвать доверие к пророкам. Кроме ”Предсказаний Пантагрюэля” Рабле, напечатанных на полвека раньше, чем ”Предсказание” Нострадамуса, и являющихся, безусловно, самой остроумной и меткой сатирой на этот смехотворный недуг человеческого ума, наша старинная поэзия может похвастать также ”Предсказанием о предсказаниях”*, достойным внимания читателей. Название этой книги объясняется тем, что ее автор предсказывает судьбу всем предсказаниям:

Прими же, мир безумный, в назиданье
Мое единственное прорицанье:
Все прорицатели (простой тут сказ)
Иль сами дурни, иль дурачат нас.

Тебя я уверяю без обмана,
Что в их речах нет истины ни грана;

---

*Предсказание о предсказаниях не только на наступающий 1537 г., но и на года последующие и даже прошедшие, сочинение мэтра Саркомороса, уроженца Татарии и секретаря славнейшего и могущественнейшего короля Китайского, слуги добродетелей. 1537, 8°. В красном сафьяновом переплете работы Жинена. Превосходно сохранившийся экземпляр очень редкой книжечки.

Что в этот год, как в прошлые года,
Все лгут они — и будут лгать всегда.

Разве не удивительно, что разум народов, в ту далекую пору столь трезвый, по прошествии ста восьмидесяти лет опустился до бездарных выдумок Леру* и Гюйно**? Не оттого ли человечество движется к истине столь неровным шагом, что государственная мудрость не поспевает за народной смекалкой?

Диалактическая и потенциальная Секстэссенция, извлеченная новейшим способом посредством священной магии и заклинаний Демóном, советником Амьенского суда, для лечения кровотечений, ран, опухолей и венерических язв у французов, а равно и для того, чтобы обращать вещи, почитаемые вредными и ужасными, в добрые и полезные. Отпечатано в Париже, у Этьенна Преото, 1595. 8°. Очень редкая книга.

На первой странице переднего форзаца этого тома выведено от руки: "Сия книга принадлежит вдове покойного господина Демона, бывшего советника, проживающего на Льянной улице, возле Башни". Вторая страница переднего форзаца исписана латинскими и французскими стихами, под которыми стоит имя Демона. Тем же почерком написаны несколько строк без подписи на обороте этой страницы.

Слова владелицы, придающие книге особую ценность, навели меня на след потомков автора, которые до сих

---

*Ключ Нострадамуса, исагог, или Введение в истинный смысл пророчеств этого знаменитого автора, с их критикой устами одного отшельника (Л.Р., бывшего кюре Лувиканского). Париж, 1710, 12°. В переплете из телячьей кожи сиреневого цвета работы Фогеля. В каталоге Королевской библиотеки, № 4629. автором книги назван Леру.

**Согласование Пророчеств Нострадамуса с историческими событиями от царствования Генриха II до века Людовика Великого, сочинение господина Гюйно. Париж, 1712, 12°. В переплете из телячьей кожи сиреневого цвета работы Фогеля.

пор мирно живут в Амьене, чуть ли не в том же самом доме на Льянной улице. Они, быть может, и не ведают, что род их восходит к одному из самых необычных наших авторов и что в глазах собирателя роскошнейшее издание Грессе или прекраснейший экземпляр "Глоссария" дю Канжа не стоят редчайшей старой книги, название которой я привел в начале этой главы. Вначале Демон выпустил другую книгу; ее нет в моей библиотеке, поэтому я заимствую сведения, которые могут мне пригодиться, из "Учебника" господина Брюне; итак, первая книга Демона именовалась:

Демонстрация четвертой части *ничего*, чего-то и всего, а также Квинтэссенция четвертой части *ничего* и его составляющих и т.д., извлеченная, дабы изыскать причину бедствий Франции и лекарства от оных. Париж. 1594. 8°. 78, [1] (список опечаток).

Господин Брюне полагает — на мой взгляд, совершенно справедливо, — что "Секстэссенция" не что иное, как переиздание поэмы о "Квинтэссенции" с присовокуплением пространного ее толкования, и предположение это подтверждается посвящением королю, в котором Демон изъясняется следующим образом: "Помимо описания чудес Господних через их причины, рождение мое в сем месте вынудило меня, натурально, в начале наших смут наслать на сие королевство то действие, какого ожидал я от своего имени, отчего составил я магическое заклинание Демона, дабы изыскать причину бедствий Франции и лекарства от оных, а равно сочинил краткую квинтэссенциозную демонстрацию, научную и темную, ибо на французском, латинском, греческом и древнееврейском языках составленную, каковую некогда, в разгар наших бедствий, принес я в дар драгоценному и почтенному моему родителю, городу Вашему Амьену, откуда я родом: рассудивши, что, по правде и справед-

ливости, ему принадлежат темнота и смутность, кою многие ему указывали или, лучше сказать, отказывали, я же в рассуждении своем, словно в древнем сумрачном хаосе (сумрачными же словами), изобразил лик Господень... Поелику же сегодня, Ваше Величество, яркий свет Вашей отваги и милосердия Вашего разогнал в умах ваших подданных дымные и смрадные испарения, скрывавшие солнце... решился я... посвятить Вам сие изъяснение измышленных мною загадок касательно происхождения французских бедствий и лекарств от оных” и т.д. Поскольку, дабы извлечь эту квинтэссенцию из ”Секстэссенции” Демона, я вынужден был продираться через четыре страницы вводных предложений, я ничуть не удивляюсь тому, что ученый аббат Сен-Леже счел эту книгу принадлежащей к разряду мистической теологии. Дабы убедиться в обратном, ему пришлось бы ее прочесть, а на такую самоотверженность способны далеко не все библиоманы. Однако, поскольку мирной и невинной страсти, каковой является библиомания, суждено, по-видимому, тревожить сердца еще не одного поколения, а в вопросе о том, к какому разряду сочинений принадлежит ”Диалактическая секстэссенция”, до сих пор так мало ясности, что аббат де Сен-Леже считает ее, как уже говорилось, трудом по ”мистической теологии”, старые библиографы — вкладом в ”историю Франции”, а господин Брюне относит ее — что не лишено оснований — к разделу ”Поэзия”, я скажу несколько слов об этой книге и ее месте в литературе, чтобы покончить с этим вопросом раз и навсегда.

Демон безусловно принадлежал к числу глубоко чувствующих, но осторожных и даже пугливых людей, которые любят примирять веления сердца с велениями долга и в смутные времена не становятся полностью ни на чью сторону, поскольку ни одна сторона не может считаться правой во всем — это предполагало бы, что

противная сторона во всем не права, а такая абсолютная слепота составляет, очевидно, исключительное преимущество современной эпохи*. Принужденный выбирать между Церковью и законным королем, между вероломством и вероотступничеством, неловкий, как все порядочные, но робкие люди, он облачил свою нерешительность в мистические неудобопонятные фразы, которые наверняка не понравились ни королю, ни Лиге, хотя он желал жить в мире и с тем и с другой. Хочется верить, что он остался советником Амьенского суда, меж тем, будь он чуть-чуть половчее, он бы далеко пошел – ведь он был не в своем уме.

Во всех странах, во всех литературах вечно повторяется одна и та же история, лишний раз напоминающая о человеческом несовершенстве: стоит только обществу под влиянием неких катаклизмов задуматься о своем предназначении, а литераторам – о предмете и цели их занятий, как та или другая сторона, а зачастую и обе вместе делают ошибку за ошибкой. Даже Ньютон, комментируя Апокалипсис, едва ли не впадает в безумие. Что же удивительного в том, что добряк Дембон окончательно сошел с ума, пытаясь примирить такие непримиримые вещи, как видения Иоанна Богослова, римско-католическую теократию и свободу?

Осмелюсь сказать напоследок, что если и осталась еще в библиографии неисследованная тема, достойная отдельной книги, то тема эта – ”Библиография безумцев”, а если существуют книги, из которых можно составить занимательную, любопытную и поучительную библиотеку, то это книги, сочиненные сумасшедшими. Даже если не включать в их число ни Мерсье, который попусту растрачивал свой ум, ни Дидро, который попусту растрачивал свой гений, ни Мальбранша, которому

---

*Я написал эти строки давно, но не удивлюсь, если они верны и поныне.

привычный недуг не мешал в ученых занятиях, ни Паскаля, которому мономания служила, возможно, источником пыла и вдохновения, если даже умолчать о Паризо, Морене, Давене и Постеле и не вспоминать поэтов от Тассо до Жильбера, все равно приходится признать, что нет более благодатной темы для историка литературы; а если сравнить число здравых идей с общим объемом написанного безумцами, то окажется, что они намного обогнали всех прочих сочинителей.

В заключение скажем, что "Диалактическая секстэссенция" не имеет отношения к мистической теологии, хотя она, как и все книги того времени, полна мистико-теологических пассажей; не принадлежит она и к поэзии, хотя автор напечатал в этом томе немало скверных стихов, подозревая, вероятно, что больше такой возможности ему не представится; "библиографическое" место "Секстэссенции" — рядом с "Менипповой сатирой" (которая скорее всего была опубликована не раньше 1594 г.). Правда, рядом с этим сочинением книга Демона выглядит, как Ликофрон рядом с Гомером или Ретиф де Ла Бретонн рядом с Рабле.

Lectionum Bibliothecarum memorabilium syntagma, continens dissertationes variorum: de Bibliothecis et libris, literis et literatis, edita a Rudolfo Capello. Hamburgi, sumptibus Georgii Wolfii [Выбранные места из сочинений знаменитых библиотекарей, содержащие различные рассуждения: о библиотеках и книгах, словесности и словесниках. Издано Рудольфом Капеллусом. В Гамбурге, по заказу Георга Вольфа]. 1682. 12°. В сафьяновом переплете лимонного цвета работы Фогеля.

Подсчитать количество страниц в этом томе нелегко, поскольку они не нумерованы: за десятью вступительными страницами следуют десять листов с сигнатурами А — Нн; последний лист состоит из десяти страниц,

на последней из которых обозначено имя типографа — Михаэль Пипер. Три первых листа, за исключением двух страниц, напечатаны по-немецки, равно как и десять вступительных страниц, лишенных сигнатуры. Первая из них гравирована. В начале листа А помещен портрет Рудольфа Капеллуса. Поскольку книга была напечатана по заказу Вольфа из Гамбурга, можно было бы ожидать, что она полностью или частично вошла в "Monumenta typographica", но я осмелюсь утверждать, что это не так — недаром я некогда занес ее в разряд "неизвестных" книг, а затем убедился, что о существовании ее не ведают не только французы, но и немцы.

Несчастливая судьба нашего Капеллуса не может не вызвать у нынешних филологов и библиографов горьких раздумий. Она неопровержимо доказывает, что в библиографии больше, чем в любом другом роде литературы, "книги имеют свою судьбу"; ведь *Lectiones bibliothecariae* являются, по моему глубокому убеждению, едва ли не самым занимательным из сборников такого рода; богатство и увлекательность освещенных здесь сюжетов таковы, что книга читается с неослабевающим интересом с начала и до конца. Быть может, французских собирателей отпугнул немецкий шмуцитул и три-четыре страницы на немецком в начале и конце книги? Это я еще могу понять, но какая роковая случайность привела к тому, что о книге Капеллуса ничего не ведают и немецкие библиографы, столь неутомимо пекущиеся о фактической точности, столь почтительные к авторитетам, столь мало склонные ниспровергать своих славных предшественников, что их скорее можно упрекнуть в излишней предупредительности? Как объяснить, что о Капеллусе молчат Бауэр и Фрейтаг, Фогт и Бейер? О редкости этого замечательного библиографического сочинения можно судить уже по тому, что имя его автора ускользнуло даже от господина Вейсса, ибо

во "Всемирной биографии", равно как и во всех известных мне каталогах, исключая разве что каталог Бунау, о нем не сказано ни слова. Почти полное забвение такой книги не может объясняться гонениями со стороны властей, однако, как мы вскоре увидим, причиной его не могло стать и мудрое презрение, которое в эпоху фундаментальных знаний и фундаментальных исследований окружало одни книги всеобщим почтением, а множество других обрекало на смерть в лавке бакалейщика. Повторяю еще раз, книга Капеллуса столь же занимательна, сколь и поучительна, и источником ее невзгод был скорее всего какой-либо несчастный случай, вроде тех, что подстергли фолиант Рюдбека и ин-октаво Дальгарно.

Хотя я и обещал дать читателю представление о достоинствах этого любопытного сочинения, автор которого знаком нам лишь по имени, я воздержусь от подробного рассказа: он отнял бы слишком много времени, ибо мало есть книг, содержащих такое количество мелких библиологических сведений и прелестных историй. Ограничусь перечислением: в первой части отмечу превосходное "похвальное слово" собирателям и хранителям публичных библиотек; во второй — заметки о "библиотечной" ономотологии и фразеологии, содержащие все необходимые сведения по этим вопросам; в третьей — великолепные разыскания об искусстве письма, или хирографии, которую мы высокопарно именуем *каллиграфией*, о типографском искусстве, о видах бумаги, о пергаменте и живописных украшениях, принятых в новое время; о пожарах в библиотеках, в особенности же о пожаре, в котором сгорели почти все экземпляры знаменитой "Небесной машины" Гевелия; наконец, в четвертой — любопытные трактаты Шпицелиуса о счастливых и несчастных литераторах, Феррариуса — о невзгодах литераторов, Бартолинуса и Фритциуса — о по-

роках литераторов и злключениях библиотек. Не эти ли превосходные сочинения включил в свой сборник 1707 года ученый издатель книги Цицерона "Об изгнании"; присвоенной Алциониусом, Иоганн Буркхард Менке? В данный момент я не могу это проверить, ибо лишился книги Менке, но мне было бы досадно, если бы оказалось, что издатель Алциониуса незнаком с книгой нашего Капеллуса; осмелюсь утверждать, что любопытные суждения, содержащиеся в его труде, единственны в своем роде. Мой ученый друг господин Пеньо писал где-то, что книгам грозят три главных врага: крысы, черви и пыль; шутя, он добавил сюда четвертого противника — "зачитывателей" книг. Наш добрый Фритшиус увеличил бы этот список на добрую сотню, из которой я назову лишь дюжину самых опасных врагов, которых следует опасаться библиофилам: это клопы, тараканы, моль, котята, дети, неуклюжие и любопытные гости, люди с грязными или грубыми руками, масло, воск, сало, а главное, воры. Впрочем, я ошибаюсь, Фритшиус называет и еще более страшных врагов: "Тираны, противники и преследователи, люди вздорные, глупые, бессмысленные и невежественные, питающие ненависть к людям образованным, к книгам, учености и ученым".

Венчает книгу Капеллуса весьма ученая "Записка", трактующая о литературной и библиографической истории допотопной и слепопотопной эпохи — эпохи предмоевеевой и предмонархической, то есть об истории тех любопытнейших и загадочнейших инкунабул, исследователь которых может полагаться лишь на смутные предания, дожидаящиеся, пока ясный критический ум внесет луч света в их потемки. Таким образом, знакомя библиофилов и библиографов с моим Капеллусом, я ничуть не преувеличил его заслуг, не побоюсь даже добавить, что переиздание его книги принесло бы большую пользу ученым и литераторам тех стран, где кого-то еще

интересует научная литература, — например, Германии.

Сочинения семилетнего автора (без указания места и даты издания; предположительно: в Париже, в Королевской типографии, 1678). 4°. 9, 35, 89 стр. В рыжеватом переплете из телячьей кожи с золотым обрезом.

Всем известно, что эта книга, содержащая несколько сочинений по схоластике и несколько писем герцога дю Мэна, была издана стараниями его гувернантки госпожи де Ментенон и его воспитателя господина Ле Рагуа, очень небольшим тиражом, не превышающим, по слухам, семи-восьми экземпляров. Мой экземпляр — тот самый, что на распродаже собрания господина д'Урша был продан за 120 ливров, хотя и был, как станет ясно из дальнейшего изложения, описан не совсем точно; впрочем, мы не вправе обвинить ученого автора каталога ни в рассеянности, ни в легкомыслии, тем более что составлен был этот каталог за несколько лет до того, как библиофилов охватила страсть к факсимильным перепечаткам и автографам. Напротив, составитель каталога выказал себя человеком весьма здравомыслящим, сделав при описании драгоценного тома "Сочинений семилетнего автора" тот единственный вывод, какой был ему по силам. Один издатель незадолго до того включил в собрание сочинений Расина первый из четырех стихотворных комплиментов, которые по старинному обычаю были помещены в книге перед сочинениями семилетнего герцога. Господин Брюне совершенно справедливо возразил, что если Расину в самом деле принадлежит лишь одно из четырех стихотворений, то выбор скорее всего сделан неверно, и сослался на экземпляр господина Урша, где имя Расина, написанное *почерком того времени*, стоит под вторым стихотворением. Если бы в ту пору почерк Расина был так же хорошо знаком библиофилам,

как теперь — всем любителям автографов, они сделали бы на основании этой подписи более решительные выводы, ибо она, бесспорно, сделана рукой Расина, а значит, и стихи, под которыми он ее поставил, скорее всего принадлежат именно ему. Однако в книге есть и еще один след Расиновой руки; великий поэт поставил имя госпожи де Ментенон под восхитительным стихотворным посвящением, напечатанным сразу вслед за титульным листом, причем обстоятельство это, на мой взгляд, ничуть не опровергает мнения критиков, убежденных, что автор первого послания — Расин. Более того, я со всей ответственностью заявляю, что не знаю, кто, кроме Расина, мог бы сочинить эти стихи; однако раз они были написаны от лица госпожи де Ментенон, им подобало быть подписанными ее именем, и Расин, выказав исключительную деликатность, примирил в своем экземпляре почтительное умолчание с желанием не вовсе лишиться, говоря словами Лафонтена, "мзды за похвалу". В самом деле, Расин наверняка знал, что "Предупреждение" принадлежит сьеру Ле Рагуа; не мог он не знать и авторов маленьких стихотворений, помещенных рядом с его собственным, поскольку господа эти были, как и он, придворными, но, в отличие от него, не были гениальными поэтами. Значит, он не без причины подписал только два стихотворения, и причина эта, если я не ошибаюсь, заключается в том, что оба эти стихотворения сочинены им самим; как бы там ни было, бесспорно одно: мой экземпляр некогда принадлежал Расину, и я счастливым, исправив заблуждение, в котором пребывают уже полтора столетия владельцы прекраснейших французских библиотек, вернуть этому экземпляру славное звание, принадлежащее ему по праву. Я не устану повторять свою заветную мысль: чем больше будет печататься книг, тем выше будут цениться уникальные экземпляры, которые смело можно приравнять к рукописям;

уже сейчас цена книг надписанных, снабженных пометами, украшенных вензелями, гербами, печатями знаменитых собирателей или одетых в прекрасные старинные переплеты, достигает баснословной величины.

Конечно, мы с большим удовольствием прочли бы неизвестную сцену из трагедии, оду, псалом или даже эпиграмму Расина, чем его мадригал, однако и это стихотворение вовсе не кажется мне недостойным занять место в полном собрании его сочинений:

Кто этот новый Аполлон?
Едва из колыбели, он
На Пинде нашем воцарился.
Какой блестящий ум явился!

Его я узнаю: вполне он восприял
От славного отца дар мыслей исполинских,
И пламень взоров материнских
В его твореньях воссиял.

Диалог для обучения основам латинского языка, сочинение Сен-Жира из Лангра. Напечатано в Лангре, у Жана де Пре, 1590. 4°. Листы с сигнатурами A – Mijj, последняя страница без сигнатуры.

Перед нами – первое издание, что, впрочем, мало кому интересно, ибо мало кого волнует первое издание латинской грамматики для детей. Однако, если учесть, что эта лангрская грамматика в течение двух столетий успешно помогала детям учить латынь, и если вспомнить, что до сих пор никому не удалось сравняться с ее автором ни в логичности изложения, ни в ясности объяснений, нельзя не признать, что Сен-Жир был в своем роде гений и ничуть не меньше достоин уважения потомков, чем бесчисленные знаменитости, которых ежегодно обрекают бессмертию наши газеты. Теперь, когда я произнес это короткое похвальное слово лангрской грамматике и объяснил должным образом причины, толкнувшие меня на это, читатель, возможно, не посетует, если я расскажу подробнее о методе Сен-Жира, не сохранившейся

ни в последующих изданиях его книги, ни в практике обучения, но тем не менее весьма любопытной.

Сен-Жир назвал свою книгу "Диалогом", потому что вывел в ней своего ученика Шарля, причем не в сухих и малопривлекательных беседах на манер катехизиса, состоящих из вопросов и ответов, но в настоящих маленьких драмах, занимательных для ребенка. Педант-учитель действует в этой комедии лишь на правах ведущего или распорядителя. Он остерегается играть в ней главную роль и выставлять себя на посмешище. Вы спросите меня, кто же в таком случае является собеседником или собеседниками Шарля? Это не люди, это понятия; это *очеловеченные*, ожившие абстракции, которые знакомятся с Шарлем, рассказывают о себе, спорят, объясняют, уточняют, так что в итоге ученик, вынужденный до самого конца принимать участие в этой остроумной битве любознательности со знанием, либо убеждается в своем невежестве, либо преисполняется новой премудрости. Всякому ясно, до какой степени эта очаровательная находка, сталкивающая ум с идеями и волеяневолей заставляющая его насыщаться знаниями, если он не желает признать себя побежденным, выше многих методов, изобретенных невеждами. Например, при взаимном обучении, которое, конечно, предпочтительнее полного невежества, но хуже любого другого способа обучения, ученик вместе с грамотой впитывает порок: единственное, что им движет, — тщеславие; урок для него — дуэль. Напротив, в грамматике Сен-Жира ученик, участвуя в мирных дискуссиях, усваивает бесценную привычку: единственное, что им движет, — потребность в познании; урок для него — победа.

Впрочем, в лангрской грамматике, которой в мое время пользовались в начальных школах, все, что восхищает меня в первом издании, отсутствовало. В этом учебнике уже и в помине не было простодушных бесед

Шарля с господином Существительным, господином Глаголом, госпожой Приставкой и господином Предлогом. Пожалуй, для учеников коллежа все это и в самом деле чересчур наивно, однако Сен-Жир адресовал свою книгу вовсе не им, а отцам семейств, получившим "недурное образование" и уставшим слушать, как их дети "болтают на латыни, не понимая ни слова". Благодаря Сен-Жировой методѣ, сталкивающей ребенка и понятие напрямую, без посредников, ученик получал нечто большее, чем поверхностное знание кое-каких правил; он, можно сказать, сроднялся с языком, и то, что большинство учащихся с трудом запоминают, чтобы вскоре забыть, навсегда впечатывалось в его мозг и душу.

Но Сен-Жир интересен не только этим. Метод, о котором я только что рассказал, достоин Бэкона. А вот другой, предвосхищающий Лейбница. Части речи в грамматике Сен-Жира не только одушевлены, они еще и наделены зримым обликом; книгу украшают незамысловатые гравюры, материализующие мысли и запечатлевающие их в уме юного читателя со всеми подробностями. Не только основные понятия, но и множество мелких деталей снабжены здесь портретом или иероглифом, дабы во что бы то ни стало привлечь легко рассеивающееся внимание ребенка. Всякому известно, что бессмертный создатель проекта "универсальной характеристики" считал это средство одним из самых действенных методов обучения. Не думаю, чтобы Лейбниц читал Сен-Жира, иначе он воздал бы ему должное в какой-нибудь из своих работ, и мне не было бы необходимости писать эту заметку.

Но самая оригинальная и остроумная выдумка Сен-Жира заключается в том, что он связывает все, о чем рассказывает, со строением человеческой руки, изображение которой повторяется в книге так часто, что с первого взгляда ее можно принять за учебник по хиромантии. "Надобно растолковать ребенку, — пишет Сен-Жир, —

что все науки мира он найдет у себя на ладони”. В самом деле, развернутая ладонь — это четырнадцать фаланг вокруг ровного пустого пространства, причем все понятия, которые мы захотим связать с этими фалангами, могут быть превращены из активных в пассивные или из положительных в отрицательные при переходе от правой руки к левой; разве не очевидно в таком случае, что нет лучше мнемотехники, чем *хиротехника*? Все мы умеем считать на пальцах — отчего же нам не научиться вникать ”на пальцах” в абстрактные понятия? Что десятиричная система счисления, основанная на количестве пальцев человека, — самая естественная из систем счисления, — это так ясно, что тут и толковать не о чем, но надо добавить и другое: двенадцатиричная система, или счет на дюжины, основывается на количестве фаланг четырех пальцев руки. Вот эталон, совершеннее которого, пожалуй, не придумал ни один народ.

Одним словом, у коллекционеров нет причин пренебрегать грамматикой Сен-Жира. Во всяком случае, никто не станет спорить, что книга эта редкая. Мне ни разу в жизни не пришлось видеть ни одного экземпляра, кроме своего; более того, я даже никогда не слышал о существовании других экземпляров.

ИЗ КНИГИ "НОВЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ НЕБОЛЬШОЙ БИБЛИОТЕКЕ"

Клотильда де Сюрвиль. Стихотворения Маргариты Элеоноры Клотильды де Валлон-Шали, в замужестве госпожи де Сюрвиль, французской поэтессы XV столетия. Новое издание, выпущенное Ш.Вандербургом, членом Академии надписей и изящной словесности, с гравюрами в готическом стиле, по рисункам Колена, ученика Жироде. Париж, Неве, 1824, 8°. Необрезанный экземпляр на веленовой бумаге; иллюстрации выполнены черно-белым (без подписи, на китайской бумаге) и цветным (с подписью) офортом; в сафьяновом переплете гранатового цвета на сафьяновой подкладке работы Симье.

Великолепный экземпляр, представленный на промышленной выставке 1827 года. К изданию Вандербурга здесь приплетены "Неизданные стихотворения", которые мы с моим другом бароном де Ружу, бывшим префектом департамента Тер, опубликовали в 1826 году; они напечатаны на той же бумаге, оформлены в том же стиле и выпущены тем же издателем. Эти "Неизданные стихотворения" отнюдь не являются, как говорили и даже, кажется, писали некоторые критики, стилизацией стилизации; как и первые стихотворения Клотильды, они принадлежат перу несчастного господина де Сюрвиля, расстрелянного в 1798 году в Пюи, Монпелье или Ла Флеша — биографы даже не знают точно места казни этого превосходного поэта. Перед смертью он три месяца прожил в моем родном Безансоне, где архитектор господин Страба великодушно укрывал его от преследований полиции; в доме этого благородного человека

я не раз имел счастье слышать из уст господина де Сюрвиля стихи его родственницы (а точнее, его собственные), однако, хотя в ту пору я был совсем молод, память моя, бесценное подспорье школяра, сохранила лишь обрывки этих дивных строк, которые, казалось, были навсегда утрачены. По счастью, господин де Сюрвиль проявил предусмотрительность: стихи, работа над которыми была завершена, он вверил своему другу, господину де Вандербургу, остальные же, которые не успел отшлифовать и стилизовать под старину, отдал другому своему другу, господину Дезире де Лонжевилю, с условием, что они никогда не будут опубликованы ни частично, ни полностью. Однако в 1826 году никто уже не сомневался, что стихи Клотильды де Сюрвиль не что иное, как искусная стилизация в духе Макферсона и Чаттертона, поэтому господин де Ружу, владевший списком "Неизданных стихотворений", счел позволительным нарушить волю поэта: коль скоро невинная хитрость автора раскрыта, решил он, бессмысленно и жестоко утаивать от публики какое бы то ни было из его творений; тут-то мы и увидели, что ничто так не выдает господина де Сюрвиля, как чрезвычайная беспомощность его орфографии — поэт пытался следовать старинному правописанию, однако часто грешил неточностями, число которых издатель лишь умножил. Поскольку мы не могли исправить текст, не разрушив при этом целостности стихов и не лишив их неповторимого своеобразия, нам, как это ни печально, пришлось следовать орфографии первого издания, так что в этом отношении наша книга ничуть не лучше.

К своему экземпляру, который, пожалуй, не имеет равных по красоте, я приложил автограф господина де Сюрвиля — стихотворение *в его первоначальном виде*, каким оно было до того, как автор с помощью орфографических и стилистических ухищрений приблизил

его ко времени, когда оно якобы было создано. На мой взгляд, документ этот весьма любопытен; вдобавок он знакомит нас с почерком автора.

Фенелон (Франсуа де Салиньяк де ла Мот). Продолжение четвертой песни "Одиссеи" Гомера, или Приключения Телемака, сына Улисса. Париж, у вдовы Клода Барбена, 1699, 5 томов. Малый 12°, в красном сафьяновом переплете работы Дюрю. — Первое полное издание, чрезвычайно редкое (Барбье. Словарь произведений, опубликованных анонимно, № 17, 304). — Часть 1, 208 стр.; часть 2 — 230 стр.; часть 3 — 204 стр.; часть 4 — 215 стр.; часть 5 — 208 стр. (Брюне. Учебник книгопродавца и любителя книг, издание четвертое).

Наши соседи — англичане, итальянцы и испанцы — ценят первые издания своих классиков на вес золота и, на мой взгляд, поступают совершенно правильно. Мы не отстаем от них и нередко даже перекупаем на аукционах эти прекрасные памятники чужеземных литератур — и, полагаю, не совершаем ошибки. Однако до первоизданий наших собственных классиков нам и дела нет. Мы готовы отдать тысячу двести франков за "Неистового Роланда" 1516 года и шестьсот франков за Шекспира 1623 года, но кому нужен "Телемак" 1699 года? А между тем книга эта чрезвычайно ценная и редкая, ибо:

- 1) нет никаких сомнений в том, что это — первое издание;
- 2) оно печаталось с ведома Фенелона и под его наблюдением;
- 3) оно подверглось жестоким гонениям со стороны властей;
- 4) по всей видимости, оно было изъято из продажи самим автором.

В конце концов оно сделалось такой редкостью, что, несмотря на все старания, я до сих пор не смог обна-

ружить хотя бы один полный экземпляр, кроме своего, и только изредка встречал на распродажах первую часть, выпущенную с привилегией. Поэтому нет ничего удивительного в том, что описание "первого и полного" издания "Телемака" у господина Брюне далеко не полно; то, что говорит господин Брюне, совершенно справедливо и почерпнуто из вполне достоверных источников, однако, судя по всему, автор "Учебника книгопродавца" сам не держал эту книгу в руках — в противном случае он сказал бы о ней все, что скажу теперь я.

Начну с первой части, известной библиофилам под названием "фрагмента", — считается, что сразу вслед за первым изданием она была перепечатана с той же датой на титульном листе, но с некоторыми поправками. Это издание принято называть "контрафакцией". Поскольку в моей библиотеке есть и "контрафакция", и "фрагмент", я могу подойти к этому вопросу беспристрастно и надеюсь, что мое мнение восторжествует. Так вот, шрифт и бумага в пресловутой "контрафакции" те же, что и во "фрагменте"; на ней стоит имя того же издателя, и по праву, поскольку она действительно напечатана в той же самой типографии. Будь она в самом деле перепечатана с "фрагмента", в ней наверняка были бы сделаны "некоторые поправки" — во всяком случае, ее издатель исправил бы опечатки, в место того чтобы слово в слово воспроизводить список опечаток на обороте своего "Предупреждения". Мало того, что "контрафакция" повторяет все ошибки "фрагмента", — она добавляет к ним еще одну, самую грубую: со 120-й страницы до конца книги имя Одиссея пишется в ней самым варварским образом (Odicée вместо Odyssee). Что же это за легкомысленный или тупой типограф, который перепечатывает книгу, снабженную списком опечаток, не исправив ни одной из них и сохранив даже ту, которую поспешил исправить первый издатель? Понятно, что таких типографов нет и не было, а было вот что.

Фенелон жил в Камбре, куда ему присылали корректурные листы и дошли до листа с сигнатурой I; судя по тому, что дошедшие до нас экземпляры отличаются один от другого заставками на фронтисписе, виньетками, линейками и даже форматом бумаги, Фенелон держал в руках разные варианты набора и мог выбирать из них. Поскольку Фенелон остановился на листе с сигнатурой H, понятно, почему список опечаток кончается на странице 94, третьей от конца в этом листе; однако, пока автор добросовестно правил корректурные листы, типограф, подгоняемый нетерпением публики, не сидел сложа руки; он продолжал работу над книгой и уже отпечатал не только те листы, которые еще находились у Фенелона, но и большую часть последующих. Поэтому самое важное исправление — *Odicée* на *Odissée* — сделано не во всех экземплярах, и это — единственное, по сути дела, отличие "фрагмента" от "контрафакции". Ибо так называемая "контрафакция" — это просто-напросто экземпляры первой части "Телемака", отпечатанные прежде других.

Конечно, между "фрагментом" и "контрафакцией", хотя они и похожи как две капли воды, можно найти и еще кое-какие различия, однако различия эти не только не опровергают мою гипотезу, но, напротив, подтверждают ее. Например, на странице 25 так называемой "контрафакции", которую, на мой взгляд, гораздо правильнее именовать первым заводом, в коротенькой фразе: "Телемак продолжал так..." (пятая строка сверху) — имя Телемака очень некрасиво разрублено знаком переноса после слога "Те". Во "фрагменте" оно целиком напечатано на строке шестой. На странице 107 одна половина слова "чудовище" находится на строке шестой, а вторая "повисает" в начале седьмой, завершающей абзац. Во "фрагменте", или втором заводе, слово это, уже не изуродованное переносом, целиком напечатано

на строке седьмой. Ясно, что такие исправления в угоду хорошему вкусу удобнее всего вносить в набор; значит, страницы с более изящным расположением текста напечатаны позже страниц с неудачными переносами, иными словами, "фрагмент" напечатан позже тех оттисков, которые незаслуженно называют "контрафакцией". Конечно, я первый соглашусь, что все эти подробности не имеют большого значения; важно одно: и "фрагмент", и "контрафакция" в равной степени являются первым изданием первой части "Телемака" и равно достойны внимания любителей первоизданий; не знаю, впрочем, уцелел ли хоть один экземпляр, кроме моего. Однако рассказ о первой части "Телемака" еще не кончен; следует добавить, что в скверной правке *Odicée* на *Odissée*, а не на *Odyssée* на страницах 120–169 "фрагмента" повинен не Фенелон, а наборщики вдовы Барбен. Фенелон прекрасно знал, что французское *i* так же мало соответствует греческому ипсилону, как французское "с" — греческой двойной сигме, и, естественно, исправил *Odicée* на *Odyssée*, доказательством чему служит список опечаток обоих заводов; получив в свой черед листы с сигнатурой L — M — N — O, он наверняка снова обратил внимание на эту ошибку, потому что она исправлена во "фрагменте", начиная с листа с сигнатурой P, а также, что гораздо любопытнее, в листах с сигнатурой A — D второй части "Телемака"; этот весьма важный и закономерный факт неопровержимо доказывает, что книга продолжала печататься в той же самой типографии. В листе второй части, на котором стоит сигнатура E, невежда наборщик вновь взялся за свое, но теперь некому было наставить его на путь истинный, поскольку Фенелон, не без причины испуганный, не пожелал больше иметь отношения к изданию своей книги и даже прекратил переписку с издателем. Несмотря на то что книга была запрещена, он не забрал рукопись из типографии — но править коррек-

турные листы он перестал, тем более что небрежность и ошибки наборщика в один прекрасный день могли послужить ему оправданием.

Со стороны Фенелона, наставника наследного принца, было совершенно естественно облечь целостную систему нравственного и политического образования в приманчивые одежды романа. Но превращать роман в сатиру на старого короля, долго и славно правившего страной и незадолго до создания "Телемака" почтившего его автора особым доверием, было бы со стороны этого автора совершенно бессмысленно. Впрочем, самые просвещенные люди нередко верят бессмыслице — все парижане, особенно придворные, приняли за чистую монету эту дикую сплетню. Вдове Барбен лишили привилегии, "фрагмент" приговорили к сожжению, печатание приостановилось на 208-й странице. В точности ли было исполнено распоряжение властей? Это весьма сомнительно. Фенелон, конечно, подчинился, но вдова Барбен, владелица издания, от которого она ждала больших барышей, оказалась более строптивой. "Приключения Телемака" продолжали выходить; последующие части выпущены без указания места издания и имени издателя, без виньеток и, главное, без привилегии, но они так похожи одна на другую бумагой, шрифтом, приводкой длины строк, что сомнений быть не может: они напечатаны на одних и тех же станках. Все это — первое издание "Телемака".

Моэжан и другие типографы перепечатали книгу с такой быстротой, что первое издание сразу затерялось среди множества контрафакций. Я подозреваю, что вдова Барбен сама приложила руку к изготовлению и сбыту этих незаконных изданий. Например, так называемое голландское издание Кондта 1700 года, части которого мне случалось держать в руках, почти наверняка изготовлено из остатков парижского тиража или перепечатано на станках той же вдовы Барбен. Такого же проис-

хождения, на мой взгляд, "Письма к провинциалу", перепечатанные с первого издания ин-кварто "Пьером де ла Валле из Кельна" и продававшиеся в Голландии. Если мое предположение верно, собрать хотя бы еще один полный комплект первого издания "Телемака" будет гораздо легче, чем я думал прежде; нужно только запастись терпением и не терять надежды. У множества книг, которые, если верить каталогам, сохранились в единственном экземпляре, находились двойники. Я остановился на моем экземпляре "Телемака" так подробно лишь оттого, что это — первое издание, а я всю жизнь мечтал совершить то, что не удалось Барбье и Адри, — пробудить в своих соотечественниках интерес к первым изданиям наших классиков, ибо это, по-моему, самое достойное занятие для французского библиофила.

Приключения Телемака. Часть первая. Париж, у вдовы Клода Барбена, 1699, 12°, в фиолетовом сафьяновом переплете с каемкой работы Келера.

Это и есть тот "фрагмент", о котором я только что рассказал, или, если принять мое предположение, окончательный завод первой части, отпечатанный до запрещения. Мой экземпляр "фрагмента" имеет в длину шесть дюймов, таким образом, он на 7—8 линий больше "контрафакции" и остальных частей первого издания. Объясняется это, как я уже говорил, тем, что Фенелону предлагали разные варианты корректурных листов; возможно, он выбрал именно тот формат, в каком напечатан "фрагмент", однако после запрещения книги типограф стал полагаться лишь на свой собственный вкус. Этот "фрагмент" по праву считается редким и стоит довольно дорого, однако он несравненно менее редок, чем остальные четыре части.

Приключения Телемака. Лондон, Додсли, 1738, 2 тома, 8°. Необрезанный экземпляр на плотной

голландской бумаге, с портретом автора и рисунками, в красном сафьяновом переплете с узорами и каемкой работы Браделя-старшего.

Прекрасный экземпляр редкого издания, на который мы стали смотреть свысока с тех пор, как сами расщедрились на подарочные издания "Телемака". Если верить нашим библиографическим указателям, нашим каталогам и рекламе наших газет, нет ничего совершеннее этих громоздких, неудобных томов, напечатанных на рыхлой хлопчатой бумаге, которая легко впитывает влагу, и украшенных несколькими бездарными гравюрами, оттиснутыми со старых, полустершихся досок. Это и есть наше *nes plus ultra**, наше *to kalon***, вершина книжного искусства на наш вкус. Не стану спорить — лишь бы мне оставили моего бедного лондонского "Телемака"; он напечатан на плотной, упругой, шелестящей бумаге, четким шрифтом, который ярко выделяется на приятном для глаз фоне, и украшен великолепными эстампами, которые прекрасно вписываются в книгу; эстампы эти не уступают голландским, а ведь именно голландцы, на мой взгляд, лучше всех овладели искусством иллюстрировать книги. Впрочем, отличная бумага, на которой напечатан лондонский "Телемак", весьма недолговечна; она очень быстро желтеет, в чем и заключается, на мой взгляд, истинная причина недоверия к ней. Однако мой экземпляр в этом отношении безупречен, что же касается его роскошного переплета, то он не столь совершенен в глазах взыскательных библиофилов, хотя и считается одним из шедевров Браделя. Ведь именно с Браделя начинается эпоха чудовищного упадка переплетного искусства.

---

* Дальше нельзя (*лат.*).

** Прекрасное (*греч.*).

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И О ВЛИЯНИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ НА ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Предки наши не знали слова "совершенствование", что лишний раз доказывает их мудрость. Платон, Цицерон и Марк Аврелий не поняли бы, что оно означает, а Монтень, который еще в конце XVI столетия с такой глубокой пронизательностью писал: "Наши нравы до крайности испорчены, и они поразительным образом клонятся к дальнейшему ухудшению; среди наших обычаев и законов много варварских и просто чудовищных; и тем не менее, учитывая трудности, сопряженные с приведением нас в лучшее состояние, и опасности, связанные с подобными потрясениями, — если бы только я мог задержать колесо нашей жизни и остановить его на той точке, где мы сейчас находимся, я бы сделал это очень охотно", — Монтень снисходительно посмеялся бы над ним.

Утверждать, что человеку дано совершенствоваться, — значит предполагать, что он может изменить свою природу; это все равно что ждать, чтобы на иссопе выросла роза, а на тополе — ананас.

Покажите мне человека, который обладал бы столькими чувствами, сколько было у обитателя Сатурна, встреченного Микромегасом; покажите мне человека, наделенного хотя бы одним лишним чувством впридачу к тем пяти, что есть у всех людей, — и я поверю в возможность совершенствования рода человеческого. Не спорю, по прошествии долгих столетий в результате какого-нибудь мирового катаклизма на земле могут появиться, сами собой или по воле высшего разума, существа, устроенные гораздо более счастливо, чем мы, — это,

увы, немудрено! Но то будет уже не совершенствование, а созидание, то будут не люди, а некие новые существа.

Единственная область нашей жизни, где существует нечто похожее на совершенствование, это механический, ручной труд. В самом деле, рука человеческая — хитроумнейшее орудие, возможности которого неисчерпаемы. Сомнительно, однако, чтобы усовершенствования в этой области помогли нам превзойти средневековых ремесленников, являвших чудеса ловкости и терпения; дай нам Бог хотя бы сравняться с ними. Что же касается умственной деятельности и морали, то соответствующие органы к развитию не способны; покуда человек останется человеком, ум его и нравственность пребудут без изменений.

Последние несколько лет все только и говорят что о совершенствовании наук. Эти разговоры — чистой воды спекуляция. Умозрительные науки не сдвинулись с места; точные науки неподвижны по своей природе; фактов становится все больше, но наука от этого не делается совершеннее. Покуда на свете останется хоть один уголок, где человек не побывал, а в душе человеческой не иссякнет желание познать неизведанное, люди будут совершать все новые и новые открытия и рассказывать о них своим соплеменникам. Этим открытиям не будет конца, ибо смело можно утверждать, что человек видел лишь ничтожную часть окружающего мира, весь же мир ему видеть не дано. Он откроет новые законы, общие и частные, узнает о существовании неведомых доселе тварей, произведет новые анализы и синтезы, отыщет новые объекты исследования, изобретет новые термины и разработает новые методы — вот и все, что в его силах. Первые ученые, трудившиеся на ниве точных наук, при всей скудности их познаний, были творцами. Их преемники, при всем богатстве их наблюдений, — не творцы, но всего лишь наследники творцов. Первые создали физику,

химию, естественную историю; вторые проверяют на опыте, классифицируют, комбинируют то, что было создано до них.

Если бы книга "Открытия древних, приписанные людям нового времени" исчерпывающе осветила свою многообещающую тему, на долю людей нового времени не осталось бы, пожалуй, почти ничего. Впрочем, стоит ли писать на эту тему целую книгу, если суть ее сводится к короткому и хорошо известному изречению: "Нет ничего нового под солнцем". Люди восемнадцатого и девятнадцатого столетий считали себя первооткрывателями по той простой причине, что были чрезвычайно невежественны: в книги старых авторов не удосуживался заглянуть никто, кроме шарлатанов, которые черпали там свои "открытия", якобы неизвестные до сих пор ни одному смертному. Сказанное касается почти всех открытий, составляющих гордость нового времени: игральные карты, изобретенные якобы при Карле VI, были известны в глубокой древности; тряпичную бумагу изготовляли повсеместно еще до основания Александрии; рецепт типографской краски, приписываемой Шефферу, приведен у Диоскорида (Кн. I, гл. 67), а книгопечатание с незапамятных времен в ходу у китайцев. Наши далекие предки опередили нас во всем: у них был и свой Христофор Колумб, и свой Полишинель (его двойников мы встречаем среди причудливых египетских статуэток, древних, как пирамиды) — ведь даже если предположить, что до Колумба обитатели Старого Света не бывали в Америке, — хотя вполне возможно, что они там бывали, — античная география и философия свидетельствует, что древние не сомневались в существовании Западного полушария. Вся Франция захлебывалась от восторга, когда Д'Аламбер, человек ограниченного ума и скудных способностей, осчастливил соотечественников блестящей классификацией человеческих знаний. А ведь

классификация эта есть у Бэкона, который, в свою очередь, заимствовал ее у нашего соотечественника Савиньи, чья книга никому не была нужна даже даром, а Савиньи почерпнул свою классификацию из книги некоего Бержерона, забытого еще прочнее, а уж откуда взял ее Бержерон — никому не ведомо, да это и не важно, поскольку она содержится почти полностью в трудах Аристотеля, который, без сомнения, также не был ее создателем. Мало того, даже мысль, что матери сами должны вскармливать новорожденных, иные простодушные читатели сочли гениальным изобретением чело-веколюбивого Жан Жака Руссо, как будто Ева и ее дочери отдавали своих первенцев кормилице. Конечно, Руссо поведал о своем мнимом открытии в словах выразительных и трогательных, однако справедливость требует, чтобы мы не забывали ни о Сцеволе де Сент-Марте, чьи прекрасные стихи Руссо лишь пересказал прозой, ни об Эразме, который, призвав на помощь логику и талант, двумя столетиями раньше женевского философа произнес энергическую речь в защиту той же идеи, посвятив ей двенадцать блестящих параграфов во второй книге своего комментария к Екклесиасту.

Помню, в ранней юности я побывал на лекции о *мне-монике*, или искусственной памяти, которую на сквернейшем жаргоне читал Фейнайгль, бедный немец, невесть почему возомнивший себя философом. И это тоже считалось открытием. Знакомство с замечательной наукой, с поразительным новшеством, не вызывавшим никаких сомнений в своей новизне, обошлось каждому новообращенному в два луидора, меж тем как достаточно было потратить десять су и час времени, чтобы узнать то же самое из книг трехсотлетней давности — из сочинений Петруса из Равенны, Джордано Бруно, Гратароли, Паэпа и дюжины им подобных. Но самое удивительное, что, исключая множество смехотворных определений, при-

надлежащих горе-изобретателю, вся мнемоника целиком и полностью содержится в третьей книге "Риторики для Геренния" Цицерона, которую литераторы тех времен изучали в школе, но успели забыть. Нынче все толкуют об универсальном обучении господина Жакото, которое якобы грозит подорвать основы университетской премудрости. Правда это или нет, не знаю, но, как бы там ни было, великому человеку придется разделить свои лавры с учительшкой XVII столетия, который торговал книжонкой, расписывающей это нехитрое изобретение, в самом центре Парижа, к большой радости местных зубоскалов и бакалейщиков — они еще много лет спустя заворачивали товар в обрывки его славы. Благодарение небу, нашему просвещенному столетию не хватает только новой религии, дабы исчерпать всевозможные заблуждения ума, а ведь стоит только обратиться к бесчисленным священным книгам всех народов, к путевым заметкам, к писанным и неписанным выдумкам бесчисленных средневековых ересиархов, этих христианских софистов, и можно создать сотню новых религий за неделю. Занятие это вполне невинное и в нашу весьма богобоязненную эпоху даже довольно забавное. Впрочем, сегодня если и можно изречь нечто новое, то разве что заведомую глупость. Число истин ограничено, глупостям же несть числа.

Запомним раз и навсегда: общество — порочный, и очень порочный круг; человечеству не дано выйти за пределы этого круга, потому что оно лишено центробежной силы, которая бы его оттуда выбросила. Лишь высшие умы проходят мимо этого круга по касательной и, задев его на какое-то сокровенное мгновение, волей-неволей продолжают свой путь в одиночестве. Ни политической партии, ни законодателю, выдумывающему в своем кабинете утопию за утопией, не дано создать новый миропорядок, как не дано нубийским термитам

изменить архитектуру термитника, а французским пчелам — увеличить хоть на одну грань вечный многогранник сотовой ячейки. Все, что могли, мы уже совершили и впредь будем лишь повторять сделанное. Мир был молод, теперь он стар; он пережил четыре эпохи, или, как говорили древние, четыре века, и, сколько бы ни продолилось его существование, он все так же будет вращаться вокруг своей оси, приводимый в движение все теми же силами. Жизнь его похожа на жизнь отдельного человека, ибо устроены они совершенно одинаково: сначала долгое несмысленное младенчество, затем терзаемая неистовыми страстями юность, вслед за ней честолюбивая зрелость, стремящаяся к призрачным целям, и, наконец, немощная старость, озлобленная утратой всех надежд и переходящая от отчаяния к апатии. Куда ни глянь, "лучшее" — это иллюзия для тех, кто вступает в жизнь, предлог для тех, кто знает жизнь, предмет огорчений и насмешек для тех, кто с нею расстается. В истории погибших обществ можно прочесть судьбу обществ грядущих. Античность расцвела благодаря рабству, средние века — благодаря христианству, которое открыло путь свободе и революциям. И наконец наступила эпоха книгопечатания — последняя из всех возможных, ибо она предала все в руки всех. Такой порядок — аграрный закон в царстве ума. На смену кастам пришли священники, на смену священникам — адвокаты; на смену человеческим законам — Евангелие, на смену Евангелию — газеты. Вот и вся история цивилизации, и, когда она подойдет к концу, все начнется сызнова.

Правда, Сен-Симон, человек гениальный, ибо только гению дано объединить разрозненные идеи в систему, внятную толпе, сказал буквально следующее: "Золотой век не позади, а впереди нас". Но тут он ошибся. Золотой век — не позади современного общества и не впереди его; как и большая часть человеческих верований,

вера в золотой век принадлежит к области фантазий и напрасных чаяний. Идеальное устройство общества — старейшая из социальных грез, иллюзия, с которой человечество не в силах расстаться в старости, которая уже наступила, и не расстанется при смерти, которая вот-вот наступит. Род человеческий обречен. Его единственное и главное призвание — жить, меняясь, и окончить жизненный путь, не достигнув цели, ибо цель эта чужда его природе. Наши представления о грядущем блаженстве столь же туманны, сколь и воспоминания о земном рае. Эти последние, по крайней мере, основываются на религиозном предании, меж тем как первые вовсе не имеют под собой почвы, ибо ничего подобного не было и быть не может. В этом мире есть лишь две абсолютные истины: жизнь начинается с колыбели и кончается могилой. Человек, которого древние называли микрокосмом, или малым миром, проходит за свой краткий земной путь те же этапы, что и большой мир. Он рождается, растет, живет, стареет, постоянно приближается к будущему, которое, однако, остается вечно недостижимым, и умирает, не добившись ничего из того, о чем мечтал. Такова история отдельного человека, такова история народов.

Мне наверняка возразят, что человечество поднялось на такую ступень своего развития, когда жизнь его неизбежно становится движением вперед, ибо в его распоряжении мощное средство поступательного движения, которого были лишены предшествующие эпохи, — книгопечатание. По всеобщему убеждению, книгопечатание сделало невозможным возвращение к варварству. Этот тезис даже превратился в аксиому, однако нужно хоть однажды сказать во всеуслышание, что аксиома эта лжет. Книгопечатание не только не спасает от варварства, но, наоборот, открывает ему дорогу. Книгопечатание — не заря, возвещающая начало бесконечного дня,

а сумерки, предшествующие наступлению вечной ночи. Не одно столетие жизни отнял у человечества Гутенберг.

Всякий новый взгляд на вещи считается парадоксом, и, если бы в один прекрасный день все скрытые от взоров истины внезапно стали явными, парадоксальной, я уверен, не показалась бы только ложь. Что же касается моей точки зрения, то она самоочевидна. Здесь не место гипотезам, ибо факты говорят сами за себя.

Когда в Европе было изобретено книгопечатание, общество наше еще не распрощалось со средневековьем. Книгопечатание не только не ускорило расставание со средневековыми нравами, но, напротив, продлило их господство. Именно оно сделало всеобщим достоянием нелепые схоластические споры и посвятило общество, дотоле слушавшееся голоса инстинкта и естества, в туманные доктрины и вздорные измышления церковников. Разум у человечества проснулся потому, что пришла пора, а вовсе не потому, что Гутенберг изобрел книгопечатание, ведь обходились же без печатных книг Сократ и Цицерон, когда боролись против политеизма и развенчивали лицемерные фантазии авгугов. Сравните разные переходные эпохи и скажите честно, помогло книгопечатание человеческому разуму в борьбе с религиозными предрассудками или, напротив, помешало?

Казалось бы, в первую очередь книгопечатание должно было благотворно повлиять на развитие литературы. Именно на ней мощный львиный коготь цивилизации должен был оставить неизгладимую отметину; где же, однако, она, эта отметина? Какой новый Гомер затмил старого Гомера? Кто из поэтов, награжденных Львом X, возвысился до гармонической философии Горация? Где историк, превзошедший Тацита, и моралист, оставивший далеко позади Марка Аврелия? Впрочем, нет нужды ходить за примерами так далеко: разве столетия, непосредственно предшествующие изобретению книго-

печатания, так уж сильно уступают тем, что пришли после него? Разве Данте ниже Тассо, Боккаччо хуже Бембо, Кастильоне и Фиренцуолы, Петрарка слабее Саннадзаро? Даже два величайших гения нового времени, Эразм и Лютер, учились не по печатным книгам, которые в годы их детства встречались гораздо реже, чем рукописи, а превзошел ли кто-нибудь этих ученых мужей? Рассмотрим этот вопрос всесторонне, ибо он весьма важен. В эпоху очень зрелую, очень развитую, очень могущественную книгопечатание, пожалуй, могло бы сослужить человечеству добрую службу. В самом деле, все классические авторы, исключая двух или трех, чьи сочинения были найдены позже, изданы в первые тридцать лет существования книгопечатания; в ту пору полторы сотни городов, если не более, имели типографии; каждый автор был издан восемь-десять раз, таким образом, почти одновременно вышли в свет десять миллионов томов. Безусловно, такое предприятие требовало неисчислимого множества ученых, способных оценить рукопись, разобрать трудные места, сравнить варианты, заметить и исправить погрешности переписчиков, заполнить пробелы, — а ведь ни один из этих ученых мужей не был обязан своими познаниями Гутенбергу; напротив, талантливый майнцский ремесленник обязан им успехом своего изобретения. Так вот! предположим, что книгопечатание было, подобно безграничной свободе печати, изобретено вчера и мы с нашими теориями и нашими просвещенными взглядами получили его в наше распоряжение, — скажите же мне честно и непредвзято, сколько столетий ушло бы на издание древних авторов у нас? Много ли в наши дни ученых, подобных Ласкарису, Халкондилу, Деметрию Критскому, Монбрицию, Трапезунцию, Мануцию, Роберу Гагену, которые столь щедро одарили род человеческий сокровищами древней мудрости? Увы! во всей Европе, кроме Германии, единст-

венной страны, где, по мнению всех политиков, цивилизация стоит на месте, едва ли наберется столько грамотных корректоров, сколько трудилось в одной лишь многоязычной типографии города Алкала, не говоря уж обо всех типографиях XV столетия! Более того, из ста пятидесяти плодovitых городов, где благодаря печатным станкам рукописи множились, словно чудесные евангельские хлебы, по меньшей мере в ста двадцати теперь либо вовсе нет типографий, либо есть такие, продукция которых ограничивается объявлениями префекта, проповедями священника да распоряжениями бургомистра. Города эти успели забыть о славе, которую принесло им в тот век, что мы называем варварским, новое искусство, и простодушно довольствуются тем, что осталось от литературы, — канцелярской диалектикой и приходским красноречием.

Говорят, что памятники человеческой мысли лучше и дольше сохраняются благодаря приспособлению, позволяющему воспроизводить их бесконечное число раз, — так ли это?

Во время одного из переворотов, происшедших в очень далекую эпоху, китайцы стали уничтожать книги, и половина священных книг, несмотря на почтение, которое питал к ним народ, погибла в охватившем всю страну огне. У китайцев от многовековой литературы и истории осталось во сто крат меньше памятников, чем у нас — памятников античности. А ведь в Китае было книгопечатание.

Бунт против книг, а он неизбежен и едва не начался сорок лет назад, — да-да! всего сорок лет назад! — будет тем более беспощадным, чем больше мы издадим книг.

Считать, что у древних было мало рукописей, — глубокое заблуждение. Некоторые рукописи переписывались столько раз, что число их списков не уступало нынешним тиражам. Материал у древних был прочный и долго-

вечный, обращались они со свитками бережно. Где же, однако, те рукописи Гомера, которые Александр хранил в шкатулке Дария? Где история древнего мира, которую Енох высек на скале? Император Тацит повелел всем римским гражданам обзавестись экземпляром сочинений бессмертного историка, чье имя он носил, но и это не помогло: до нас дошли лишь обрывки. Библиотека Птолемея была богаче самой богатой из современных европейских библиотек. В ней хранилось семьсот тысяч томов. Что потребовалось, чтобы ее уничтожить? Один-единственный факел.

Что же до благотворного влияния, которое книгопечатание оказало на литературу, то я искренно старался отыскать его следы, но, увы, совершенно безуспешно.

Век Франциска I и век Людовика XIV были великими эпохами, и наступили они после изобретения книгопечатания, однако ничем ему не обязаны. С ним ли, без него ли, они все равно заняли бы свое место в истории. Век Перикла и век Августа обошлись без печатных книг.

А если книгопечатание и повлияло на литературу, то тем хуже, ибо оно могло лишь уменьшить ее самобытность. Новых достоинств оно литературе не сообщило; более того, оно замедлило ее развитие, ибо принудило ее к ханжескому, рабскому подражанию и отняло у нее главное преимущество всякого творения разума — независимость мысли и оригинальность выражения. Быть может, именно по его вине две плеяды гениальных людей превратились в стадо ловких плагиаторов.

Что в эпоху книгопечатания расплодилось без меры, так это словари и переводы, выпускать которые — удел посредственностей. Появление этих книг свидетельствует о невежестве, как лотереи свидетельствуют о нищете, и вернее всего говорит об упадке словесности. Страны, где изобилуют переводы, — страны беспомощные и неграмотные. Должно быть, римляне невысоко ставили

переложения с языка на язык, если ни один их перевод с греческого не вошел в число классических произведений. Они снисходили до этого рабского буквоедского труда только ради необразованного народа. В самом деле, если не считать "Дафниса и Хлои" в переводе Амио, который во сто крат лучше романа Лонга, "Дон Кихота" Фийо де Сен-Мартена, который не лучше, но и не хуже неподражаемого шедевра Сервантеса, и еще двух, от силы трех произведений, кому из наших переводчиков удалось передать хотя бы тень оригинала? Большинство авторов — а именно те, чей талант своеобразен, — вообще не поддаются переводу. Гораций, Персий, Ювенал, Катулл, Марциал, Плиний-младший, Тацит, Лукреций, Петроний, Шекспир, Данте, Ариосто, Макиавелли, Камюэнс — за семью печатями для того, кто не читал их в подлиннике. Из десяти переводчиков девять не знают языка, с которого переводят. Из десяти переводчиков, которые его знают, девять не знают того, на который переводят. Я уж не говорю о тех, которые не знают ни того, ни другого. Настоящим переводчиком может стать только тот, кто может глубоко мыслить и талантливо писать на двух языках. Это большая редкость. Вдобавок человек этот должен, из скромности или из каприза, принести свой гений в жертву чужим творениям. А это уже чудо. Наш прославленный перевод "Георгик" походит на поэму Вергилия, как манекен из модной лавки на скульптуру Фидия.

Вернемся к разговору о пользе книгопечатания и постараемся не оставить без ответа ни одного довода в его защиту. Книгопечатание, твердят нам, уберегло от разрушительного действия времени множество великих творений, и, быть может, знай о его существовании древние, все их сочинения дошли бы до наших дней. Я не меньше других сожалею об утрате комедий Менандра и тех римских драматургов, среди которых Теренций

занимал всего лишь шестое место, а Плавт вообще не шел в счет:

Если же ваши отцы хвалили и ритмы и шутки
Даже у Плавта, — ну что ж, такое в них было
терпенье,

Можно даже сказать — их глупость*.

Я с восторгом погрузился бы в чтение утраченных декад Тита Ливия и стихов Вария, я многое отдал бы за самый несовершенный список трактата Цицерона "О славе" и в особенности трактата Брута "О добродетели", ибо трактат на такую тему, вышедший из-под такого пера, вряд ли уступал силой духа и величием таланта самым прославленным сочинениям древних; но подчас я утешаю себя мыслью о том, что тогда до нас дошли бы не только шедевры Цицерона и Брута, но также глупости Бавия и Мевия и наглые диатрибы Зоила; дай Бог, чтобы новые варвары, верные рабы книгопечатания, удвоившие свою разрушительную силу благодаря распространяемым им идеям, пощадили что-нибудь, кроме нынешних Бавиев и Зоилов.

В этом-то и заключается главный недостаток книгопечатания: оно безвольно и бездумно, оно подчиняется, не рассуждая, и распространяет как хорошее, так и дурное; оно сделало доступнее некоторые духовные радости, но оно же породило тысячи заблуждений и безумств; оно запечатлело плоды бессонных ночей мудреца, но, поскольку люди здравомыслящие всегда пребывают в меньшинстве, оно же разожгло в толпе неугасимое пламя смуты; оно ускорило развитие цивилизации, но тем самым привело ее к варварству — так сильная доза опиума придает человеку силы, которые оказываются для него гибельными.

Но если даже книгопечатание и благоприятствовало

---

*Гораций. Наука поэзии, 271–273; перевод М.Л.Гаспарова.

развитию литературы, то уж благополучию людей образованных оно никак не способствовало. Продажные писаки так расплодились, что опорочили само искусство писать. Древние чтили безупречный слог, который Поп именует шедевром природы, как святыню. Теперь литература превратилась в ремесло. В древности талантливый сочинитель пользовался почетом, сегодня считается, что литераторами становятся лишь от безделья, нищеты да из желания смешать с грязью врагов. Быть может, кто-нибудь и подаст мудрецу или гению кусок хлеба, но о почете нечего и думать. Нынче Цицерон не дождался бы от сограждан титула "отец отечества", а Петрарка — триумфа на Капитолии. При одной мысли о рекламной шумихе, не имеющей ничего общего со славой, самые вдохновенные души леденеют от ужаса. Музы — женщины и хотят любить своих избранников втайне.

Конечно, я сказал далеко не все, но и сказанного достаточно. То, что вы именуете прогрессом современного общества, отнюдь не мешает возвращению к варварству. Вы были варварами и останетесь ими, более того, вы превзойдете в варварстве своих предшественников, и время это уже не за горами; от прежних варваров вас будет отличать только одно — вы будете клясться цивилизацией и совершенствованием, а в устах варваров это звучит смешно. Не спорю, вы сорвали часть покровов с лика целомудренной Исиды: для этого потребны лишь ненасытное любопытство да безграничное тщеславие — два свойства, которые присущи нашей эпохе, как никакой другой. Что же до непроницаемой завесы, которой природа испокон веков скрывает свои тайны от взоров смертных, то их вам сорвать не дано. Вот единственная истина, которая вам доступна и которую вам дозволено познать во всей ее глубине: вы умрете и вместе с вами умрут все ваши установления.

Итак, сколько бы ни утверждали обратное, книгопе-

чатание само по себе бессильно изменить что бы то ни было и не может спасти славу от забвения, а цивилизацию от варваров. С какой радостью я признал бы за ним эту способность, которую, к сожалению, приходится считать такой же выдумкой, как колдовские чары Медеи, источник вечной молодости, любезный сердцу поэтов, или раствор хлористого золота, прославляемый алхимиками. Никогда не понимал я противоестественной досады неблагодарных детей, оскорбляющих свою кормилицу, — хотя сам я и не принадлежу к числу ее любимцев. Я рад был бы пользоваться ее чудесными дарами, если бы не предчувствие всемирной катастрофы, которая очень скоро и очень надолго погрузит эти дары, равно как и все человеческое общество, в глубокую тьму. Не моя вина, что размышления о будущем народов подобны пещере Трофония, откуда все выходили с опечаленными лицами, и что, стоя на краю пропасти, я не могу не восклицать вместе с древними мудрецами:

Если ты можешь, живи, наслаждаясь, и пользуйся
жизнью,

Помня, что краток наш век*.

---

*Гораций. Сатиры, II, 6, 96–97; перевод М.Дмитриева.

О ПЕРЕПЛЕТНОМ ИСКУССТВЕ ВО ФРАНЦИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Если мой читатель не любит жару, давку, докучливых промышленников, не пожалевших денег на то, чтобы выставить свои изделия на образцовой ярмарке, на чудовищном базаре, и наперебой зазывающих покупателей, я спешу его успокоить. Я не стану знакомить его с "выставкой промышленных товаров". На такой выставке я был бы для него никуда не годным проводником; надеюсь, он поверит мне на слово, — ведь литературным поденщикам, к числу коих принадлежу и я, нет смысла хулить свой товар. Все дело в том, что я ничего не смыслю в промышленности и счастлив, что Бог дал мне родиться в эпоху, когда промышленникам уже почти нечего изобретать. От меня им было бы мало проку.

Наслаждаясь по утрам пением жаворонка, я всегда с тревогой вспоминаю о ловушках, расставленных ему птицеловом, и особенно о тех коварных стеклышках, которые обманывают бедную птичку, являя ее глазам многократное отражение солнца. Нежный, прелестный жаворонек, воспетый Ронсаром в непревзойденных стихах, дивная птица, созданная природой для того, чтобы вечно парить в небе, и не умеющая, в отличие от прочих пернатых, вить гнезда среди древесной листвы, как радостно и свободно протекала бы твоя жизнь, исполненная гармонии и пронизанная светом, если бы разум человеческий сохранил свою исконную детскую доброту и не поднялся на недоступную мне высоту! Живое и милое создание, как счастлив был бы ты в своем полевом гнездышке, если бы тебе некого было бояться, кроме коршунов!

Все сказанное означает, что я решительно неспособен изобрести даже такое простое устройство, как зеркало для ловли жаворонков, и, будь его секрет утрачен, я не отыскал бы его вновь. Храни вас Господь, бедные жаворонки!

Однако на этой выставке представлено искусство, более близкое моему сердцу, чем ловля птиц, — это искусство переплетать и украшать книги, которое я начал изучать по велению сердца. Одна из первых потребностей человека — потребность украсить предмет своей любви. Вначале он восхищается убором своей матери, затем — убранством приходской церкви и образом святого, которому в простоте душевной поверяет бесчисленные желания. Когда в сердце его пробуждаются страсти, он осыпает возлюбленную цветами и задаривает лентами. Когда же уму его открываются наслаждения более долговечные, когда, прозрев более возвышенный строй мыслей, он начинает постигать открытия ученых и творения художников, он обряжает дорогие его сердцу шедевры в богатые одежды и сожалеет лишь о том, что ни сафьян, ни шелк, ни золото недостойны его любимцев. Он облачает Цицерона в пурпур, Лафонтена — в переливчатый муар. Он понимает Александра, хранившего рукописи Гомера в драгоценной шкатулке Дария. Для чего существуют на свете ремесла и промышленность, как не для того, чтобы красота и слава воссияли во всем своем великолепии. По правде говоря, только две эти вещи в мире и требуют поклонения. Добродетель в нем не нуждается.

XVII столетие, создававшее шедевры на века, было совершенно чуждо пристрастия к роскоши, которым заражены эпохи застоя, не знающие, что такое созидание. Лабрюйер называл богатые библиотеки *кожевнями*, от библиотеки Расина до нас дошло лишь несколько истрепанных томиков, перешитенных в коричневую телячью

кожу. Эпохи созидания — не чета эпохам украшательства. Первые блистают молодостью, вторые — искусственным великолепием, словно состарившиеся кокетки, чья красота давно увяла. В такие эпохи делают дорогие оклады для старинных икон и дорогие переплеты для старинных книг.

Когда типографические жемчужины эпохи созидания облачились в роскошные переплеты, все образованные люди пожелали иметь книги, а в те невежественные и варварские времена людей образованных было, не в обиду будь сказано поклонникам прогресса, гораздо больше, чем сейчас. Как это ни досадно для самолюбия высокоразвитых народов, но, раз уж пришлось к слову, я приведу в доказательство своей мысли одну подробность. Когда первые шесть изданий "Разговоров за просто" Эразма были распроданы, знаменитый Симон де Коллин, один из превосходных типографов того времени, почел своим долгом отпечатать еще двадцать четыре тысячи экземпляров книги Эразма; издание это разошлось в несколько дней и пользовалось у читателей таким успехом, что совсем истрепалось, и до нас не дошло ни одного экземпляра. А ведь "Разговоры" Эразма посвящены по большей части серьезным проблемам религиозной морали и политики и написаны на латыни. Попробовал бы хоть один из наших философов, пишущих по-французски или, по крайней мере, изо всех сил пытающихся это делать, выпустить в нынешнем году от сотворения просвещения и истины книгу, которая имела бы такой же успех! Вот было бы событие!

Итак, в прежние времена книжных собраний имелось ровно столько же, сколько образованных людей. По счастью, в ту пору короли и вельможи, как никогда впоследствии, покровительствовали зарождающемуся искусству — искусству украшать шедевры. Благодаря щедрости Генриха II и Генриха III, Дианы де Пуатье

и казначея Гролье, президента де Ту и членов рода д'Юрфе, переплетчики творили чудеса. Вдохновляемые чудесным ренессансным гением, они покрывали сафьян затейливыми арабесками, до которых далеко богатейшим фрескам Италии; самое странное, что имена этих искусных мастеров до нас не дошли. Господин Дибдин, почтенный английский библиограф, понял буквально выражение "переплеты Гролье", которое мы употребляем, говоря об этих великолепных произведениях искусства: он принял мудрого и ученого финансиста за переплетчика. Ныне, в эпоху дремучего невежества и вздорной гордыни, никто уже не допустит такой ошибки. Теперь переплетчики подписывают каждую свою работу, а казначеи не покупают книг.

В пору, когда умственные способности еще хоть чего-то стоили, всякий богатый откупщик тянулся к людям образованным. Монторон жаловал деньгами Корнеля, Ла Попелиньер жаловал любовницами Мармонта, госпожа Жоффрен жаловала панталонами Д'Аламбера. И все они, даже те, кто не читал книг, отдавали их в переплет. Но с тех пор как литераторы совершили революцию на благо богачей, богачи забыли и думать о литераторах. Теперь ценность человека определяется его доходом. Чтобы сделаться тем, кого по иронии судьбы именуют великим гражданином, потребны отнюдь не знания; для этого нужно лишь одно — наживать побольше и тратить поменьше: ведь мы живем в эпоху совершенствования. Счетные таблицы Барема да Королевский альманах — вот и вся библиотека гражданина, имеющего право быть избранным.

Поэтому нет ничего удивительного, что в пору нынешнего расцвета литературы, когда богачи, знающие грамоту, предпочитают не иметь свои книги, а зачитывать чужие, искусство переплета пришло в упадок; казалось бы, причина этого упадка более чем ясна; иного

мнения придерживаются, однако, сотрудники одной весьма почтенной газеты, которые с необъяснимым оптимизмом полагают, что все к лучшему, кроме разве что романтической школы в литературе, хотя школа эта не что иное, как печатное воплощение бесстыдства нашего общества. Остроумный редактор убежден, что все беды французских переплетчиков происходят оттого, что они не желают переплести романтиков; приговор обжалованию не подлежит: романтики осуждены умирать в обложке; в гигантских некрополях, именуемых библиотеками, им не видать сафьяновой могилы; очень скоро они станут добычей пыли и червей, не нажив переплета, меж тем как нынешние классики будут плесневеть рядом с ними, гордясь золотым обрезом. Печально, но сие решено и подписано.

Увы! я принужден развеять эти поэтические иллюзии; я говорю это с глубоким прискорбием, ибо и сам писал книги, которые — бедняжки! — также не хотели умирать. Правда, я не могу сказать наверное, романтическими они были или классическими; более того, в глубине души я склонен думать, что они не были ни теми, ни другими, однако для переплетчиков, которые создают произведения искусства, а не поделки на потребу читален, лотков и книжных лавок, это не имеет равным счетом никакого значения. Эти переплетчики не признают наших творений, какими бы они ни были — классическими, романтическими, эксцентрическими или смешанными (простите мне, что я беру на себя смелость говорить от лица целого поколения), однако отсюда, к счастью, никак не следует, что переплетное искусство умерло. Переплетчики оставляют нас валяться в пыли или гнить под дырявыми навесами в рыхлых бумажных обложках, которым коварные типографы вверяют наше бессмертие, длящееся от силы месяца три! А сами тем временем складывают, фальцуют, обтягивают, зажимают,

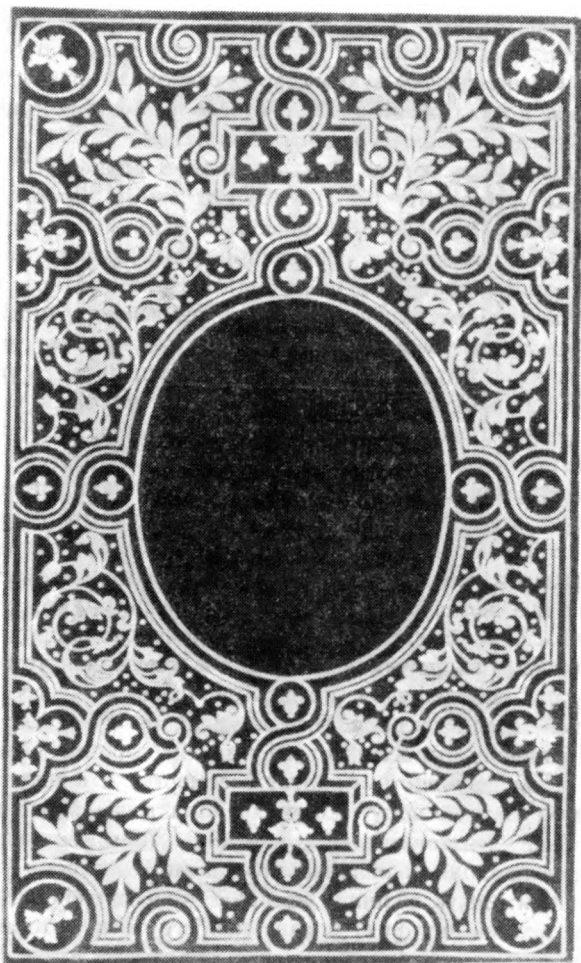

сшивают, круглят, проклеивают, наклеивают каптал, кашируют и золотят, как прежде. Они не сидят сложа руки, клянусь вам! Для Библии, Вергилия, Горация, Расина и Мольера у них находятся бархат, атлас, юфть, сафьян, линейки на корешок, виньетки, уголки, бордюры, рамки, узоры, застежки. Какая досада!

Итак, смирится с тем, что все это великолепие не про нас, что нам суждено похоронить плоды нашего гения в гробах из оберточной бумаги, разве что мы сами позаботимся о пышном и дорогом мавзолее, в котором они будут, поблескивая между двумя канделябрами девственным золотом обреза, охранять сон богатого сановника или прозябать на его письменном столе возле непочтой чернильницы. В этом, и только в этом случае мы удостоимся роскошных переплетов. Впрочем, мне сие не грозит.

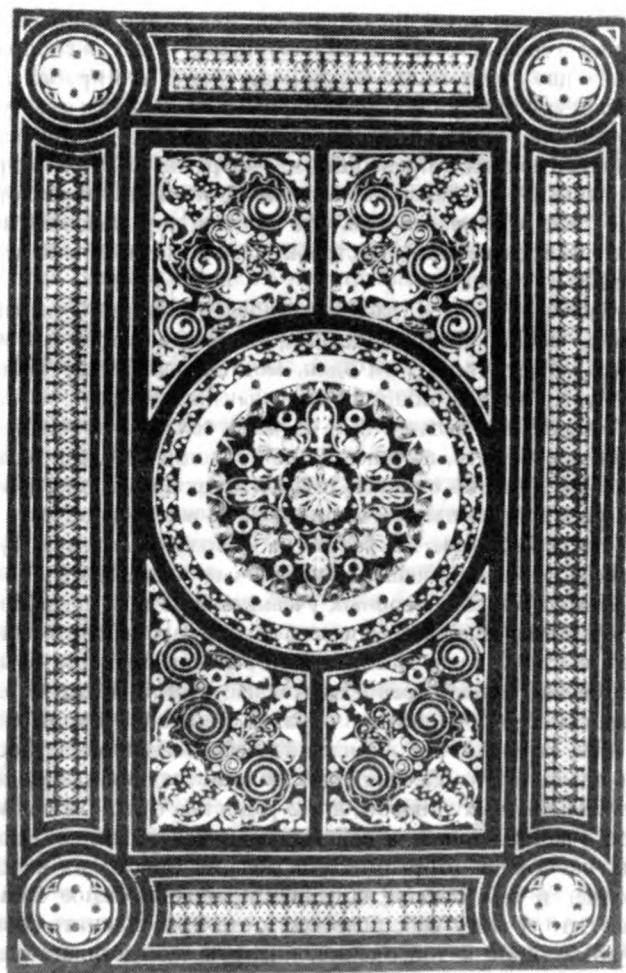
Повторяю, переплетное искусство не умерло. Правда, его почти не затронули удивительные перемены, которые дух времени произвел в последнее время во всех искусствах, и особенно в некоторых донельзя рациональных литературных жанрах — драме с ее условностями или критике с ее обменом любезностями. Для переплетчиков, более скромных в своих устремлениях, прогресс состоит в обращении к шедеврам прошлого; пожалуй, кое-кому стоило бы взять с них пример; Впрочем, я не рискую давать советы.

Как бы там ни было, очевидно одно: с недавних пор народы испытывают сильное влечение к прошлому, столь огорчительное для сторонников прогресса. Не знаю, куда мы придем, если будем продолжать двигаться вспять. Какая досада — мы ведь были на верном пути! Хуже всего, что это попятное устремление мысли, которое, если мы не остережемся, в несколько лет лишит нас всех завоеваний XVIII столетия, — что это устремление отличает нынче людей высокообразованных.

*Переплет "с фанфарами", сделанный Ж.Тувененом для Ш.Нодье.
Синий сафьян*

Художник делает зарисовки старых памятников, а архитектор восстанавливает их; поэт проникается простодушным и дерзким духом старых стихов, а типограф переиздает их. Средневековая мебель находит покупателей, средневековые хроники — читателей. Образованные юноши извлекают из библиотечной и архивной пыли хартии и грамоты давно ушедших веков. Достойный преемник Гурмонов, Бадиусов и Этьеннов господин Крапле и находчивый соперник доброго старого Галио дю Пре господин Текне на радость знатокам возвращают жизнь поэмам, которые Буало заклеил словами "неловкий грубый стих тех варварских времен", и их старания, о которых молчат газеты, увенчиваются успехом без помощи рекламы. Один из тех умельцев, которые могут блистать на любом поприще, господин Симонен, так высоко поднял на наших глазах престиж *библиатрици*, или науки о реставрации старых книг, что можно, не боясь преувеличения, назвать его творцом этой науки. Господин Крозе, молодой и высокообразованный книгопродавец, преданный добру и красоте и побуждаемый тем деятельным и творческим рвением, без которого самые благие намерения не приносят плодов, заручившись поддержкой сведущих и наделенных тонким вкусом библиофилов, предпринял розыски сокровищ нашей средневековой литературы; он покупает их в провинции, отвоевывает их у других народов, возвращает им молодость и дарует бессмертие. Именно в ту достопамятную пору, о которой идет речь, свершилось явление Тувенена, и мой высокий стиль как нельзя лучше подходит для разговора об этом человеке и его влиянии: ведь я пишу историю промышленности и, как всякий историк, вправе прибегнуть к риторическим фигурам. Я не говорю здесь о времени, когда, поддавшись веяниям моды, Тувенен мудрил над роскошными "кружевными" узорами и изобрел нелепые "ва-

Переплет эпохи Реставрации работы Ж. Тувенена

фельные” накатки, превращающие искусство золототиснения в низкое ремесло штамповщика, — нет, я говорю о тех двух-трех годах, когда мастерство его приблизилось к совершенству, когда он, выказав талант и отвагу, пошел по стопам Дерома, Падлу, Десея, Ангеррана, Буайе, Гаскона и превзошел их, истратив на это все отпущенные ему духовные и физические силы. Переплетное дело отличается тем, что до сих пор рождало не больше трех великих мастеров в столетие; я только что назвал их имена.

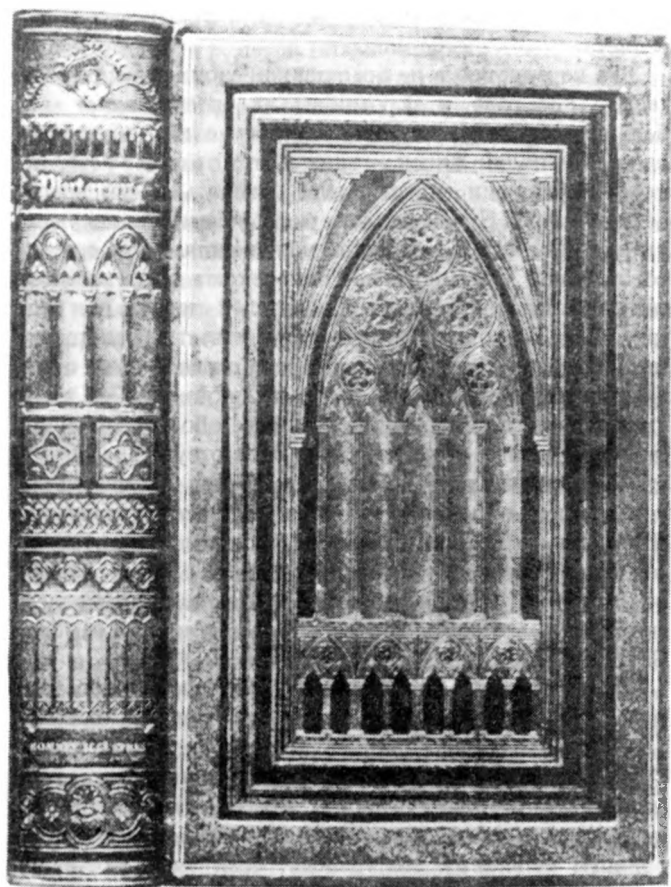
Тувенен умер в расцвете своего таланта; Тувенен умер, мечтая об усовершенствованиях, которые он, и, быть может, только он один, мог бы изобрести; Тувенен умер нищим, ибо, как все талантливые люди, он мало смыслил в делах и был из числа тех, кто прокладывает новый путь, но никогда не проходит его до конца. Так уж заведено от века: тому, кто прозревает внутренним взором землю обетованную, не суждено ее обрести.

Но переплетное искусство не умерло со смертью Тувенена. У мастера нашлись удачливые последователи, он воспитал много способных учеников и поднял переплетное дело на недостижимую для наших европейских соседей высоту. Даже Англия, которая еще четверть века назад так сильно превосходила нас в этой области, теперь может соперничать с нами только в отношении сырья, которого мы лишены по бессмысленной скупости властей. Это блестяще доказала последняя *выставка промышленных товаров*, и я с радостью отдал бы должное участвовавшим в ней выдающимся талантам, если бы не боялся вторгнуться в область одного из моих коллег и тем самым нарушить приличия. Самое большее, что я могу себе позволить, это присоединить свой слабый голос к той оценке, которую мой коллега дал трудам господина Симье; этот переплетчик достойно продолжает дело своего почтенного отца, одного из

тех, кому мы обязаны возрождением французского переплета.

Два переплетчика не представили своих работ на выставку 1834 года, и скромность их предоставляет мне большую свободу, поэтому я скажу о них несколько слов. Господин Жинен — один из тех зрелых мастеров, кому библиофил может смело доверить самую драгоценную книгу. Прочность материала, изысканность украшений, четкость и изящество исполнения вкупе с недорогой ценой уже много лет привлекают к его работам внимание книгопродавцев и любителей старинных и редких книг. Господин Бозонне, более известный знатокам как преемник Пюргольда, которого он во многих отношениях превзошел, судя по всему, уклонился от чести представить свои работы на всеобщее обозрение с единственной целью — подчеркнуть свое отсутствие, ибо я убежден, что ни один переплетчик не стал бы оспаривать у него пальму первенства. Единственным соперником, достойным господина Бозонне, показал себя Келер, создавший шедевр, который наверняка будет оценен по заслугам; я охотно обратился бы за подтверждением своих слов к Падду, Дерому, Тувенену и даже самому Бозонне — ведь гении чужды зависти.

Келер стремился, чтобы его великолепное Четвероевангелие сравнялось по богатству и совершенству отделки с анонимными переплетами из коллекции казначея Гролье, которые вот уже столетия ценятся на вес золота на лондонских аукционах (именно там приходится нынче разыскивать большую часть этих бесценных сокровищ). И Келеру это удалось; если бы не мое величайшее почтение к древности, я бы даже сказал, что он не только сравнялся с предшественниками, но и превзошел их. Никогда еще мастер не создавал переплета с таким благородным узором, таким изящным и чистым рисунком, такой изысканной позолотой, и я был бы

"Готический" переплет работы Ж.Тувенена

несказанно удивлен, если бы в лучших библиотеках Европы нашлось хотя бы два десятка произведений искусства, способных соперничать с этим шедевром, который сейчас, когда я пишу эти строки, уже украшает, вероятно, покои монарха, либо кабинет биржевого маклера. *Cuīque suum**. Не знаю, было ли это чудо французской промышленности представлено на выставке; скорее всего нет, иначе газеты сказали бы о нем хоть полслова. Ведь зная бескорыстие наших газет, их изумительный патриотизм и бесконечную преданность прогрессу, я смею думать, что они только и ждут, как бы потолковать о прекрасном.

---

*Каждому свое (лат.).

<О ТЕМАТИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕКАХ>

В первой статье я рассматривал тематические библиотеки на примере одной лишь масонской библиотеки господина Леружа. Если мы учтем, что такой коллекции достойна всякая область человеческого знания и что лишь все эти библиотеки, вместе взятые, составят полную и систематическую универсальную библиотеку, то мы сделаемся более снисходительны к невинной мономании, которая, что ни говори, способна принести немалую пользу человечеству. Сказанное вовсе не означает, что я верю в возможность собрать сколько-нибудь полную универсальную библиотеку; я не верю даже в то, что полной может быть самая специальная, ограниченная самым жестким образом тематическая библиотека; готов биться о заклад, что самый опытный библиофил и ученый не сможет собрать все без исключения печатные книги, посвященные пустейшей из наук, например искусству летать по воздуху или основывать поселения на Луне. Дело это несбыточное, но весьма почетное. Тематические библиотеки обладают тем неоспоримым преимуществом, что люди, изучающие ту или иную тему, могут найти в них самые разнообразные и полезные книги, исключая разве что те, которые им требуются. Чтобы не быть превратно понятым, поясню: говоря о "несбыточном деле", я высказывал не сомнение в возможности основать поселение на Луне, но сомнение гораздо более выношенное – сомнение в том, что можно собрать полную тематическую библиотеку. А насчет поселений на Луне пусть рассуждают те, у кого есть время и желание.

Недавно, по слухам, было вполне всерьез высказано намерение сделать парижские публичные библиотеки *тематическими*; на мой взгляд, это было бы весьма

уместно, если бы одновременно подобной *специализации* подверглись, как в средние века, и парижские кварталы, а также, как это было некогда принято у иных народов, ученые штудии; однако от модных ныне способов обучения и от нынешних — истинных ли, ложных ли — теорий совершенствования такая специализация бесконечно далека, ибо в основе тех и других — стремление к возможно более широкому распространению идей и знаний. Сам механизм управления государством у нас таков, что просвещенному классу потребно огромное множество сведений — ведь все люди, наделенные властью, призваны решать все вопросы. Мы живем в эпоху словарей, в эпоху, предвестницей которой явилась Энциклопедия, а наиболее полным выражением — ”Газета полезных сведений”, эпоху, без сомнения, прекрасную, но не благоприятствующую ни верности ученых одной и той же теме, ни созданию тематических библиотек. Их время ушло.

Если бы план этот и мог быть приведен в исполнение, то лишь на базе таких заведений или школ, которые в силу незамысловатости своего назначения еще не подверглись влиянию универсальной всеядности, хотя рано или поздно и они не преминут раствориться в этом хаосе, ибо такова неотвратимая судьба стареющих цивилизаций. Возможно, было бы замечательно — в особенности для родителей, — если бы студенты-правоведы читали лишь труды по праву, студенты-медики справлялись лишь с оракулами Эпидавской и Косской школ, а учащиеся Политехнической школы скромно ограничивали свои изыскания бесконечностью, необъятные просторы которой дают довольно материала для размышлений.

Я бы от души поздравил юношей с этим мудрым и драгоценным прозрением, ведь лет через тридцать им так или иначе предстоит узнать, что главное предназначение человека на Земле — прилежно и добросовестно

заниматься делом, которое он избрал, но боюсь, что в XIX столетии подобная рассудительность придется не ко двору.

В XVI и XVII столетиях все обстояло иначе. Заметив, что чем больше появляется специальных трудов, тем сильнее науки споспешествуют развитию общества, люди старались с мудрой осмотрительностью ограничить круг своих занятий избранной областью знаний. Лишь две дисциплины непременно предшествовали всем прочим — богословие, лежавшее в основании всякой науки, и древние языки, призванные смягчать нравы и облагораживать умы. Из людей, приуроченных таким образом к тому, чтобы достойно и с пользой прожить жизнь, выростали Тихо-Браге, Кюжас, Фернель, Галилей, Декарт, Ньютон, Расин или Паскаль. Сегодня они бы мало что значили — так мало, что мне даже стыдно об этом говорить. Все эти великие люди прошлого с трудом добились бы, *aut in aere, aut in cute**, права быть избранными. Подумайте только, как узок показался бы сегодня круг их знаний и как нелегко, почти невозможно было бы им соперничать даже с учеными, представляющими смежную область науки. Скажите на милость, а разве сумели бы они разобраться в законе о таможенных, в вопросе о гербовом сборе с газет и в проблеме бюджета для министерства полиции? О эпоха совершенствования! я не устану повторять тебе то, что Рабле говорил своим "курочкам": "Высоко ли вы свили гнезда?"

Нынче ни у кого нет необходимости знать что бы то ни было как следует — ибо все знают все или почти все. Лишь одного не знает никто — того, что знал Сократ, или, по крайней мере, утверждал, что знает.

Итак, для наций, переживающих климактерический период, когда движение вперед есть движение к смерти,

---

*Денегами либо внешностью (*лат.*).

тематические библиотеки — не более чем измышление изобретательного теоретика, такое же устаревшее и бесполезное, как и все добрые здравые понятия, напоминающие о справедливости и истине. Сказанное вовсе не означает, что я — противник прогресса, хотя меня в этом и обвиняют: некогда и я верил в прогресс, а потом разуверился — с болью в душе.

Лишь для тех редких людей, что терпеливо и прилежно изучают наблюдения и открытия предшественников, тематические библиотеки останутся, за неимением лучшего, превосходным подспорьем в работе. Глядя на них под этим углом и с этой точки зрения, я и выскажу еще несколько соображений, которые могут оказаться бесполезными.

Всякий человек, который исследует некий предмет, пусть даже не ради славы, а из одной только любознательности, желает иметь под рукой посвященные этому предмету книги; если он богат, он покупает их, а если беден, обращается к обширным публичным книгохранилищам и без труда отыскивает там по названию и по содержанию интересующие его сочинения; не стоит и говорить, что всякий ученый, если только он ученый, непременно относится ко второй из этих категорий. Так вот, если бы ученому этому каким-то чудом взбрело в голову до начала серьезных научных штудий обсудить со мной предмет своих занятий, то, будь этот начинающий ученый здоровым и крепким юношей, я не колеблясь посоветовал бы ему выучиться какому-нибудь ремеслу, а если бы скудость средств не позволила ему тратить время на обучение ремеслу, я послал бы его разгружать корабли, разносить товары, подносить каменщику кирпичи; на мой взгляд, это самое разумное и достойное, что может предпринять человек рассудительный и независимый, ибо, во-первых, для человека нет занятия более естественного, чем жить трудом своих рук, а во-

вторых, что ни говори, нет дела более полезного и честного. А если бы этот ученый был стар и немощен, ворчлив и упрям, я отправил бы его штудировать специальные труды, посоветовав начать с самых старых, которые всегда оказываются самыми лучшими, ибо все, что можно было сказать касательно наших пустопорожних наук, было уже сказано раз и навсегда прежде нас, причем сказано очень хорошо, в тысячу раз лучше, чем сможем сказать мы или наши потомки. Гению остается лишь приводить в систему и классифицировать эти разрозненные мысли, *junctura mixturaque**. Вот уже двадцать столетий, как к человеческим познаниям не прибавляется ничего нового — оттого-то мы и дожили до царства газет и альманахов, которые, быть может, вскоре вовсе лишат книги права на существование. Наши книгопродавцы уже проникли в эту тайну и стали потчевать нас своими листками, вполне соответствующими нашим литературным потребностям, которые со временем станут еще более скромными. Литература нации, которая *совершается* так стремительно, вскоре сведется к "Биржевому листку" и рекламным объявлениям.

Вернемся, однако, к достойным всяческого уважения, хотя и отставшим от времени прилежным ученым, которые проводят жизнь в трудах, обреченных на забвение, и, не имея средств на покупку специальных книг, нуждаются хотя бы в специальных каталогах, с которыми могли бы справляться. Немногим дано собрать в роскошных шкафах красного дерева бесценную коллекцию, включающую едва ли не все книги по тому или иному вопросу, такую, как, например, чудесная театральная коллекция господина де Солейна — не имеющий себе равных памятник терпению, прилежанию и обширной эрудиции своего владельца, коллекция, которая

---

*Связь и смесь (лат.).

явилась бы украшением многих королевских библиотек! Наши бедняки-ученые найдут, разумеется, драгоценные советы в четвертом томе превосходного "Учебника книгопродавца и любителя книг" господина Брюне, единственного библиографического труда на французском языке, который обеспечил его автору почетное место среди литераторов; однако скудна была бы наша библиографическая наука, не будь у нее в запасе едва ли не столько же путеводных нитей, сколько дорог в лабиринте знаний. Чтобы не составлять здесь еще одну тематическую библиографию — библиографию тематических библиографий, приведу всего один пример: им послужит мне великолепная "Библиотека крестовых походов" господина Мишо, который соблаговолил стать не только Гомером этой войны за веру, но и ее Фотием; назову также столь же превосходную "Правоведческую библиотеку" — продолжение "Писем о профессии адвоката" Камю, — которую так умело переработал, а лучше сказать, создал заново господин Дюпен; это — труд фундаментальный и завершенный, *integrum et absolutum*, который доказывает, что люди великих способностей могут со славой опускаться до трудов скромных, но полезных обществу. Упомянутые мною книги, равно как и сочинения господ Брюне, Ван Прата и Пенью, — это книги, которыми гордится наша современная библиография, и гордится по праву.

К слову сказать, в разысканиях, которые предшествуют любой научной работе и неотрывны от нее, не стоит пренебрегать и каталогами наших просвещенных книгопродавцев. Хорошо составленный каталог тематической библиотеки — вещь не только крайне любопытная, но подчас и весьма полезная. Работа над таким каталогом требует большой точности и аккуратности, иначе говоря, добросовестности и здравомыслия — достоинств слишком редких, чтобы можно было пренебречь ими, не по-

грешив против справедливости. К тому же цивилизация ушла уже довольно далеко: пора ей всерьез заняться переписью своих достижений и отнести внимательнее к тем оценщикам, что роются в ее старом хламе. Многому здесь прямая дорога – на свалку!

Я не стану распространяться в этой статье о тематических библиографиях, написанных не в наше время или не на нашем языке и адресованных скорее коллекционерам-любителям, нежели специалистам, хотя и эти последние прочтут их не без пользы: я имею в виду "Драматическую библиотеку" Лавальера, "Новеллистов" Борромео, "Образцы словаря Круска" господина Гамбы и "Романические эпопеи" господина Мельци; все эти книги довольно основательны, а две последние просто превосходны. Я решил ограничиться самыми обычными каталогами публичных распродаж – с условием, что распродается библиотека тематическая, а каталог составлен человеком сведущим. Любителю древних литератур не обойтись без каталогов собраний Мэттера, Ревички и Эскью; любителю путевых записок – без каталога библиотеки Куртанво, любителю ботаники – без каталога книг Леритье. За неимением огромной, неполной, но тем не менее почти необъятной "Библиотеки" отца Лелона, всякий, кто изучает историю Франции, непременно обращается к каталогам Лансло и Фонтетта. Для филолога, посвятившего себя востоковедению – науке новой, но с недавних пор завоевавшей академические права; – до сих пор нет на французском языке лучшего учебника, чем каталог господина Ланглеса, шедевр аккуратности и тщательности, достоинств которого ничуть не умаляют неизбежные ошибки. Такие труды, как ничто иное, способствуют возрождению во всем прежнем блеске благородного занятия библиографа, опошленного в наши дни столькими пустоপরজনными и бессмысленными публикациями.

От этой темы, которой я коснулся лишь слегка, как Камилла — верхушек колосьев, наливающих в ожидании жатвы, и которую я предлагаю вниманию людей более сведущих, более терпеливых и, главное, более свободных, чем я, рукой подать до рассказа о "библиотеках одной книги", владельцы которых по воле фантазии или каприза ограничили свой выбор одним или, на худой конец, двумя-тремя авторами. Всякий знает, что первым из таких собирателей был Александр, имевший при себе только поэмы Гомера и хранивший их в драгоценной шкатулке Дария; однако мы живем в такое время, когда блеском имени царя-воителя никого не поразишь, и читатели, возможно, испытали бы при чтении моих разысканий столь же скуки, сколько я испытал бы удовольствия, сочиняя их. Впрочем, как знать? Будущее покажет — а может быть, порывшись в памяти, я без большого труда приищу более поучительную и занимательную тему для рассказа.

ЛЮБОПЫТНЫЕ ОБРАЗЦЫ СТАТИСТИКИ

”Вот уже лет двадцать, как я не могу читать подряд одну и ту же книгу даже в течение какого-нибудь часа” — тысячу раз прошу прощения у читателя за то, что я так бесцеремонно отнес к себе слова Монтеня (Опыты, III, VIII). Все дело, по-видимому, в том, что людям мыслящим, начиная с Монтеня и кончая мной, первая же страница первой попавшейся книги дает предостаточно материала для размышлений, отчего чтение толстых книг делается беспорядочным, утомительным, бесплодным. В том возрасте, когда мы впитываем идеи, они — желанные наши гости; в том возрасте, когда мы рожаем идеи сами, обилие их вносит в наши мысли разброд. С приобретением полезных знаний дело обстоит примерно так же, как с плодовыми деревьями: весной садовод восхищается их цветением, а летом подрезает им ветки, ибо питательных соков земли и животворящих лучей солнца не хватает на всех.

Другой автор, гораздо больше, чем я, достойный быть упомянутым рядом с Монтенем, сказал однажды, что во всяком, даже самом скверном, сочинении можно найти что-нибудь полезное, стоит только поискать как следует. Я тысячу раз убеждался в этом, и нередко мне удавалось отыскать в безвестной *старой книжонке* сведения, отсутствующие в *энциклопедиях*, — так не слишком ученый, но зато удачливый химик, лелея несбыточную мечту создать панацею от всех бед или философский камень, открывает превосходное лекарство или ценное промышленное сырье. Даже в лженауках есть разумное зерно. Даже презренные *старые книжонки* могут приносить пользу.

Всякая развивающаяся цивилизация, а в особенности цивилизация французская, которая мчится вперед галопом, страстно привержена ко всему новому и питает непреодолимое отвращение ко всему старому, ибо не понимает, что новое рождается из старого, и этот закон так же обязателен для современного общества, как для любого другого. Именно поэтому нынче никто не читает старые книжонки и не интересуется ими, хотя в них уже два или три столетия назад были описаны все нынешние усовершенствования. Возьмем, например, такое новшество, как мнемоника, за раскрытие тайн которой один немецкий шарлатан брал десять луидоров. Эту премудрость вы с таким же успехом можете почерпнуть из сочинений Гратароли, Паэпа, Джордано Бруно и сотни других подражателей первой книги "Риторики к Герению", цена которым — не больше десяти су. Все это *старые книжонки!* Вы восхищаетесь теориями Бэкона, подновленными Д'Аламбером? Вы найдете их в книгах Савиньи и Луи Леруа — в *старых книжонках!* Вы полагаете, что силу пара первым научился использовать Джеймс Уатт из Гринока? Прочтите сначала *старую книжонку* — сочинение Дени Папена из Блуа. А вольный полет аэростатов, покамест не подвластный человеку и не приносящий ему пользы? Он предсказан у Сирано де Бержерака, в *старой книжонке!* Но уж представительное-то правление, по крайней мере, вещь не только прекрасная, но и совершенно новая, новее не бывает, не так ли? Увы, она целиком и полностью описана Майерном Тюрке. А уж его книга — *старая-престарая книжонка*, прародительница всех *старых книжонок!*

Впрочем, я не намерен пускаться в рассуждения на столь возвышенные темы, ибо не смогу пойти дальше довольно пустопорожного комментария к старой Соломоновой мудрости: "Нет ничего нового под солнцем". Я сумею найти лучшее применение своим скудным по-

знаниям и слабому уму. Я ограничусь одним-единственным примером – поскольку речь пойдет об удивительнейшей и необычайнейшей из современных новинок, пример этот будет стоить многих. Ныне уже никто не сомневается в том, что идея создать новое средство передвижения, "омнибус", принадлежит Паскалю и, следовательно, родилась в XVII веке; поэтому я расскажу об "омнибусе-ресторане" и докажу, что он был изобретен столетием раньше руанским парламентом, который на этот раз повел себя весьма прогрессивно; впрочем, хотя он об этом и не подозревал, его опередила китайская полиция. Подходящий предмет для старинной книжонки.

Итак, открытие было сделано в конце XVI столетия; года я не назову по двум серьезным причинам: первая, и вполне уважительная, состоит в том, что я его не знаю; вторая – в том, что высокоученым руанским коллегам ничего не стоит ее узнать. XVI столетие подходило к концу, стоял июнь (это мы знаем точно), и вот тут-то мудрый провинциальный сенат принял смелое решение, опередившее на две сотни лет благоразумные установления, которыми недавно благодетельствовали жителей Северной Америки учрежденные там общества трезвости. В ту пору, как и сейчас, трудовой люд тратил много времени на разорительные посещения трактиров; работа не двигалась, неоконченные шедевры напрасно дожидались, пока искусные руки возьмутся за них вновь; тупея в разгуле, ремесленник отдавал подлым кабатчикам последние деньги, лишая себя, а подчас и всю свою семью, хлеба насущного. Помочь этому горю было трудно, но в те варварские и отсталые времена мудрые правители не боялись трудностей. Нормандский парламент издал должным образом составленный и подкрепленный королевской печатью указ, предписывающий закрыть трактиры и под страхом серьезных кар запретить пред-

приимчивым владельцам подобных заведений ”подносить местным жителям” — в отличие от постоянных клиентов из числа странствующих подмастерьев и ярмарочных торговцев, которым разрешалось по-прежнему отдыхать от трудов праведных или, если угодно, коснеть в лени и предаваться усладительной праздности. Что же касается права заказывать провизию и питье на дом, то оно было сохранено за всеми, что пошло многим семьям только на пользу:

Кто нынче с другом или свояком
Захочет пропустить стакан-другой,
Тот должен приглашать его домой,

Велев домашним принести вина.
Теперь во всякой выпивке мужской
Участвуют и дети, и жена.

Но это еще не все. Парламент понимал, что ремесленника-домоседа, следует приучать к воздержанности постепенно и что регулярный отдых, совмещая приятное с полезным, восстанавливает силы и бодрость трудящегося человека. До тех пор работяги шли отдыхать в кабак и спускали там все; отныне кабакам было предписано отправиться к работягам, не задерживаясь, впрочем, на одном и том же месте дольше определенного срока, дабы развлечения не отвлекали от труда. Именно с этими распоряжениями, достойными Спарты, связано, насколько мне известно, появление ”рестораций на колесах”, хотя весьма вероятно, что другая старая книжонка объяснила бы его по-другому. Между прочим, хотя в ту скромную пору люди знали греческий и латынь гораздо лучше, чем теперь, они приискали новому заведению не греческое и не латинское, а французское название; ”омнибус-ресторация” именовался у них просто-напросто ”кружалом”, от доброго старого слова ”кружить”, означющего одновременно и ”гулять, пьянствовать”, и ”плутать, ездить по кругу”, что нынче, возмож-

но, поймет, не прибегая к услугам комментатора, далеко не каждый.

Не подумайте, однако, что указ о закрытии руанских таверн затрагивал интересы жалкой горстки людей. У кабачников не было отбоя от посетителей, цех их был могущественной силой.

За мостом располагались "Подковка", "Луна", "Ангел", "Ступеньки", "Склянка" и "Образ Святого Франциска".

На набережной находились "Шпага", "Бочонок золота", "Гредилева нора", "Флажок", "Слон", "Агнец Божий", "Олень", "Звонкая монета", "Обитель", "Осетр", "Дельфин", "Котел", "Смерть быку", "Рыбачий баркас", "Высокая мельница" и "Кипучий источник".

В гавани задавали тон "Верное спасение", "Анютины глазки", "Голова сарацина", "Зеленый дом" и "Мячи".

У подножья горы Святой Екатерины и в ее окрестностях к вашим услугам были "Образ святой Екатерины", "Львенок", "Саламандра" и "Куколь".

У рынка вас ожидали "Черт подери!", "Зеленый крест", "Отменные подливы", "Медведь", "Вертун" (иначе говоря, "Голубь"), "Кубок", "Белая лилия", "Плоскодонка", "Французское экю", "Большой Гредиль", "Волк", "Топор" и "Кабанья голова".

На берегу Робека гнездились притоны, пользовавшиеся дурной славой, — "Заступ", "Весла", "Куколь святого Никеза", "Петух", "Весы", "Малый кабачок", а также многие другие — "Песочное экю", "Ягненок", "Оловянный горшок", "Розовый куст", "Роза", "Ворот", "Козочка", "В целенках", "Святой Мартин", "Колокол" и "Златое древо".

На Новом рынке ежедневно распахивали двери "Ракушки", "Кружечка", "Паломник", "Квадратная башня" и "Белый крест".

Близ бульвара Бовуазин была епархия "Красной

шапки”, ”Чистого сердца”, ”Трех мавров”, ”Зайца”, ”Стрелени”, ”Бочонка” и ”Камня”.

Возле заставы ”Ко” процветало ”Златое яблочко”, а жителей плато Ко поджидали таверны предместья Сен-Жерве.

Но самым главным был ”Образ святого Якова”. Это-то заведение, судя по всему, и получило драгоценное право ”кружить” по Руану.

Нетрудно заметить, что решение парламента вполне могло вызвать бунт или по крайней мере восстановить народ против властей; однако дело происходило в одну из тех благословенных эпох, когда народ приходил в ярость, лишь если у него отнимали права законные и первостепенные либо ущемляли его в естественных привязанностях и верованиях; таверны преспокойно закрывались, и на смену им как ни в чем не бывало пришли ”кружала”.

Я прекрасно понимаю тех читателей, которым наскучило это длинное перечисление кабаков; мне и самому оно надоело ничуть не меньше, но ведь я занят не изящной словесностью, а статистикой, а от этой науки ничего веселого ждать не приходится.

Впрочем, гордиться своими познаниями в области этой модной науки мне не пристало; я добыл их без труда и не заслужил ни кресла в Академии надписей, ни должности префекта, поскольку всей своей отменной эрудицией я обязан чтению дрянной старой книжонки в восьмую долю листа, состоящей из восьми страниц, отпечатанной в Руане у Жака Обена и продававшейся у Жана дю Гора и Жаспара де Ремортъе. Книжонка эта написана скверными стихами, достаточное представление о которых может дать следующее четверостишие:

Сей сказ правдивый повествует,
Как нынче люд простой тоскует
И злость в кабатчиках кипит —
Ведь путь в кабак теперь закрыт.

По этой причине мой ученый друг господин Брюне не колеблясь причисляет это сочинение к самым *плоским* и *ничтожным* из всех бездарных опусов такого рода — что, впрочем, он мог бы с тем же, если не с бóльшим, основанием сказать почти обо всех виршах, до которых мы с ним оба большие охотники. ”Плоский”, конечно, слово в высшей степени подходящее, точнее не скажешь. Что же до ничтожности, то, охраняя честь собственной статьи, я вынужден не согласиться с этим определением. К тому же до наших дней эта книжонка дошла в таком ничтожном количестве экземпляров, что библиофилы ценят ее дороже самых умных и блестящих книг — недаром у нас в 1815 году она была продана за тридцать один ливр, в Лондоне ее недавно оценили в целых шесть гиней, а нынче в книжной лавке нашего милейшего Текне за нее возьмут всего-навсего шестнадцать или восемнадцать пистолей, и так будет продолжаться до тех пор, пока наца книжка не станет снова, как некогда, стоять свое законное одно су, а случится это, судя по всему, не прежде, чем книги нынешних стихоплетов станут продаваться за две сотни франков каждая. *Habent sua fata libelli!**

Чтобы покончить с вакхической темой *tabernis, sauronis et popinis*** , скажу, что, как это ни странно, я без всякого труда могу снабдить вас почти столь же подробными сведениями о расположении и названиях главных кабачков и трактиров, потчевавших в году от рождества Христова 1635-м жителей нашей столицы. Заведения эти были всего на один этаж выше, чем в Руане, но зато могли похвастаться такими почетными гостями, как Сирано, Сент-Аман или Фаре. Впрочем, ”Сосновая шишка” в ту пору утратила великолепие, которым отличалась во времена Ренье и даже во времена

---

*Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

**Трактиров, кабатчиков и харчевен (*лат.*).

Рабле; чтобы завсегда и вновь повалили толпой в этот кабачок неподалеку от моста Пресвятой Девы, напротив церкви Мадлен, требовался такой выгодный клиент, как Шапель, который однажды, встретив неподалеку от "Сосновой шишки" Буало,

...разбив его лампаду,
Взамен ему налил стакан.

Невзгодами "Сосновой шишки" поспешил воспользоваться ее ближайший сосед "Чертенок", не унаследовавший, впрочем, и малой толики ее известности.

От "Чертенка" было рукой подать до "Упрямой башки", что располагалась сразу за Дворцом правосудия.

В ту пору и поклонники изящных искусств, и ревностные слуги Господни любили вкусно поесть; богомольцев, побывавших на мессе в церкви Святого Евстахия, ждали вкусные обеды у Кормье; любители театра, очарованные великолепным красноречием Беллероза, любили по выходе из "Бургундского отеля" посидеть под "Тремя молотками" и с приятностью окончить здесь день, с не меньшей приятностью начатый у "Святого Мартина", в "Королевском орле" или у "Богатого землепашца", неподалеку от братства Святого Матюрена. "Кламар", прежде так любимый гурманами, вышел из доверия по вине нового хозяина, грешившего против хорошего вкуса, и его посещала только гольфьба.

Сутяги и судейские предпочитали "Большой рог" и "Стол доблестного Роланда", заведение в своем роде историческое, ибо оно, если верить легенде, помнило этого славного рыцаря, а также лелеяло предание о том, что в этих стенах собрались на свой последний пир двенадцать пэров Карла Великого.

Из страха перед судебным приставом некоторые несчастные жертвы крюкотворства забирались подальше и расставались с последними сбережениями в надежной сени "Галеры" или "Шахматной доски".

Царедворцы, которых тщеславие или дела надолго задерживали в Лувре, ели и пили в свое удовольствие у "Бондарки", однако поэтам и прочим птицам небесным это место было не по вкусу. "Бондарка" никогда ничего не отпускала в долг, а за обед брала десять турецких ливров — сумму по тем временам огромную.

"Три бочки" славились превосходным бонским вином — тогдашние знатоки находили, что это лучшее из французских вин, не уступающее ни испанским, ни итальянским.

В районе улицы Май к вашим услугам были "Экю" и "Бастилия", но самой большой популярностью из всех таверн квартала Маре пользовалась "Перевязь". Именно хозяин этого восхитительного заведения, прогрессивнейший человек на земле, изобрел "отдельные кабинеты". Цивилизация делала первые шаги. То был год, предшествовавший постановке "Сида". Это величественное создание (я имею в виду "отдельные кабинеты", а не трагедию Корнеля) затмило даже "Малый трактир Святого Антония", известный отменной простотой нравов, даже прославленные "Факелы", мерцавшие на кладбище Святого Иоанна, даже "Три кегли" с улицы Медведя, которые на протяжении многих лет не знали себе равных. Так проходит мирская слава.

Для любителей ездить на воды добавлю, что в эту же пору, столь знаменательную в анналах парижской статистики, наяды Бургундского источника и даже источника Святой Женевьевы, таившего в себе надежное средство против лихорадки, были решительно заброшены ради целомудренных Аркейских нимф.

А если вы полагаете, что я извлек эти прелестные и занимательные исторические подробности из Коррозе или Дюбреля, Соваля или Фелисьена, Лебефа или Сен-Фуа, Юрто, Маньи или Пиганьоля, Жайо или Мартине, Мерсье или Ландона, Дюлора или Сен-Виктора, то вы

слишком высокого мнения о моих скромных возможностях. Дай Бог здоровья всякому, кто читал хоть одного из этих авторов, что же до меня, то все вышеизложенные познания почерпнуты из одной напрочь забытой старой книжонки, именуемой "Восхитительные видения парнасского паломника, или Приличные и любопытные развлечения. Сочинено одним из нынешних остроумцев" (Париж, у Жана Гесслена, 1635, 8°, 254 страницы). Я счел своим долгом помянуть добрым словом эту в самом деле крайне любопытную книгу, на которую никто до сих пор не удосужился обратить внимание.

Добрейший Клод Фоще заметил на 209-й странице своих "Истоков французского языка и французской поэзии": "Нет такого ничтожного автора, который не способен принести пользу, хотя бы как свидетель своего времени".

Читайте старые книги!

САТИРЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СВЯЗИ С ПЕРВЫМ ИЗДАНИЕМ СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ

Нет ничего легче, чем критиковать словарь. Причина тому очень проста: образцовый словарь должен содержать все, из чего состоит язык, — все его слова, все идиомы, все толкования этих слов и примеры на каждое из этих толкований; между тем в мире не найдется не только человека, но и сколь угодно обширного и тщательно подобранного научного общества, которое знало бы все слова без исключения и могло без ошибки истолковать их смысл. Лет двадцать назад пять сотен государственных мужей, собравшихся *ad hoc**, три заседания подряд обсуждали значения двух глаголов, самых понятных в любом языке (насколько я помню, это были глаголы "предупреждать" и "подавлять") и расстались, так и не придя к единому мнению. Четвертое заседание принесло бы еще меньше пользы; о сотом нечего и говорить. Даже если бы гении и мудрецы всех времен и народов занимались подобным делом до окончания века, они наверняка упустили бы из виду мелочи, известные любому школьнику. Такова судьба языков и словарей.

Поэтому неудивительно, что Словарь Французской академии еще не успел выйти в свет и даже еще не был окончен, когда первые недоброжелатели обрушили на него свои нападки. Критика их была нередко справедливой, потому что, когда речь идет о словаре, "критика легка", как никогда, — и всегда злой, потому что литераторы, не принятые в Академию, хотя многие из них были этого вполне достойны, не могли смотреть на лите-

---

*Для этого (*лат.*).

ратурных аристократов, заседавших под ее сводами, без гнева и ревности. С этим-то спором о словах я и собираюсь сегодня познакомить тех из моих немногочисленных читателей, которые, подобно мне, по прихоти или по привычке интересуются нашим классическим старьем. У каждого свой вкус, да я и не уверен, что в наши дни есть существенно более приятные способы проводить время.

Самый ранний из памфлетов против академического словаря — среди которых встречаются и превосходные и бездарные — "Комедия академиков" Сент-Эвремона; она воспроизведена в его "Сочинениях", отдельные же издания 1646 года (оно указано у господина Барбье) и 1650 года найти почти невозможно. Эту "комедию", комедией вовсе не являющуюся, Пелиссон зачислил в разряд фарсов и тем оказал ей незаслуженную честь — ведь среди фарсов попадаются восхитительные. "Комедия" же Сент-Эвремона — довольно пошлое сочинение, где изредка попадаются недурные шутки. Во всяком случае "Комедии" очень далеко до остроумной и язвительной "Беседы маршала д'Окинкура и отца Каная", автором которой я вслед за Вольтером — впрочем, очень ненадежным советчиком в вопросах истории литературы — считаю Шарлеваля.

"Прошение словарей", бесспорно принадлежащее Менажу, который самолично перепечатал его в своей "Смеси" (1652), вышло впервые в 1649 году под названием "Парнас в тревоге"; имя издателя, указанное на титульном листе, — Жан дю Крок — скорее всего выдуманно. Этот ин-квартио — книга чрезвычайно редкая; если верить легенде, она была напечатана по копии, похищенной аббатом де Монтреем у другого аббата, по фамилии Жиро, у которого хранились бумаги Менажа. "Прошение словарей" написано в бурлескной манере, как правило, пошлой и плоской, но сделавшейся с лег-

кой руки даровитого Скаррона настолько популярной, что отголоски ее слышатся даже в сочинениях скромника Сарразена. Менаж был не силен в стихах — это признавали все, кроме него самого. Поэтому "Прощение словарей" не что иное, как вирши весьма посредственного поэта, избравшего, как на грех, скверный жанр. Оно могло произвести какое-то впечатление лишь в эпоху, когда у людей хватало свободного времени на пустяки.

Однако и оно не прошло бесследно, поскольку нет такого сочинения, пусть даже совершенно бессмысленного для толпы, из которого люди умные и здравомыслящие не смогли бы извлечь пользу. В своем прошении Менаж с успехом заступает за союз "ибо" — предмет смертельной, хотя и лишённой разумных оснований ненависти Гомбервиля; он возражает против модной в ту пору новинки — "феминизации" множества существительных мужского рода — и темпераментно нападает на италянизированную орфографию, которой однажды, в тот день, когда к реформе господина де Вольтера прибавится реформа господина Марля, нам придется подчиниться. Ясно, что он оказал французской орфографии важные услуги. Я, разумеется, имею в виду Менажа, а не господина Марля.

Фюретьер, сочинитель Всеобщего словаря, опубликованного посмертно, ответил Академии, с 1683 года преследовавшей его своими обвинениями, двумя "Записками" о своем деле, изданными в 1685 и 1686 годах; обычно они бывают приплетены к довольно пространному "Рекламному проекту" словаря, вышедшему в Амстердаме у Анри Деборда (12°). Первая из этих двух брошюр — великолепная защитительная речь, где Фюретьер очень обстоятельно и даже довольно почтительно обсуждает исключительную привилегию Академии на издание словаря и опасность, которой подобная монополия грозит литературной республике. Речь эта

тем более убедительна, что автор приводит примеры, неопровержимо доказывающие несходство словаря Академии с его словарем, который явился подлинной энциклопедией языка и, заметим в скобках, именно оттого устарел в 30 лет, так же как устарела Энциклопедия Дидро и как всегда будет устаревать любой специальный словарь, тогда как словарь Академии, несмотря на все его очевидные несовершенства, будет жить столько же, сколько французский язык. После чтения брошюры Фюретьера невозможно не признать, что, если автор ее и пользовался подчас недостойными средствами, цель у него была благая. Академия же вместо того, чтобы олицетворять мудрость, опустилась до мести и кляуз. Кроме того, Фюретьер был столь предусмотрителен, что, дав своему памфлету название "Записка, направленная против некоторых членов Академии", поименно перечислил всех тех членов славного ученого общества, с которыми не желал ссориться; в их число вошли, во-первых, вельможи — мера по тем временам более чем разумная, — а во-вторых, аристократы слова, ничуть не менее влиятельные, чем аристократы по рождению, — Юэ, Боссюз, Флешье, Депрео, Расин и Корнель. Что же касается Лафонтена, то его отсутствие в этом списке труднообъяснимо.

Другая "Записка" Фюретьера выдержана в совсем ином стиле. Это оскорбительнейший и ядовитейший пасквиль, в каждой строке которого автор сводит личные счеты; следует, однако, напомнить, что за время, отделяющее первую записку от второй, Академия успела изгнать Фюретьера из числа своих членов, что было грубой ошибкой, если она имела на это право, и ошибкой непростительной, если она такого права не имела. В этой "Записке" Фюретьер так груб и дерзок, как не бывал даже циничной памяти Таллеман де Рео. И тем не менее историки литературы найдут в ней такие подро-

ности, которые должны были бы существенно увеличить ее цену и популярность на книжном рынке. Портрет Кино смешон благодаря намекам на профессию его отца: "У сьера Кино есть немало достоинств; Бог слепил его из самого лучшего теста; не в пример тем людям, в чьем сердце обида растет как на дрожжах, он великодушно прощает врагам все оскорбления. Впрочем, это не прибавляет ему веса в литературе; он получил в удел четыре-пять сотен слов, которые просеивает и месит как умеет". Шутка, может быть, не самая изысканная, но в колкости и язвительности ей не откажешь. В других случаях Фюретьер доходит в своем гневе, впрочем, вполне справедливом, до жестокости. В конце "Записки" он, отбросив шутки в сторону, обсуждает свое изгнание из Академии и убедительно доказывает — вероятно, не без помощи опытного адвоката, — что изгнание это совершенно незаконно. Невозможно излагать более разумные доводы в более безрассудном тоне.

Третья "Записка" Фюретьера датирована 1688 годом; на титульном листе указано то же место издания и тот же типограф, однако принадлежащий мне экземпляр, испещренный ошибками, был, похоже, отпечатан в одной из самых скверных руанских типографий. Предметом этой "Записки" является приговор парижского суда Шатле, который 24 декабря 1686 года запретил продажу двух предыдущих "Записок" как сочинения оскорбительных и клеветнических. Поскольку Фюретьер скончался в том же 1688 году, "Записка", по всей вероятности, — последнее, что он написал, однако это, бесспорно, самое живое и остроумное из его произведений. Подобно Буало, он избрал здесь форму язвительного покаяния и приносит своим противникам извинения, еще более оскорбительные, чем прежние нападки; читая эту гениальную вещицу, невозможно не удивляться несправедливости судьбы, не позволившей третьей

Фюретьеровой "Записке" числиться среди шедевров сатирической прозы. Что до меня, то я не побоюсь назвать ее образцом виртуозной полемики и сокровищницей остроумия. Только пассаж, касающийся Лафонтена, плосок и груб, ибо был, без сомнения, внушен чувством несправедливым и постыдным. Увы! Фюретьер тоже сочинял басни, а замечание старика Гесиода о расприх между знатоками одного и того же дела до сих пор остается в силе. Все остальное прелестно, и мы, пожалуй, не узнали бы, до какой степени Фюретьер как писатель был достоин принятия в Академию, если бы академики не изгнали его оттуда. "Записки" Фюретьера не уступают даже хваленым "Мемуарам" Бомарше. Ничто так убедительно не доказывает огромное влияние Академии на литературу, как абсолютное забвение, постигшее эти сочинения Фюретьера. Гораздо безопаснее было нападать на иезуитов и парламенты, на двор и монархию, — такие нападки, что ни говори, ни одного остроумного человека известности не лишили.

С тех пор как начались гонения на Фюретьера, всякое анонимное выступление против Академии немедленно приписывалось автору Всеобщего словаря. Во Франции испокон веков было принято сводить все споры к личным счетам. Очевидно, однако, что Фюретьер, погруженный в свой необъятный труд, бесчисленные сложности которого устращили бы даже самого юного, могучего и терпеливого из нынешних лексикографов, отвлекался от словаря лишь ради защиты своего доброго имени. Исключение составляет только шуточный план аллегорической и бурлескной поэмы под названием "Роды Академии" — он слишком похож на "Аллегорическую повесть, или Историю недавних смут в королевстве красноречия", чтобы принадлежать кому-нибудь, кроме Фюретьера, и к тому же издан под одной обложкой с третьей "Запиской". "Роды Академии" полны доволь-

но-таки холодного зубоскальства в том аллегорическом духе, в каком после появления знаменитой Карты Страны Нежности стало писать "подражателей рабское стадо", родившее множество томов, большая часть которых ныне забыта. И все же в этой безделице есть нечто, роднящее ее с "Записками", — в ней гораздо больше остроумия, чем требуется сегодня, чтобы забросать насмешками самое прекрасное произведение.

Анонимный "Апофеоз Академического словаря", на титульном листе которого значится: "Гаага, 1696" (12°), безусловно, не принадлежит ни Фюретьеру, ни Ришле, чьи ошибки не раз вполне обоснованно исправляет. Господин Барбье, ссылаясь на рукописную заметку того времени, приписывает его сыеру Шатейну, а аббат д'Артиньи в своих "Записках" утверждает, со слов аббата Трико де Бельмона, что "Апофеоз" был написан неким священником, заточенным в замке Пьер-Ансиз. Эта книжечка, не столь редкая, как "Роды Академии", но гораздо более любопытная и полезная, включает в себе сотню "критических замечаний", половина из которых превосходны и пошли на пользу соблаговолившей прислушаться к ним Академии. Жаль только, что автор, наделенный недюжинным критическим умом, но на беду вообразивший себя поэтом, счел необходимым изложить свои грамматические придирки плоскими стихами, попирающими зачастую все правила французской грамматики. Прозой он писал чаще всего толково и без ошибок, но стихи его ужасны.

Тем не менее академики восприняли это посягательство на их авторитет так болезненно, что поручили ответить на него Мальману, или Мальману де Месанжу, заслужившему эту честь какими угодно достоинствами, только не хорошим вкусом и не знанием грамматики. Ответ Мальмана вышел в том же 1696 году, и Шатейн либо священник из Пьер-Ансиза не замедлил отпарировать

удар. Его книжечка в двенадцатую долю листа вышла в 1697 году; называлась она "Похороны Академического словаря". Господин Табаро оказывает Фюретьеру неза заслуженную честь, именуя его во "Всемирной биографии" автором "Похорон"; он не совершил бы этой странной ошибки, если бы удосужился прочесть в той же энциклопедии опубликованную четырьмя годами раньше статью "Фюретьер", где господин Оже сообщает, что Фюретьер скончался 14 мая 1688 года, — ведь всякий согласится, что, как ни любят поэты, это *genus irritabile**, сводить счеты, совершенно невероятно, чтобы человек, умерший в 1688 году, отвечал в 1697 году на памфлет, выпущенный в 1696-м. Я уж не говорю о том, что "Похороны" написаны в той же манере, что и "Апофеоз", только стихов, к счастью, поменьше, причем автор так дорожил этим сходством, что указал на него уже в самом начале нового сочинения: "Когда я писал критику на "Словарь Академии" под названием "Апофеоз"..." Строки эти могут избавить "грядущих Сомезов", и в частности господина Табаро, от многих сомнений. Первая часть книги посвящена возражениям на возражения Мальмана, которые не стоят такой чести, вторая содержит двести пятнадцать новых грамматических поправок, по большей части весьма здравых.

Самой редкой из всех этих полезных и любопытных старых книг по праву считается "Базарный словарь", на титульном листе которого стоит: "Брюссель, у Фоппена, 1696" (12°), хотя издан он, безусловно, в Париже и, естественно, был также приписан покойному Фюретьеру, меж тем как истинным его автором был некий Арто — если, конечно, можно назвать автором нищего переписчика, который кромсает ножницами чужие словари, дабы выдать обрезки за новую книгу. Я не раз видел,

---

*Раздражительное племя (*лат.* ; Гораций. Послания, II, 2, 102).

как на распродажах за этот словарь давали гораздо больше, чем за какое бы то ни было издание Академического словаря, и сам не пожалел на него денег, хотя основное его содержание — переписанные с ошибками и пропусками пословицы и поговорки, которые Академия сочла возможным включить в свой словарь, а так называемому автору принадлежат только восемь страничек весьма дерзкого и скверно написанного "Предупреждения". "Французские редкости" Удена (Париж, 1640, 8°) в десять раз содержательнее и полнее; сама Академия не замедлила учесть в своих трудах многие из приведенных там пословиц, из вполне понятной осторожности умолчав о других, — и тем не менее книга эта стоит в десять раз меньше и пользуется у наших *ученых* собирателей несравненно меньшим спросом. А ведь подобные выдержки, которые так несложно сделать, удобны и логичны, как всякий специальный словарь, и Академии стоило бы принять во внимание этот естественный и легкий способ отделить каждодневный язык народа от классического языка образованных людей. В отдельном словаре желательнее было бы собрать также все термины и идиомы, которые не вполне прижились в повседневной речи; необходимо нам, пожалуй, и Словарь непристойных и грубых слов, которых целомудренный Всеобщий словарь справедливо сторонится, но которые следует сохранить для грядущих поколений, дабы и после того, как французский язык погибнет от пресыщения — а это время уже не за горами, — потомки наши *invitis Minerva et pudore** смогли понять Рабле, Этрапеля, Бонавантюра Деперье, "Способ выйти в люди" и еще множество замечательных шедевров XVI столетия. Здесь есть о чем подумать, но взяться за это дело может, безусловно, только человек безрассудной отваги.

Неужели же, спросят меня, французский язык дошел до того состояния, когда ему ничего не надобно, кроме свидетельства о смерти? Отвечу не колеблясь: увы, да.

---

* Без изволения Минервы и стыдливости (*лат.*).

БИБЛИОГРАФИЯ БЕЗУМЦЕВ

О некоторых эксцентрических книгах

Статья первая

Эксцентрической я называю книгу, написанную в нарушение всех обычных правил композиции и стиля; цель, которую ставил перед собой автор такой книги, понять очень трудно, а то и вовсе невозможно, если, конечно, автор вообще преследовал какую бы то ни было цель. Причислить к эксцентрическим сочинения Апулея, Рабле, Стерна было бы крайне несправедливо. Их книги — плод буйного и пылкого воображения, которое не вовсе изгнало из своих владений разум, но, лишив его сана просвещенного наставника и поводыря, оставило при себе на правах покорного, хотя и насмешливого раба. Даже "Способ выйти в люди", столь невольно приписанный Бераальду де Вервилю, — книга неэксцентрическая. Это забавное изображение вакханалии ума, не признающего над собой никакой узды и слушающегося лишь своих прихотей. Так дерзко насмехаться над ложной мудростью способен лишь тот, кто от всей души ее презирает, но знает ее пределы и разгадал ее секреты. Проницательный читатель увидит в этой книге не столько цинизм и безумие, сколько горечь и разочарование.

Эксцентрические книги, которым я, ограниченный узкими рамками журнальной статьи, дам лишь самую поверхностную характеристику, — это книги, написанные умалишенными, ибо умалишенные, как и все прочие люди, имеют право писать и издавать книги, примеры чему можно отыскать в литературе любой эпохи.

Собранные вместе, книги безумцев составили бы довольно обширную библиотеку, которую я не стану расхваливать, но которой, как мне кажется, можно посвятить

забавную и любопытную главу в критической истории словесности. По своему обыкновению я лишь слегка коснусь этой темы, дабы привлечь к ней внимание исследователей, обладающих большим досугом, трудолюбием и эрудицией, чем я. Мои ученые друзья Брюне и Пеньо могли бы написать на эту тему весьма остроумные сочинения, которые пролили бы свет на очень важный, но до сих пор покрытый мраком неизвестности раздел в анналах человеческого духа.

Можно было бы даже живописать творения безумцев в сатирическом свете, приняв в расчет все нелепости, обнародованные с самой простодушной и чистосердечной серьезностью бесчисленными ясновидцами от религии, науки и политики, от Кардано до Сведенборга и от Сведенборга до иного из наших современников, которого я не назову по фамилии, чтобы не обидеть остальных, — однако в наш просвещенный век безумцев развелось столько, что библиографу не совладать с таким обширным материалом. Самый верный путь — ограничить себя узкими пределами Сальпетриера и Шарантона. Мы займемся лишь самыми тяжелыми больными, а прочих пусть судит по заслугам народный здравый смысл.

Если, таким образом, разуместь под писателями-безумцами людей, в самом деле лишившихся ума и ничем не знаменитых, то перечень их не займет много места, ибо у большинства безумцев хватает ума не писать. Перечень подобных безумцев не устрасит почтенных людей, влюбленных в такое прелестное и легкомысленное дело, как изучение книг. Другое дело — библиография глупцов. Тут работы непочатый край.

Поскольку ни поэтов, ни философов мы не рассматриваем, древние предоставят нам крайне мало материала. В древности безумие было болезнью редкой и малоизвестной; возможно, впрочем, что на многих безумцев

просто-напросто не смотрели как на больных и приискивали им более почетные наименования. Нынче Диогена засадили бы в лечебницу для умалишенных; впрочем, абдериты, более рассудительные, чем Гиппократ, чуть не отправили туда же Демокрита. Самое главное — родиться вовремя.

К тому же в древности существовала общественная сила, которая хранила ум народов и избавляла новые поколения от грубейших заблуждений предков. Век глупостей был короток. Этот допотопный страж общественного порядка, эта сила, утратившая ныне свое могущество, именовалась *здравым смыслом*. Благодаря ему безумные идеи не переживали своих безумных творцов; древние не знали книгопечатания, поэтому у них сумасшествие, несмотря на всю свою заразительность, не было властно над потомками. В наши же дни книга заменяет человека, и, если волею случая ей удастся задеть воображение или чувства читателей, она, подобно написавшему ее безумцу, становится целительницей и властительницей дум. С легкой руки Гутенберга и его присных астрология царила над умами два столетия, алхимия — тоже два, вольтерьянство — одно столетие, и я не поручусь, что столетие это уже подошло к концу. В Риме все эти "науки" не протянули бы и четверти века. Да что там, во времена Цицерона они ушли бы в небытие по прошествии пяти лет, ибо на безрассудные сочинения не нашлось бы ни переписчиков, ни покупателей.

В древности получали хождение лишь книги, разрешенные цензурой; всевластным цензором в идеальных республиках был тот неумолимый тиран, о котором я уже говорил; имя ему — здравый смысл, чистосердечие, совесть, разум целого народа. В нынешнем же обществе имеют хождение тысячи книг, хорошие и плохие, полезные и вредные, нелепые и смешные, возвышающие

человека и окончательно его развращающие, — и никому нет до этого дела.

По этой-то причине с некоторых пор безумие и безумцы могут претендовать на внимание библиографов и историков литературы. Во времена Аристотеля, Горация и Квинтилиана это никому и в голову бы не пришло.

Одного из самых великих безумцев, родившихся на свет в эпоху книгопечатания, звали Франциск Колонна, или Колумна. Этого монаха-доминиканца, жившего то ли в Тревизо, то ли в Падуе, свели с ума две страсти сразу, а ведь достаточно и одной, чтобы лишить равновесия самый светлый ум. Первой страстью Франциска Колумны была любовь к древности и ее памятникам; к счастью, в наше время страсть эта способна внушить некоторое снисхождение. Второй его страстью, на мой взгляд, еще более достойной снисхождения, даже если речь идет о доминиканце, была любовь. Некая Ипполита, или Полита, которую он окрестил на греческий манер Полией, что дало повод к самым неожиданным догадкам, лишила беднягу остатков разума, а, поскольку судьбе было угодно сделать Колумну образцовым безумцем, возлюбленная его оказалась столь же безумной, сколь и он сам, то есть до безумия ученой, что, заметим в скобках, дало любителям аллегорий возможность утверждать, что под именем Полии скрывается не кто иная, как сама древность.

Со всем простодушием, на которое он был способен, поклонник Полии сообщает на неслыханном языке, который поставил бы в тупик самого Эдипа, что первоначально намеревался избрать наречие естественное и удобопонятное (чего бы я не дал за то, чтобы узнать, какое наречие брат Франциск Колумна считал естественным!), но затем отказался от этого намерения в угоду своей возлюбленной, которая умолила его скрыть тайну их любви от непосвященных. Это ему в высшей степени

удалось: смысла "Гипнэротомехии Полифила" (так называется книга) не разгадал даже великий Фоссиус, темен он и для нас. Написана "Гипнэротомехия" на испорченном итальянском языке, пересыпанном древнееврейскими, халдейскими, сирийскими, латинскими и греческими словами, а также никому не ведомыми архаизмами, диалектизмами и идиомами, которые приводили в недоумение даже такого бесконечно пронизательного ученого мужа, как Тирабокси. Франциск Колумна может считаться прародителем всяческого наукообразия и словотворчества; созданная его горячим воображением чудовищная Вавилонская башня может обернуться кладезем премудрости для тех филологов, которые сумеют проникнуть в тайны его стиля и языка, закрыв глаза на путаные мысли. Что же касается украшающих книгу великолепных гравюр, величественных и стройных, то о них я не стану здесь распространяться; это — дело художников, чьего внимания и даже поклонения гравюры из "Гипнэротомехии" безусловно заслуживают.

Отсюда следует, что безумец наш был весьма сведущ в словесности и изобразительном искусстве: недаром Фелибьен не колеблясь ставит его гораздо выше Витрувия. "Полифил" прекрасно разбирался также и в археологии; сочиненные им фантастические эпитафии и надписи ввели в заблуждение самых здравомыслящих и сведущих знатоков этой науки, — они не разглядели подделки, что, впрочем, всегда казалось мне необъяснимой загадкой, ибо латынь Франциска Колумны ничуть не правильнее его итальянского; оба они — языки совершенно небывалые.

В отличие от Франциска Колумны Гийом Постель не знал любви, если же он был влюблен в свою "мать Жанну", значит, он был безумен вдвойне, однако с братом Франциском его сближает то, что он безумствовал на всех

ученых наречиях земли. Гийом Постель располагал изумительным обилием сведений о самых разных разностях, знать которые, пожалуй, бесполезно, а также о множестве других вещей, которые лучше всего не знать вовсе. Хотя Постель вполне мог бы создать из всех тех наречий, которые изучил за свою исполненную трудов жизнь, один непереволимый язык, как это сделал Колумна, он, по всей видимости, отнюдь не стремился поразить читателя странным смещением несходных элементов; к чести его можно даже сказать, что фразы его звучали бы совершенно ясно, если бы ясными бывали хоть изредка его мысли. Две навязчивые идеи, владевшие им всю жизнь и составляющие содержание его самых знаменитых книг, помешали этому поразительному человеку заняться чем-нибудь толковым: первая из них — установление всемирной монархии с французским королем на троне, честолюбивая мечта полоумного патриота, которая, однако, едва не сбылась недавно на наших глазах; вторая — окончательное искупление грехов рода человеческого благодаря воплощению Иисуса Христа в женщину; если убрать мистический оттенок, то и у этой идеи найдется в наши дни немало сторонников. Живи Постель в XIX веке, он непременно стал бы одним из тайных советников Наполеона и видным деятелем менильмонтанского конклава, хотя от этого вовсе не перестал бы, говоря словами Рабле, быть "безумцем фанатическим, фантастическим, гиперболическим, безумцем истинным, совершенным и полным", из чего, пожалуй, следует, что безумия в нем было хоть отбавляй.

Невероятной химере нового искупления, которое свершится благодаря старой венецианской святоше по имени "мать Жанна", посвящены три сочинения Постеля: "Весьма замечательные победы женщин Нового Света" (Париж, 1553, 16°), "Prime nove de altro monde"

(Венеция, 1555, 8°) и "Il libro della divina ordinatione" (Падуа, 1555, 8°). Я полагаю, что конволют двух последних книг, имеющийся в моем собрании, — единственный сохранившийся их экземпляр; этот тощий томик был девяносто два года назад оценен в каталоге библиотеки Боза, составленном книгопродавцем Марте-ном, в 300 франков; на распродаже библиотеки Генья он стоил 900 франков, а на распродаже собрания Маккарти — 500. В конце концов он попал ко мне. Все эти библиографические подробности я сообщаю вам лишь по одной незначительной причине — дабы напомнить, что на всякого безумца, публикующего подобные нелепости под действием "скрибомании", или мании сочинительства, всегда найдется библиоман, которого столь же сильная страсть заставит купить их.

Надеюсь, никто не будет на меня в обиде, если я перенесусь на столетие вперед и перейду от Гийома Постеля к Симону Морену; я позволю себе это небольшое нарушение хронологии во имя логики моего повествования, если, конечно, в библиографии безумных творений может быть логика.

Симон Морен, автор опубликованных в 1647 году "Мыслей", близок Постелю своими фантазиями, хотя решительно уступает ему в отношении эрудиции. Свой жизненный путь Морен начал писарем, затем держал трактир, и вот тут-то его осенило: он ощутил себя Богом-сыном. Проникнувшись этим убеждением, он простодушно решил поделиться радостной вестью со всем миром, однако двор и духовенство отказались поверить ему на слово, а суд Шатле не любил шуток на подобные темы: на Гревской площади разожгли костер и на этом костре, возле которого наказывали кнутом женщин легкого поведения, сожгли и Морена, и его "Мысли". Несчастный Морен, ставший одной из последних жертв религиозной нетерпимости, не угадал, когда

родиться. Живи он в наши дни и будь чуть поскромнее в своих претензиях, он просто-напросто основал бы новую церковь, избрал себя ее главой и тем бы дело и кончилось.

Теперь мне придется вновь отступить назад и вернуться к царствованию Генриха IV, дабы сказать несколько слов о "Квинтэссенции четвертой части ничего" и "Диалактической секстэссенции" сьера Демона — книгах, которые библиофилы ценят довольно высоко, хотя и не знают точно, к какому разряду их отнести. Большинство библиографов зачисляло эти сочинения, рассказывающие обо всем понемногу, в отдел "История Франции", аббат Лангле Дюфренуа отнес их к "мистической теологии", а господин Брюне возвратил творения Демона в лоно "поэзии". Все дело в том, что безумный сьер Демон был сложной натурой и в книгах его можно найти несообразности на все вкусы. Я бы не удивился, если бы алхимики также признали в нем родственную душу, а живи он в XIX веке, ему вообще не было бы цены, ибо он обладал чудесной способностью усваивать все заблуждения и сумасбродства своего времени. Демон отнюдь не был мономаном, он был многогранным маньяком, всегда готовым повторять все глупости, что представлялись его взору или доносились до его слуха, фантазером-хамелеоном, наделенным талантами этого легендарного животного, но отражавшим всегда одно и то же — безумие! "Квинтэссенция" и "Диалактическая секстэссенция" Демона — это в самом деле квинтэссенция и секстэссенция абсурда. Недаром в те времена, когда абсурдное было еще непростившей новостью, книги эти считались великой драгоценностью. Сегодня известности у них скорее всего поубавилось бы. В нашу эпоху постоянных усовершенствований им грозит серьезная конкуренция: нынче абсурдное так расплодилось, что сильно упало в цене.

Я был бы недостоин даже набросать план этих пусто-порожних заметок, недостоин сказать хоть слово из всей этой ни к чему не обязывающей болтовни, если бы ограничил свой рассказ четырьмя *вельможными* безумцами — Франциском Колумной, Постелем, Симоном Мореном и Демоном. Хотя я и пообещал держаться в рамках, к чему меня обязывает избранный мною весьма обширный предмет, хотя я оставил в стороне множество совсем уж безвестных имен, обладатели которых остались в памяти лишь у полдюжины учеников; поклявшихся помнить обо всем, — так вот, несмотря на все это, я не могу отказать себе в удовольствии продолжить перечисление необычных авторов, приблизившись к нашим дням. Разве бессмертная династия безумцев от литературы царствовала лишь те два коротких столетия, что последовали за изобретением книгопечатания? разве не процветала она и в течение двух следующих веков? Разумеется, процветала; скажи я обратное, я совершил бы несправедливость и изменил бы основному предназначению моего обзора, призванного восславить победу, которой добились под высоким покровительством печати недомыслие, ложь и вздорная болтовня. Поэтому я намерен вернуться к разговору о той поразительной *книжной* болезни, которой врачи-философы до сих пор не приискали названия, хотя, как известно, у них за названиями дело не станет. Хочу только еще раз напомнить, что речь пойдет не об очевидном умопомрачении наших современников. Всякий знает, что я от природы крайне миролюбив и не позволю себе помешать кому бы то ни было предаваться любым, даже самым нелепым, заблуждениям. Оставим эту забаву нашим рассудительным потомкам, — если, конечно, у нас будут потомки и среди них найдутся рассудительные люди.

Кроме того, с тех пор, как я имел несчастье нажить себе смертельных врагов в двух-трех великих людях,

которых я превознес до небес, но не смог удержать в этом положении и которые посему полагают, что я хвалил их недостаточно, я дал себе самому торжественную клятву ни слова не писать о современниках. Так что наши умалишенные могут спать спокойно.

Статья вторая

Вернемся в парнасский Шарантон или, скорее, дабы не оскорбить литераторов, претендующих на место в этом позорном Пантеоне, изберем для их вздорных теней иной, куда более гостеприимный уголок — ”Ванвр, любимый Галатеей”. Этот давний приют для умалишенных, ключи от которого хранят доктор Фальре и доктор Буазен, поскольку в садах Аполлона испокон веков првят потомки Эскулапа, расположен в восхитительном месте, среди девственной природы. Ванвр, покойная и радостная лечебница, пробуждает в душе желание довершить начатое и окончательно сойти с ума, чем я, возможно, и кончу, ибо являюсь разом и этимологом и библиоманом. Будь пребывание здесь бесплатным, я от души посоветовал бы расплодившимся нынче поэтам поселиться здесь, но состоятельного поэта сегодня отыскать ничуть не легче, чем поэта здравомыслящего, а если таковые и обнаруживаются, им недостает безумия, чтобы быть поэтами. Ванврские сумасшедшие — счастливицы, у которых хватило денег на то, чтобы обойтись без ума. А у наших литераторов-безумцев нет ни ума, ни денег — им решительно не везет.

Один из самых любопытных безумцев XVII столетия — некий Бернар де Блюз д’Арбер, именовавший себя графом Пермиссьоном (графом Дозволения) и ”рыцарем лиг XIII швейцарских кантонов”. Я полагаю, что граф Дозволения, подобно многим другим самозванцам, присвоил себе этот высокий титул, не получив

на то дозволения ни у короля, ни у канцлера. Однако нареканий это вызвало не больше, чем дерзость Никола Жубера по прозвищу Козодой, провозгласившего себя "Князем дураков". Безумцы и глупцы никогда не были обделены во Франции аристократическими титулами. Более того, они, по всей видимости, сохранили свои привилегии даже после революции, упразднившей звания и титулы и даровавшей нам гражданское равенство. Глупцы и безумцы испокон веков чувствовали себя важными персонами, и не думаю, чтобы у них появились основания отвыкнуть от этой привычки. Разум здесь бессилён. Требуется либо расширить Ванвр, либо переделать мир.

Сравнительно с нынешними безумцами у Блюэ д'Арбера есть одно преимущество. Он восхитительно простодушен. В "Наименовании и Сборнике всех своих сочинений" он с самого начала предупреждает, что "не умеет ни читать, ни писать и никогда сему не учился". Превосходный человек этот Блюэ д'Арбер — автор, не умеющий ни читать, ни писать и как ни в чем не бывало упреждающий об этом своих читателей! Человек, достойный жить в золотом веке, человек, которым гордилось бы любое столетие, если бы ему не суждено было выпустить свою первую книгу на заре XVII века. Нынче мало кто так предупредителен.

Открывая книгу человека, не умеющего ни читать, ни писать и честно в этом признающегося, я надеялся найти в ней здравые мысли, простодушные откровения, живописные и энергические выражения, которых чтение и письмо нас лишили. Тот, кто не умеет ни читать, ни писать, обладает бесценным преимуществом — сочиняя книгу, он может самостоятельно мыслить, а что еще нужно, чтобы перевернуть мир? Однако Блюэ д'Арберу не хватило ума воспользоваться собственным невежеством. Он ничтожен и глуп, как если бы всю жизнь учился в коллеже.

Биографы относятся к Блюэ д'Арберу с необъяснимым пренебрежением, а ведь даже дефектный экземпляр каждой из его книг (полного экземпляра до сих пор не встречал ни один собиратель) стоит 500—600 франков, то есть в два-три раза дороже Энциклопедии Дидро и д'Аламбера — книги ничуть не более разумной, но гораздо более талантливой. Единственное, что можно извлечь из неописуемого вздора, сочиненного графом Дозволения, — это то, что он родился в простой крестьянской семье и, подобно Сиксту V и Жамере-Дювалю, начал свой жизненный путь пастухом. Деревушка Арбер в области Жекс неподалеку от Женевы навеки прославилась в 1566 году, когда здесь явился на свет великий человек, не знающий грамоты, за чьи измышления библиофилы платят столько же, сколько за Библию, Гомера, Горация, Платона, Монтеня, Мольера или Лафонтена. С раннего детства Блюэ д'Арбер не имел недостатка в апокалипсических видениях и прослыл пророком среди бедных деревенских пастырей, однако отрочество расставило все по своим местам, и пророк превратился в чудака и недоумка, каковым и пребыл до конца дней своих. Простодушные до цинизма рассказы Блюэ д'Арбера о галлюцинациях, которые посещали его в юности, наводят на мысль, что савойские дворянчики, не знающие, куда девать время и деньги, держали его при себе в качестве официально признанного шута, соблазняя нарядами и хорошенькими женщинами, к которым он был весьма неравнодушен. Ни у одного смертного не было таких прекрасных и высокородных возлюбленных, как у Блюэ д'Арбера, ни с одним смертным они не позволяли себе таких вольностей, способных лишить равновесия самый светлый ум, ибо женщины охотно доставляют себе жестокую радость предаваться развлечениям, которые не могут их скомпрометировать. В этом отношении позорный титул кретина —

гораздо лучший залог наслаждений, чем чувствительное сердце и гениальный ум; весьма возможно, что граф Дозволения был гораздо более счастлив в любви, чем женеvский гражданин. Впрочем, одно стоит другого: думать, что женщины любят тебя, насколько они вообще способны любить, или быть любимым на самом деле — разница невелика.

Мне не хватило терпения выяснить, в каком возрасте Блюэ д'Арбер прибыл в Париж, где он, должно быть, уже пользовался огромной известностью, которая сопутствует обычно не только ученым и острословам, но также дуракам и безумцам. Точно известно одно: первую книгу он опубликовал, когда ему исполнилось тридцать четыре года. К этому времени он уже утратил немало иллюзий и приобрел взамен немало самой вульгарной практической сметки. Из светского щеголя и романического героя он превратился в льстеца и попрошайку. Блюэ д'Арбер был нарасхват у горожан и придворных. Парижские вельможи дорожили им не меньше савойских, и постыдное процветание этого плута заставляет меня сомневаться в том, что он и вправду не имел ни капли разума. Все смертельно скучные и пространные сочинения Блюэ д'Арбера снабжены посвящениями высокопоставленным господам либо влиятельным дамам, которым приходились весьма по душе его гиперболические похвалы и приторные комплименты. Только что скончавшийся Тассо или Мильтон, который вот-вот должен был родиться, не дождались бы от парижан и ломаного гроша. А Блюэ д'Арбер, который не умел ни читать, ни писать и "никогда сему не учился", купался в золоте. Он играл на людском тщеславии. Он взял его на откуп и, как любой откупщик, был в обществе на хорошем счету; правда, всякий, кто избирает это ремесло, должен забыть о порядочности и чести и отречься от самого себя, но это претит лишь тем строптивым и старомодным

душам, которые все еще почитают талант призванием и священным даром. Впрочем, я не берусь утверждать, что Блюэ д'Арбер поступал много хуже, чем иные газетчики, грабящие бедных авторов и несчастных книгопродавцев. Оставляю решение этого вопроса на усмотрение тех почтенных людей, которые на свой страх и риск посвящают себя литературе. Пусть выбирают.

Небезынтересно разобраться с помощью самого Блюэ д'Арбера в постыдных источниках его грязных доходов. Господин де Креки наградил его в пять приемов четырьмя с половиной экю, господин де Ледигьер, которого Блюэ именует Ледидьером, поднес ему золотую шкатулочку весом в шесть с половиной экю, герцог Буйонский подарил ему шесть экю, а принц Оранский — всего одно. Некто Лорамбер из Фландрии, под которым, по всей вероятности, разумеется господин д'Аранберг, подарил ему двойной дукат. Так же поступила одна фландрская герцогиня. От Жака ле Руа Блюэ получил два экю и стопу бумаги, от госпожи д'Антраг — драгоценный перстень, от господина де Бове-Нанжи — шелковые чулки, от госпожи де Пайен — локоть белого полотна на брыжи, от кого-то еще — пару носков. Герцог Немурский, которого Блюэ д'Арбер именует дражайшим другом, заслужил эту неслыханную честь своей щедростью: он одарил графа Дозволения двенадцатью дукатами, на которые тот сшил себе прекрасный фризковый кафтан; Блюэ, как мы знаем, очень заботился о своей внешности и, полагая себя человеком еще нестарым, только и думал о том, как понравиться дамам. До чего же счастлив он был, наверное, облачившись в черный фризковый кафтан!

Хотя прижимистость Генриха IV немного поуменила щедрость придворных, Блюэ д'Арбер этого почти не почувствовал. Сам король пожаловал ему золотую цепь ценой в сто экю и триста сорок экю наличными (в не-

сколько приемов), а также положил ему сто франков жалованья. Нынче это именуют пенсией. Вкуси Малерб подобных щедрот, он нанял бы более просторную комнату и купил лишний стул.

Один литератор, гораздо более отважный, чем я, проштудировал сочинения моего героя настолько подробно, что выяснил: Блюэ д'Арбер, которому деньги на все мелкие расходы выдавала принцесса де Конти и который жил на всем готовом, то и дело получая приятные вспомоществования вроде масла для салата от господина Сенами, — так вот, Блюэ д'Арбер, по его собственному признанию, скопил более четырех тысяч экю — сумму по тем временам изрядную. "Сид", "Цинна" и "Гораций", вместе взятые, принесли Корнелю гораздо меньше.

Впрочем, удача далеко не всегда сопутствовала графу. Дозволения в его промышленных спекуляциях. Поскольку он был не лишен гордости и щедрости, достойных истинного вельможи, то надумал, посвящая книгу той или иной высокопоставленной особе, прикладывать к ней приличествующий случаю подарок, а какой благородный человек примет эту разорительную дань от мужлана и не почувствует себя в долгу? Отказав купцам, предлагавшим ему большие деньги, он преподнес герцогу Лотарингскому "прекрасную книгу на веленовой бумаге, с кучей отличных картинок, а на серебряном переплете царь Давид, который, как и я, был пастухом, а потом убил Голиафа и стал царем": — великодушный герцог Лотарингский отплатил ему шестью экю. А ведь за такую книгу можно было выручить не шесть, а шесть сотен экю, если не больше. Графу де Гролле он преподнес тесьму для шляпы "шириной почти в четыре пальца", да еще расшитую жемчугом. А граф де Гролле в ответ пожаловал ему *фальшивый* двойной пистон. Епископу Нуайонскому он уступил превосходный сто-

ловый подсвечник, о великолепии которого говорит уже одно то, что Блюэ, по его собственным словам, заказал это драгоценное украшение для своего дома (для дома Блюэ д'Арбера!). Епископ Нуайонский в благодарность дал ему в два приема пять тестонов — жалкую милостыню, которую состоятельный прелат должен был бы постыдиться подать даже неимущему бедняку, не одаривавшему его подсвечником. Но, к вящей славе изящной словесности, Блюэ д'Арберу везло все же чаще, чем не везло.

Не знаю, насколько правы те, кто видят в Блюэ д'Арбере одного из основателей цензуры и утверждают, что в течение некоторого времени он пользовался неограниченным правом разрешать или запрещать новые книги. Мысль наградить этой странной *синекурой* человека, не умеющего читать, по меньшей мере забавна. Если бы в те времена существовала политическая оппозиция, трудно было бы найти более остроумный способ удовлетворить ее требования и гарантировать желающим свободу печати; однако чем резче действовала оппозиция, тем осмотрительнее делалось правительство. Теперь цензоры обязаны уметь читать.

Блюэ д'Арбера ждало то, что ждет прекраснейшие вещи в мире: в сорок лет он угас, подобно самому простому смертному, не оставив другого наследства, кроме составленного по всей форме документа, где говорилось, что один из тех мелких Жанов-грабилков, о которых говорит Рабле, обязуется заказать ему новый наряд. Предпринятые разыскания не убедили нас в том, что этот почтенный муж заплатил хотя бы за гроб покойного. Хотелось бы думать, что нашего героя провожали в последний путь Дюбуа, Гайяр, Бракмар и Неф-Жермен. Это были безумцы, ничем не уступавшие Блюэ д'Арберу; я собирался рассказать вам и о них тоже, но растратил чернила и мужество на биографию Блюэ. Ручаюсь, что

даже господину Мишо, вовсе позабывшему о нем, не удалось бы рассказать о его жизни с такими подробностями.

Скажу лишь два слова о Гайяре — выездном лакее, а затем кучере, не чуждом литературы. Он избрал себе то же удобное и приятное ремесло, что и Блюэ д'Арбер, но действовал более умно и тонко; его льстивые послания тогдашним красавицам написаны вполне сносно для кучера и выездного лакея. Единственное, что отличает Гайяра от прочих безумцев-приживал, его современников и соперников, — это глубочайшее презрение к продажному искусству. Когда речь заходит о независимости литературы, этот конюх, благоухающий мускусом и живущий лестью, не щадит никого:

**Корнель велик, но торг ведет стихами,
Роту весьма умен, но куплен с потрохами.**

Тому, кто приобрел "Стихотворения" Гайяра, повезло, ибо книга эта встречается чрезвычайно редко. Издана она в 1634 году, за год до того, как величественный гений Корнеля впервые блеснул в "Медее". Я потому и привел эти строки Гайяра, что он, пожалуй, раньше всех своих современников упомянул о Корнеле, а также потому, что бесполезно знать, как смотрят лакеи на первые шаги гения.

Повторю еще раз, было бы очень занятно осмотреть всю галерею безумцев, но нынче мы слишком заняты безумствами серьезными, чтобы обращать внимание на невинные и незначительные помрачения ума, достойные лишь смеха и жалости. Посему я не только не стану увеличивать едва начатый перечень, а напротив, постараюсь в конце статьи навсегда вычеркнуть из него одно имя.

Раздавая бесцеремонные оценки своим предшественникам в литературе, Вольтер своей непрерываемой властью зачислил в умалишенные Сирано де Бержерака,

а слова Вольтера никогда не оставались без последствий. «Он умер помешанным, — сказал Вольтер, — и был уже помешан, когда сочинял „Путешествие на Луну”». Вольтеру, конечно, виднее, поскольку он почерпнул из „Путешествия на Луну” своего „Микромегаса”; впрочем, он не одинок: к этой же книге восходят „Миры” Фонтенеля и „Путешествия Гулливера” добрейшего декана Свифта. Это ли не причина, чтобы выставить книгу Сирано на всеобщее посмешище и навсегда запятнать ее презрением? Ведь всем известно, что Вольтер принял точно такие же меры предосторожности против английского „Цезаря” и английского „Отелло”, с которых списал своего „Цезаря” и свою „Заиру”! Шекспиру это, по слухам, ничуть не повредило, а вот слава Сирано не пережила подобных обвинений. Пожалуй, в этом даже нет большой беды: „Микромегас” написан гораздо лучше, чем „Путешествие на Луну”; одно лишь скверно: сочинитель его не блещет ни ученостью Сирано, ни его самобытностью. Строки о Сирано любопытны, ибо показывают пределы познаний Вольтера в истории французской литературы. Можно утверждать, что больше он не знал ни одного из своих предшественников; исключение составляет один Рабле, о котором всегда отзывался с глубочайшим презрением, хотя отблески „Гаргантюа и Пантагрюэля” там и сям сверкают в „Кандиде”.

Буало судил о Сирано де Бержераке гораздо более справедливо, он не считал его сумасшедшим и со своей обычной пронизательностью и точностью выражений писал о его „шутовской дерзости”. Вот истинное определение или, как говорили в прежние времена, литературный „герб” юного поэта, умершего от ран тридцати пяти лет от роду, в ту пору — я бы сказал, в тот день и час, — когда французский язык вот-вот должен был отлиться в совершенную форму под пером Корнеля — в стихах — и Паскаля — в прозе. Бержерак был одним

из тех, кто обновлял слова, разнообразил формы и упорядочивал грамматику, можно даже сказать, что он делал это лучше других. Единственное, в чем можно его упрекнуть, не боясь погрешить против истины, — это непозволительная пышность фантазии, невыносимый избыток остроумия, тягостная смесь педантизма и грубости, выдающая недостаток воспитания. Проживи Бержерак еще пятнадцать лет, зрелые размышления прибавили бы ему вкуса и он сделался бы одним из замечательнейших писателей своего века. Отдадим же ему, по крайней мере, должное за то, что он успел сделать. Неужели одного лишь презрения заслуживает автор, создавший фигуры Пакье, Корбинелли и крестьянина Матье Гаро, которым была суждена долгая жизнь в фарсах о Жилле и в комедии о Скапене, автор, у которого Мольер заимствовал прелестные эпизоды, а Лафонтен — героев, автор, который в некоторых сценах трагедии "Агриппина" показал себя достойным соперником Корнеля? О том, чем обязаны ему Фонтенель, Свифт и Вольтер, уже говорилось. Что же касается книги, которую он писал, "когда был уже помешан", вы, наверное, немало удивитесь, узнав, что в ней содержится больше глубоких мыслей, остроумных предсказаний и смелых прозрений, до которых далеко и Декарту, чем во всем толстом томе, который Вольтер написал под диктовку маркизы де Шатле. Сирано обходился со своим талантом не без сумасбродства — но безумцем он не был.

О СТИХОТВОРЕНИЯХ КЛОДА ДЕ ШОЛЬНА

Сколько ни читайте библиографических трудов, вы не найдете в них ровно никаких сведений об этом поэте. С некоторой долей вероятности можно утверждать лишь, что он принадлежал к прославленному роду Шольнов и, быть может, приходился кузеном коннетаблю де Люину и маршалу Оноре д'Альберу, герцогу де Шольну, а также что жил и здравствовал он в середине XVII столетия, а стихи сочинял в свое удовольствие, не придавая им ни малейшего значения. Странно не то, что подобный поэт забыт, странно другое — что мы так мало знаем о столь знатном человеке, забавы ради слагавшем стихи; нашему герою решительно не повезло. Имя его кануло в Лету — это тем более странно, что при жизни он, судя по всему, имел успех среди ценителей поэзии. Живя в Дофине, он вел переписку с герцогиней де Шольн, герцогом де Сент-Эньяном, Югом де Лионном и суперинтендантом Фуке — то есть с самым цветом аристократии — и был с ними на короткой ноге. Эта переписка, которую никак не обвинишь в излишней чопорности, содержится в рукописи, о которой я собираюсь вам рассказать; мы находим здесь стихотворные послания нашего поэта и его высокородных друзей, состязавшихся с ним в блеске и остроумии шуток. Известно, что Франсуа де Бовилье, герцог де Сент-Эньян, галантнейший и обходительнейший человек во всей Франции, не без успеха волочился за музами и что именно он подсказал великому королю мысль о вознаграждениях для литераторов, которым, следовательно, надлежит чтить его память — хотя бы потому, что такие заступники находятся у них не так уж часто. Именитые

вельможи — они же именитые граждане — наших дней не станут оспаривать у герцога эту честь, но горе-авторы и авторы-горемыки благодарны ему за то, что он ее заслужил. Так вот, рукопись наша содержит две-три сотни неизвестных строк герцога де Сент-Эньяна. При Людовике XIV это открытие наверняка наделало бы шуму, но мы ушли далеко вперед, и я упомянул о стихах герцога просто для памяти.

Если бы я писал только для библиофилов, ценящих на вес золота, если не дороже, трухлявые сборники виршей, единственное достоинство которых состоит в том, что они набраны скверным кривобоким шрифтом в типографии Филиппа Пигуше, Симона Вотра, Алена Лотриана или Жана де Шане, и к которым, признаюсь чистосердечно, я и сам питаю страсть столь же пылкую и столь же невинную, — так вот, если бы я писал только для библиофилов, я не стал бы распространяться об особенностях стихов Клода де Шольна. Для библиофилов главное то, что рукопись существует в единственном экземпляре и ни разу не продавалась с торгов. Вот чем исчерпывается для них ценность поэта. И все-таки по старой памяти я скажу несколько слов о том, что представляет собой эта рукопись в литературном отношении, — ведь я был критиком, хотя это занятие принесло мне гораздо меньше радости, чем мои библиоманские фантазии. Буду краток и выскажусь со свойственной газетчикам самоуверенностью; я сделаю это с тем большей легкостью, что знаю доподлинно: соперников у меня не найдется.

Век Людовика XIV был, что ни говори, веком великой поэзии; тогдашние трагедии и комедии для своего времени очень недурны. О легкой, домашней поэзии этого не скажешь. За исключением Лафонтена, поэта милостью Божией, она представлена одними посредственностями. А лет за двадцать — тридцать до Лафонтена,

во времена Клода де Шольна и герцога де Сент-Эньяна, дела обстояли еще хуже. Влияние поэзии Скаррона, порочной, но имевшей свои притягательные стороны, оказалось пагубным. Бурлеск, этот романтизм XVIII столетия, подобно тому, как романтизм – бурлеск XIX столетия, завладел лучшими умами; от него не свободны даже Сарразен и Вуатюр. Провинция, как водится, стремилась перещегоолять столицу, и наш Клод де Шольн был, возможно, просто-напросто провинциальным Скарроном, как Сент-Эньян – Скарроном придворным. Будущий владелец рукописи распорядится ею, как ему заблагорассудится. Однако я не думаю, чтобы он отважился ее издать. Да, забавная это была бы книга – ”Стихотворения Клода де Шольна”, стихотворения *интимные*, самые интимные, какие только могут быть, но вовсе не похожие на интимные излияния тех поэтов, чья единственная цель – убедить читателей в своей безграничной чувствительности, безграничной печали и безграничной набожности. Я убежден, что поэт из Дофине был не таков. Да я и не утверждаю, что он был поэт.

Клод де Шольн был остро слов, сочинявший стихи с такой же легкостью, как адвокат сочиняет прозу. Жизнь он, по-видимому, вел самую анакреонтическую, хотя и не обладал изяществом греческого стихотворца. Преданный всецело вину и любви, он рассуждает о них не как тонкий эпикуреец. Он пьет, как бочка, и любит, как мушкетер, и лишь достоинства его искупают его недостатки, а достоинства эти таковы, что позволили бы ему, живи он в наши дни, стать превосходным комическим актером – при условии, конечно, что таковые бы еще не перевелись окончательно. Он естествен, порой до банальности, весел, порой до сумасбродства; но главное – он естествен и весел, а остальное не суть важно.

Самое забавное в ”Стихотворениях Клода де Шольна”, которые можно считать любопытным дополнением

к "Мемуарам" Таллемана де Рео, — картина общества, в котором вращался их автор. Цинизмом и развязностью Клод де Шольн превосходит Теофиля, Сигоня и Мотена, причем его великосветские корреспонденты отвечают ему в том же тоне. Да что там! Он пишет красавице госпоже де Ревель послание по всей форме таким стилем, который смутил бы даже фигуранток захудалого театра. Вы думаете, госпожа де Ревель негодует, приходит в ярость? Ничего подобного! Госпожа де Ревель, которая также сочиняет стихи, и, поверьте, весьма неплохие, отвечает на дурачества де Шольна посланием еще более легкомысленным. А вот стихотворное послание к герцогине де Шольн, супруге маршала де Шольна, почтенной представительнице старшей ветви рода. Вы ждете чего-то серьезного — не тут-то было; кузен Клод посвящает госпожу де Шольн в тайну своей любви к служанке, служанке, которая свела его с ума, — одним словом, служанке... причем совершенно ясно, хотя впрямую об этом не говорится, чего добивается от служанки влюбленный Клод де Шольн. Честное слово, мы зря так кичимся нашим прогрессом. Дурные нравы — вовсе не наше изобретение. Всех дел не переделаешь.

Во времена Клода де Шольна вольность нравов, или распутство, была пороком более распространенным, чем вольность мыслей, или безбожие, но Клод де Шольн был не из тех, кто останавливается на полпути. Насмешливый скептик, ученик Дебарро и Сен-Павена — авторов, чьи уроки пригодились Фонтенелю, Сент-Эвремону, а позже и Вольтеру, он презирает всякую веру и поминает Господа и святых лишь ради того, чтобы лишний раз поглумиться над ними в стиле, которому позавидовал бы Парни. Таким образом, книга его, столь долго пребывавшая в неизвестности, более чем достойна внимания всех любителей запрещенных старинных книг, ибо, если бы даже небу не было угодно, чтобы экземпляр,

о котором мы ведем речь, был единственным, хотя скорее всего дело обстоит именно так, рукопись Клода де Шольна все равно числилась бы среди редких, — в том разряде, к какому наши здравомыслящие предки предусмотрительно относили все дурные сочинения. Впрочем, должен заверить, что дерзкое воображение де Шольна никогда не опускается ни до грубостей, ни до святотатства и редко переходит границы двусмысленной болтовни. Так что особенной поживы моим современникам здесь ждать не приходится.

Я назвал наш экземпляр единственным и убежден, что не ошибся. Однако текст написан не рукой Клода де Шольна, о чем сообщает нам сам автор; скорее всего Клод де Шольн в порыве вдохновения диктовал свои стихи не слишком образованному слуге, а затем, когда порыв иссякал, не удосуживался даже проглядеть записанное. Почерк у слуги прекрасный, да и орфографических ошибок он делал немного, но зато, как всякий невежда, пищущий со слуха, не разобрав слóва, ставил на его место другое, похожее по звучанию. Эти смысловые ошибки, которые трудно спутать с ошибками переписчика, достаточно ясно показывают, как создавалась наша рукопись. К ней следовало бы добавить толковый список опечаток или несколько дюжин поправок над строкой. Впрочем, тот, кто взялся бы за эту работу, не смог бы назвать ее ни трудной, ни скучной, ибо всякому, кто отбросит ложный стыд, рукопись Клода де Шольна доставит истинное наслаждение.

Наш фолиант, насчитывающий ровно сто страниц, прекрасно сохранился, хотя никогда не имел хорошего переплета и до сих пор одет в ту самую пергаментную обложку, которую изготовил еще в XVII веке гренобльский мастер. Я бы уже давно украсил его новым переплетом из синего левантийского сафьяна, которого он в силу своей неслыханной редкости безусловно

достойн, однако его монументальный формат не позволяет ему занять место ни на одной из шести полок моей "кожевни" (так Лабрюйер называл библиотеки); ему суждено украсить собрание какого-то другого библиофила. Нынешний его владелец — человек положительный, который с радостью распродаст все второстепенные стихотворения XVII столетия по одному су за строку, имеет он такую возможность, — а ведь в их число вошли бы и те шесть строк Кольте, за которые Ришелье заплатил шесть сотен ливров. Именно по одному су за строку оценил владелец рукописи две тысячи пятьсот строк Клода де Шольна, герцога де Сент-Эньяна, господина де Лионна и суперинтенданта Фуке, чье довольно гладкое стихотворение открывает рукопись. Я заверил владельца "Стихотворений Клода де Шольна", что сами имена поэтов, которыми он торгует, скажут о рукописи больше, чем вся моя статья.

КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ ГОСПОДИНА ДЕ ЛАМЕННЕ

В прежние времена, если обстоятельства вынуждали литератора продать свои книги, известие об этой жертве потрясало весь литературный мир. Несчастью сострадал не только Парнас, но и Олимп, или, говоря проще, не только Академия, но и двор. Слух о распродаже, этом бедствии, позорящем весь цивилизованный мир, доходил до чужеземцев, и нередко щедрость "варварского" короля или царя спасала просвещенную столицу Франции от бесчестья. Кристина, Екатерина или Фридрих исправляли ошибки судьбы, неблагоприятной к таланту. Даже Буало, облеченный царским титулом не в жизни, а лишь в литературе, купил библиотеку адвоката Патрю, сохранив за прежним владельцем право пользоваться ею, — из чего следует, что в те времена поэты были богаче адвокатов. Нынче все переменялось.

Как бы там ни было, вот результат нашего нравственного и интеллектуального совершенствования: один из лучших наших прозаиков, один из величайших писателей — я не называю его ни лучшим, ни величайшим, поскольку не мне присуждать кому бы то ни было пальму первенства, — так вот, господин де Ламенне продает свои книги, и продает скорее всего не по доброй воле, а потому, что заставляет нужда. Деталь эта останется в памяти человечества как одна из выразительнейших черт того золотого века, который наступил на земле благодаря *либеральной и гуманной* революции.

Хотелось бы верить, по крайней мере, что новоявленные вельможи, которые, заняв место старинной аристократии, сделались так богаты и могущественны, как ей и не снилось, — что эти вельможи поспешат на распродажу

и не станут скупиться, назначая цены на книги, уносящие с собой последние радости великого человека, — ведь почти все они надписаны его рукой, на многих остались его пометы; настанет день, когда люди будут охотиться за этими страницами, на которых гениальный писатель набросал свои мысли; пользуясь скромностью и снисходительностью автора, они будут вырывать их у него из рук, дабы украсить ими драгоценный *альбом*. Настанет день, когда библиотеку столь славного писателя не придется распродавать с торгов, за это я ручаюсь. Разве не должна прийти такая пора, когда литераторы смогут спокойно творить на радость светским людям и государственным мужам?

Я обращаюсь к тем, кто любит книги, и к тем, у кого добрая душа, — вспомните о библиотеке господина де Ламенне. Всякий, у кого в груди бьется сердце, а в кошельке есть хоть немного денег, обязан поставить на свою полку хотя бы одну из книг, принадлежащих господину де Ламенне.

СКОЛЬКО СТОЯТ РЕДКИЕ КНИГИ?

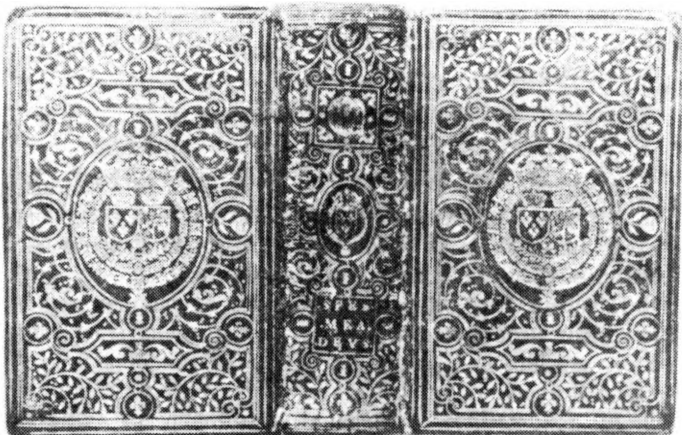
Статья первая

<...> Недавние распродажи показывают *уровень*, на котором пребывает нынче любовь к книгам; бесполезно оповестить об этом жителей провинции, где о модных новинках узнают всегда с опозданием. Благодаря нашему книжному прейскуранту, который мы будем печатать по мере необходимости, собиратели всегда смогут выяснить, на повышение или на понижение идут их капиталы.

Сегодня *наибольшим спросом* пользуются рыцарские романы, *мистерии* и сочинения старых поэтов, однако с тех пор, как были раскуплены экземпляры этих книг, отвоеванные нашими ревностными юными книгопродавцами у англичан, ничего нового из этой области в продаже не появляется.

Прекрасные издания греческих и латинских классиков, редкие итальянские и испанские книги никого не интересуют — мертвый штиль; более того, цены на них грозят упасть еще ниже. Сведущие люди объясняют это позорное явление двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что нынешние богачи не понимают ни по-испански, ни по-итальянски, ни по-латыни, ни по-гречески; во-вторых, тем, что образованные люди, заслужившие право читать книги, как правило, слишком бедны, чтобы их покупать, а обе эти причины сводятся к одной-единственной, имя которой — *прогресс*.

Эльзевиры утратили — и, очевидно, навсегда — большую часть своей притягательности, и если прежде самая ничтожная книжка, украшенная головой буйвола или сиреной (нередко поддельными), была нарасхват, то нынче такого уже не увидишь; однако "настоящие"

Переплет "с фанфарами", с гербом Генриха III и изображением черепа на корешке

эльзевиров из старинных каталогов, да еще с необрезанными полями, ценятся на вес золота. Четверть линии здесь стоит целого карата: Фридрих Вильгельм не был так придирчив к росту своих гренадеров, как библиофил с тонким вкусом — к величине своих эльзевиров. Мне случилось видеть, как один за другим продавались два десятитомника Цицерона: один, в переплете работы Дерома, — за шестьсот франков, другой — за шестьдесят. Каждый том в первом собрании, таким образом, стоил на 54 франка больше, чем во втором, из них тридцать франков покупатель отдавал за три линии белой бумаги, а двадцать четыре франка — за переплет, стоивший первоначально одно малое экю.

Но сильнее всего подскочили цены на книги с гербами и на старинные переплеты; тема эта достойна столь серьезного (я чуть не сказал "торжественного") раз-

говора, что я вынужден отложить его до следующего номера. Смею надеяться, что вкусы публики до тех пор не переменятся.

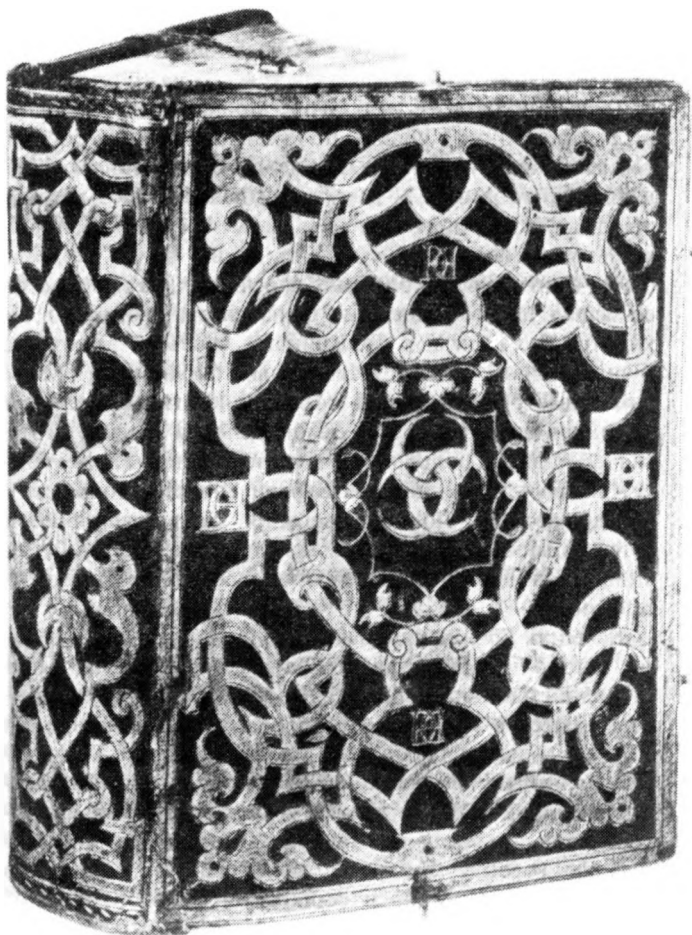
Статья вторая

Помнится, я окончил первую статью на том, что нынче библиофилы ценят превыше всего книги с гербами и в старинных переплетах. Эту несложную мысль нам и предстоит развить, не тратя лишних слов.

Начнем с того, что сразу отбросим глупейший вывод, который недоброжелатели могли бы сделать из моих слов: я вовсе не хотел сказать, что библиофилы, проживающие нынче в добром старом Париже, в большинстве своем аристократы и ненавистники прогресса; я не желаю объявить их ни врагами революции, ни противниками учения о совершенствовании рода человеческого, ведь невиннейшая из страстей — любовь к книгам — не имеет, по счастью, ни малейшего отношения ни к революции, ни к совершенствованию. Если истинные ценители смотрят с восторгом на иные дворянские гербы, то отнюдь не из ненависти к абсолютному социальному равенству, коим мы наслаждаемся уже несколько лет, но лишь из уважения к великолепным библиотекам, о которых такой герб напоминает, и из почтения к людям, которые тщательно отбирали, одевали в изящный и прочный переплет, бережно и любовно хранили те книги, что дошли до нас, украшенные их вензелем или гербом. По этой причине саламандра, двойной полумесяц (любовные монограммы Генриха и Дианы) или череп (знак одного мрачного и ныне распущенного ордена) почитаются даже больше, чем королевские лилии. *Rarae avis in terris**.

---

*Редчайшая птица на свете (*лат.*; Ювенал. Сатиры, VI, 169).

*Переплет рукописи, принадлежавшей Диане де Пуагье,
с монограммой из переплетенных букв Н и Д.
Дерево, обтянутое темно-коричневым сафьяном*

Таким образом, дело здесь вовсе не в почтении к знати как таковой. За один том из библиотеки казначея Гролье любой собиратель отдаст в сто раз больше, чем за всю библиотеку герцогов Монморанси. Я начал с Гролье, ибо он – первый по времени из наших библиофилов и пользуется самым большим уважением среди наших библиоманов. К тому же он был человеком весьма просвещенным, покровителем писателей и художников, и тем не менее имя его вряд ли дошло бы до нас, если бы не книги в великолепных переплетах, на которые он не жалел денег. Нынешние финансисты прекрасно обходятся без книг и в большинстве своем не знают, что с ними делать; а между тем судьба библиотеки Гролье доказывает, что покупка хорошей книги может стать выгодной спекуляцией. В самом деле, за альдину, которая обошлась Гролье в три турнских ливра (по каталогу) и три-четыре ливра за сафьян (по себестоимости), в Париже или Лондоне сегодня дают шесть-восемь сотен франков. Настоящее золотое дно. Выгоднее не вкладывал деньги даже сказочно богатый банкир Теллюссон.

Вслед за Гролье подобало бы упомянуть Оноре д'Юрфе, автора "Астреи", однако книги из его собрания, почти полностью перешедшие в Королевскую библиотеку, встречаются в продаже крайне редко; признаюсь, с тех пор, как я начал любоваться в книжных лавках редкостями, которые мне не по карману, я не видел книг, принадлежавших д'Юрфе, даже у самых лучших книгопродавцев. А между тем галантный певец Селадона собрал на берегах Линьона превосходную коллекцию средневековых стихов и рыцарских романов, которая кажется ныне столь же сказочной, сколь и любовь его героев. Я знаю людей, которые охотнее поклонялись бы книгам из библиотеки д'Юрфе, чем воспетым им лесным божествам, – я честно сказал бы все, что думаю о его

сочинении, если бы не боялся, что в наш эмансипированный век эти строки попадут на глаза дамам.

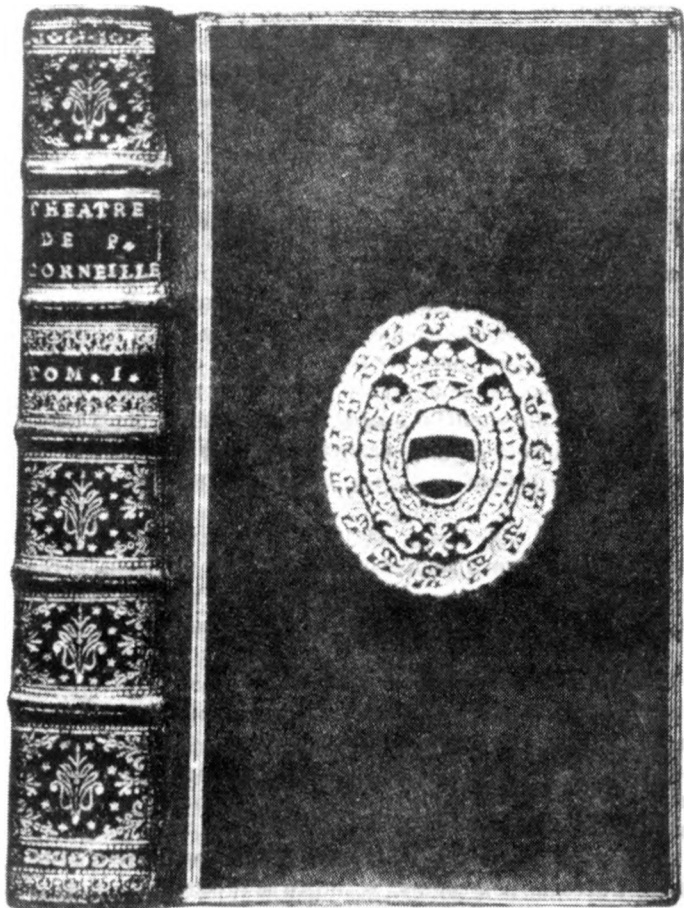
До сих пор кое-где на распродажах попадаются книги с огромными полями, напечатанные на великолепной бумаге и одетые в превосходно сохранившиеся переплеты из белой телячьей кожи, из левантийского сафьяна, из невыделанной бараньей кожи с позолотой и даже из чистого и гладкого бараньего сафьяна, украшенные гербом с тремя пчелами. Книги эти принадлежали некогда великому Жаку Огюсту де Ту, знаменитому историку и отцу того несчастного де Ту, которого кардинал Ришелье в 1642 году предал на площади Терро в руки палача. Экземпляр из собрания президента де Ту стоит в 10–12 раз больше, чем любой другой экземпляр той же книги; разница эта значительно возрастает, если речь идет о знаменитой книге, да еще написанной по-французски, — ведь для нынешних богачей латынь — язык вдвойне мертвый.

Книги графа Хойма, в начале XVIII столетия чрезвычайного посланника польского короля во Франции, легко узнать по гербу, состоящему из двух "фасций", или, проще сказать, двух параллельных полосок. Поскольку граф был первоклассным знатоком книг и пользовался услугами самых умелых переплетчиков своего времени, герб его, мало чем прославленный в истории, пятикратно увеличивает цену украшенных им экземпляров, к тому же прекрасно сохранившихся. О достоинствах сочинений и изданий я не говорю, ибо они интересуют библиоманов в последнюю очередь.

Я мог бы рассказать еще о змее Кольбера*, о трех колесах Боссюэ, трех башнях госпожи де Помпадур и проч., и проч., но статья моя, пожалуй, и без того слишком пространна.

---

*Игра слов: французское *couleuvre* — уж — происходит от латинского *coluber* — змея, созвучного фамилии Кольбера. (Примеч. пер.).

Переплет с гербом графа Хойма

Статья третья

Пришло время поговорить о том, чем книги обязаны переплетчикам. К их трудам можно отнести вошедший в пословицу стих:

Мой фрак, как я вам благодарен!

Быть может, кое-кто не поверит, если я скажу, что иные парижские коллекционеры ни разу не заглянули внутрь своих книг, но зато превосходно разбираются в позолоте и сафьяне, *кантах* и подкладках, *капалах* и *отставах*. А между тем таких знатоков немало.

Искусство переплетчика, бесспорно, дарит библиофилу множество радостей. Кому, как не мне, знать, какое счастье украшать предмет своей пылкой страсти; изысканную щедрость собирателя, который одевает альдовского Вергилия или эльзевировского Горация роскошным переплетом, я нахожу столь же естественной, что и безумства влюбленного, осыпающего брильянтами свою возлюбленную. Библиомания — это ведь тоже любовь. Роскошная библиотека — гарем для стариков.

Предосудительно во всем этом только излишество, да и то в наше время, когда кругом полно безумств серьезных и опасных, безумие библиомана, пожалуй, выглядит более чем невинно. Я знаю слабости собирателя, но не мне бросать в него камень. *Пусть будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает.*

Как бы там ни было, никогда еще старинные переплеты не поднимались в цене так высоко, а между тем мы до сих пор почти ничего не знаем о создавших их замечательных мастерах — ведь эти добрые люди, судя по всему, вовсе не помышляли о бессмертии. Кто выводил на корешках и переплетах прекрасных книг XVI столетия арабески, которые тонкостью линий и изысканностью

вкуса составили бы честь карандашу Рафаэля и резцу Бенвенуто Челлини? Их имена до нас не дошли. Если же несколько имен и ускользнули от забвения, мы все равно не знаем наверняка, кому обязаны тем или иным шедевром — Гаскону? Ангеррану? Буае с буквой *г* или буквой *t* на конце? Ответить на эти вопросы трудно, а скорее всего просто невозможно. Впрочем, есть знатоки, которые дерзают отвечать, а иудей Аппела волен им верить. Не вижу в этом большой беды.

Любопытный пример пренебрежения, с которым переплетчики прошлого относились к собственной славе: мы даже не знаем, как писалось имя знаменитейшего из них: Де Сей или Десе́й, а может быть, Дю Сей или Дю Сюэ́й; более того, мы толком не знаем, каким ремеслом он занимался. В самом деле, существует мнение, что этот так называемый переплетчик, чьи творения в последнее время ценятся так высоко, был просто-напросто скромным парижским священником и переплетал книги для своего удовольствия и на радость друзьям (так же поступал впоследствии, но с меньшим успехом, философ Гоффкур в своем замке Монбрийян). Замечу кстати, что переплеты Десе́я легко отличить по каптам, в которые он вплетал для прочности металлические нити. Значит, он хотя бы исподволь заботился о будущем, и если к его ученым забавам примешалась хотя бы толика тщеславия, то история не обманула его надежд.

Падлу и Дером-младший освоили переплетное ремесло в более *прогрессивную* эпоху, когда мастера-соперники возжаждали славы. Падлу помещал свое имя в гравированной рамке внизу фронтисписа, а Дером-младший — в верхнем углу переднего форзаца, тоже в рамке. Впрочем, оба этих умелых переплетчика оставили столько работ, что опытный коллекционер без труда опознает *их руку* и в переплете без подписи. А это вовсе не пустяк — ведь и Дером, и особенно Падлу нынче в боль-

шой моде, так что книга в переплете работы одного из них, если переплет этот хорошо сохранился, стоит в несколько раз дороже. Любопытные подтверждения этому можно найти в каталоге господина Текне — он знает свое дело безукоризненно, и, если он просит за книгу большие деньги, значит, она досталась ему недешево. Между прочим, нашим предкам, которые имели перед нами то неопределимое преимущество, что родились в хорошую пору, эти драгоценные переплеты, стоящие ныне от 50 до 100 франков (нет нужды уточнять, что сама книга при этом не имеет ровно никакого значения), обходились в одно малое экю.

Выдающиеся переплетчики есть и среди наших современников. Бозонне, которого Тувенен называл "Микеланджело книжного корешка", довел свое искусство до полного совершенства. Келер, когда хочет, ничем не уступает Дерому, особенно в том, что касается небольших томиков или, как говорят собиратели, "книжечек". Знают свое дело Симье, Томпсон и Клосс, однако боюсь, что они совершат ошибку, если будут равняться на работы своих предшественников, возвеличенные капризной модой. У нас во Франции по достоинству оценивают лишь тех, кто уже в могиле, — сомнительное преимущество.

**Очей ревнивых нам не колет
Лишь слава тех, кто далеко.**

ЮНЫМ ДЕВУШКАМ

Всем честным людям известно, что юные девушки не должны вести переписку, о которой бы не знали их родители, и о каждом полученном письме должны давать им отчет.

Разговор и переписка — это две широко открытые двери для ложных идей, а поскольку женская природа совершенна, только эти ложные идеи и могут привести к неблагоприятным поступкам.

Ничего особенно дурного в нашей природе нет, но мы можем стать дурными, привыкнув к дурным разговорам, дурным советам и дурному чтению, и это будет общий результат плохого воспитания.

Я начал именно с этого, милые девушки, потому что в ваших семьях, где, как я имею некоторые основания думать, никогда не слышали моего имени, не преминут осведомиться, какое я имею право писать для вас и быть вами читаемым.

Если же ваши отцы, напротив, одарены той строгой памятью, которая ничего не забывает и помнит слепые симпатии юности, от которых свободны лишь немногие умники; если в суматохе света им когда-нибудь попало на глаза мое имя — имя писателя, который допустил в своей жизни немало ошибок, хотя грешил лишь по неопытности и не совершил ничего такого, что могло бы лишить его уважения окружающих и своего собственного, — если так, значит, вам не судьба прочесть меня сейчас и встреча наша откладывается, ибо существо, чей разум еще не оформился, непременно должно верить родителям и принимать их советы за правило; однако я лишь себя надеждой, что, выслушав меня,

родители ваши станут снисходительнее и не сочтут, что я взялся не за свое дело, согласившись руководить выбором вашего чтения.

Я прошу прощения, что вынужден немного поговорить о себе, чтобы подойти к делу; это привычка, в которой меня справедливо упрекают, но от которой я вряд ли когда-нибудь избавлюсь, потому что среди того немногого, что я знаю достаточно, чтобы об этом говорить, нет ничего, что бы я знал лучше самого себя. Я начал писать очень молодым, хотя мне не стоило этого делать ни в юности, ни в старости, но в своих сочинениях я всегда уважал религию и нравственность, а также то, что почти так же достойно уважения, как религия и нравственность: простодушие невинного сердца, которое учится чувствовать.

Давным-давно я женился на такой же молодой девушке, как вы, доброй и милой, как вы, и сегодня я люблю ее в сто раз больше, чем когда-нибудь. У нас были сыновья, которых мы потеряли в младенчестве, но у нас осталась дочь, и, может быть, вы ее знаете, потому что она написала для вас страницы, которые гораздо лучше моих. Мне выпало счастье воспитывать в своем доме племянниц и их детей; а теперь, имейте в виду, у меня есть внучка. Уже более двадцати лет я живу вот так, во главе семейного пансиона, данного мне богом и оправдавшего все мои надежды.

Вы должны были бы полагать во мне очень холодное сердце и весьма ограниченный ум — два качества, в которых меня, благодарение богу, никогда не упрекали, — если вы сочли, что долгие годы жизни, полной забот, трудов и особенно любви, не научили меня воспитывать юных девушек.

С тех пор как я размышляю об этом, не было дня, когда бы я с ужасом не думал бы о том, как мало книг можно предложить в пищу вашей прилежной любозна-

тельности, не рискуя обмануть ваше сердце или извратить ваши суждения. Надо, однако, чтобы вы читали, и читали много, потому что чтение лучше всего научит вас понимать прекрасное и лучше всего приготовит вас к жизненным испытаниям. Моя тревога и мое отвращение отнюдь не означают, что вы смогли бы узнать без опасности для себя массу сочинений, на которые я не смотрю как на опасные и развращающие, ибо они писаны не для вас, они писаны для человека вообще, чьи заблуждения можно искоренить только пролив на них яркий свет, чьи страсти можно победить только раскрывая их во всем их неистовстве и чрезмерности.

Авторы этих сочинений выполнили свою задачу, так как гениальные люди должны руководить воспитанием всего рода человеческого. Этот широкий объект обучения не имеет прямого отношения к вашему невинному возрасту и вашим чистым и нежным нравам, с чем я вас и поздравляю; вы сами поймете это, и — увы! — слишком рано.

Горному кедру должна быть привычна буря, фиалкам ничего не надо, кроме кустарника, в защитной сени которого они растут, молодым розовым кустам нужна лишь подпорка.

Я говорил вам о заблуждениях и страстях, о которых до вас дошло лишь смутное представление. Однажды вы узнаете, что и сами страсти — это всего лишь заблуждения.

Я клянусь вам, что добродетель и правда — одно и то же и что, кроме той дороги к действительному счастью, по которой они всегда ведут, нет ни одной узкой тропинки, которая не привела бы к пропасти, ни одного нежного фрукта, который не таил бы в себе яд. Нет ничего действительно прекрасного, что не было бы добрым.

Вам может показаться слишком суровой скупость, с которой я отмеряю удовольствия для вашего ума, но

рано или поздно ваша собственная опытность подскажет вам, что я был прав. Тот небольшой круг книг, который я предлагаю вашему вниманию сегодня, — это как раз то, что вы будете перечитывать в зрелом возрасте, когда ваш разум просветится временем. Горячее нетерпение и необдуманность влекли меня самого к усвоению всех хороших и плохих идей, которым люди давали жизнь в книгах, а теперь я читаю лишь то, что следует читать, и если и вспоминаю оставшееся, то только затем, чтобы пожалеть о напрасно потраченных на него часах. Наиболее возвышенные умы всех времен соглашаются в этом с людьми заурядными, вроде меня, у которых высокие качества разума заменяются любовью к истине и сметливостью. Нет великого человека, мудреца, который не ограничил бы число любимых писателей, своих лучших друзей, выбранных из многих прочитанных мастеров слова. Я мог бы назвать нескольких людей, которые оставили на единственной книжной полке своей философической библиотеки лишь четырех авторов, и я, безусловно, удивлю вас, сказав, что иным людям и это число показалось бы чрезмерным.

Однако успокойтесь: мы предлагаем более широкое и разнообразное поприще тому живому инстинкту, который заставляет вас искать разнообразия во всех увлечениях и который составляет одну из ваших особенных прелестей. Мы знаем, что час серьезных размышлений еще не пробил для вас и что немало воды утечет до той суровой минуты, когда память ваша будет питаться лишь воспоминаниями о вещах полезных. Мы ваши друзья и не станем подражать щепетильному скифскому философу из басни Лафонтена, который заботливо обрезал в своем саду лишние ветки и бесплодные цветы, дабы укрепить силу дерева.

Религия и нравственность, в которых соединяются все необходимые обществу науки, должны всегда

руководить малейшими движениями вашего взрослеющего ума. Но ни та, ни другая не исключают милые вымыслы гения, эти восхитительные прикрасы искусства, которые превращают учение в удовольствие.

Бог разрешил земледельцам украшать наши цветники множеством великолепных благоухающих растений с яркими головками, которые никогда не дают плодов, и все их хрупкое существование приносит лишь ту пользу, что убажает наши чувства живостью цвета и нежностью запаха.

Таковы же и те книги, замысловатые шедевры вкуса, чувства и гармонии, которые, хотя и не дают основательной пищи уму, услаждают его, развлекая и волнуя забавными картинками и нежными эмоциями; мы познакомим вас с ними.

В самом деле, мы приложили всевозможные старания, — и это единственная наша заслуга, — дабы выбрать из прекрасных произведений французской литературы, будь то древняя или новая, отрывки, более всего способные удовлетворить, как сказал бы философ, нравственные и интеллектуальные потребности вашего пола и возраста и составить из них что-то вроде курса чтений, который уже сегодня посвятит вас, насколько это позволительно для молодых, хорошо воспитанных девушек из светского общества, к жизни в котором вас готовили, в загадочные тайны хорошего стиля и сравнительные достоинства самых прекрасных талантов.

Мы не обещаем, что выбор наш всегда будет безукоризненным, потому что в творениях человека совершенство — это всего лишь более или менее удачная попытка приблизиться к красоте и истине; попытка, при которой успех всегда относителен и зависит от возможностей творящего; но эти едва заметные различия между произведениями, скрытые от толпы, составят для вас предмет полезных раздумий и помогут вам улучшить слог,

развить идеи и образовать вкус. Поучительное развлечение не менее полезно, чем работа. Все время, свободное от домашних дел и совершенствования талантов, нельзя употребить лучше, чем посвятив его чтению хорошей книги.

Итак, как я уже сказал, мудро развивая разум, мы возвышаем душу, а улучшая вкус и тренируя ум, влияем на характер и нрав.

Мне остается сказать, что мы сильно обманули бы ваше доверие (а в наши намерения не входит обманывать вас в чем бы то ни было), если бы позволили вам ожидать, что каждая страница этой книги подарит вам совершенно новое наслаждение: ничего нового нет под луной, особенно в том, что касается красоты и истины, — у бессмыслицы и уродства несколько большие возможности. В основном отрывки, из которых мы составили свой том, как драгоценную мозаику, будут в самом деле новостью для вас, и среди них многие, насколько нам известно, никогда не печатались в подобных собраниях; что же до прославленных писателей, которых мы хотели бы представить на ваш суд, наш выбор был по необходимости ограничен и мы должны были к тому же прислушаться к голосу большинства читателей, ибо только те сочинения хороши, что заслужили всеобщую любовь.

Таким образом, вы найдете здесь много отрывков, которые вы знаете наизусть, потому что ими уже давно и охотно наполняли сокровищницу вашей памяти; но мы не доставим вам огорчения, опустив их, — ведь вы наверняка любите их перечитывать. Возможно, они уже украшают несколько замечательных сборников, продающихся на расхват, но эти сборники были составлены не для вас, а мы уже изложили вначале причины, которые заставляют нас думать, что вам недостает именно такого сборника, как наш, и поучительного и развлекательного.

Что касается лично меня, то я должен объясниться в связи с еще одним недоразумением, гораздо более серьезным и очевидным. Среди этих фрагментов, о которых я говорил до сих пор слишком общо, предлагая их вам как превосходные образцы стиля и композиции, я увя, слишком поздно заметил один, расхваливать который было бы с моей стороны нескромно, пусть даже снисходительность отцовского сердца мешала мне видеть его недостатки, так как "родители всегда пристрастны". Я от души прошу считать его исключением из правила, а то и вовсе не обращать на него внимания, как вы, несомненно, поступите с малой частью фрагментов вашей книги. Я без гнева и почти без сожаления отдаю его на милость вашей ручки, которая может его зачеркнуть, а может и пощадить; он включен в книгу вовсе не по моей воле и является всего лишь ни к чему не обязывающим свидетельством доброжелательной вежливости издателей, которых вы уже знаете, потому что они печатают для вас очаровательную "Газету для молодых девушек".

Мое имя может появиться в списке образцов хорошего языка и вкуса только в результате опечатки.

Мы долго размышляли о том, как расположить многочисленные и разнообразные материалы вашего курса чтения. До нас эти отрывки, как правило, расставляли в том порядке, который требует от литератора всего лишь немного простой логики и аккуратности. Конечно, нетрудно опубликовать речь рядом с другой речью, рассказ рядом с другим рассказом, описание рядом с другим описанием, но такой порядок, вполне пригодный для оглавления, показался нам слишком сухим для книги развлекательной. Самые нежные и приятные ощущения, если они однообразны, навевают скуку. Даже от удовольствий легко устаешь, когда они слишком похожи одни на другие, когда они не обновляются

и не освежаются каким-нибудь разнообразием. Разумеется, симметрия частей целого требует для восприятия также нежности и чуткости, которые вам свойственны больше, чем нам. Это единственная работа, которую мы вам оставили.

Все эти чудеса поэзии, которые будут представлены вам, вместе и порознь похожи на цветы, с которыми мы любим их сравнивать. Исключив цветы, которые могли бы опьянить вас своими опасными запахами, мы заполнили вашу клумбу растениями разного рода — барвинок в голубых звездах соседствует здесь с примулой в золотом тюрбане, смиренным чебрецом, который смеется, плача, и величественной аквиленией; ботаник отличает их одно от другого, но все они расцветают под сенью молодой листвы, пробужденные к жизни весной.

Вам остается только составить из цветов, с возможно большим искусством и изяществом, ваши букеты и гирлянды.

От природы и от ваших матерей вы получили умение все украшать; мы всего лишь пользуемся этим.

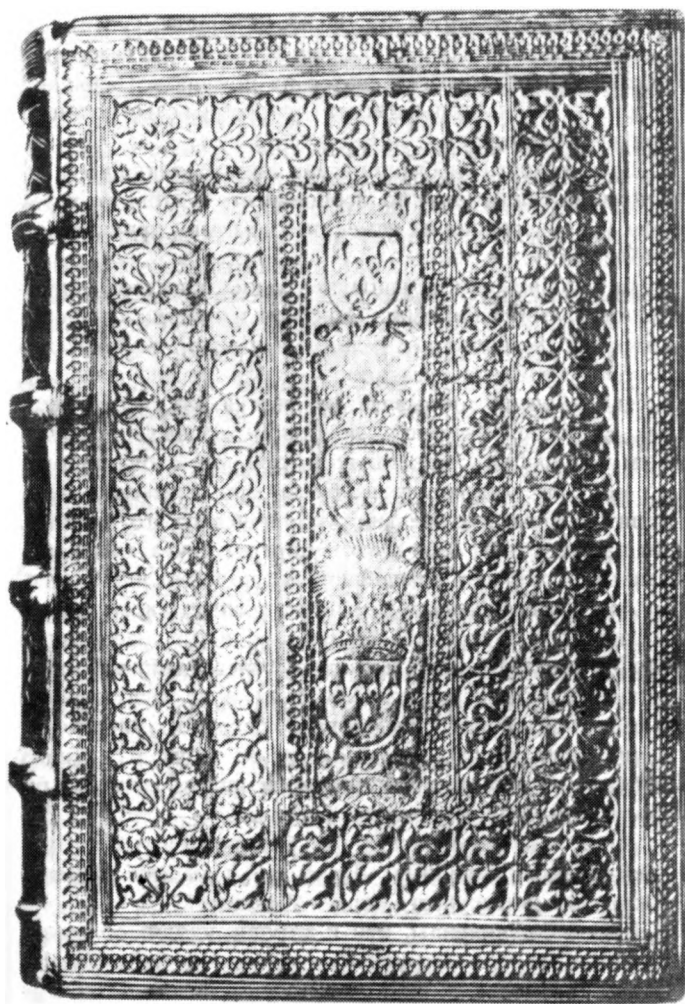

ЛЮБИТЕЛЬ КНИГ

Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Эта народная мудрость, на мой взгляд, вполне применима к педанту. Есть ли что-нибудь более тяжеловесное и унылое, чем педант, претендующий на непринужденность и изящество; у меня довольно ума, чтобы отличить претерит от аориста, но, вздумай я на протяжении восьми страниц блистать остроумием, вы бы посоветовали мне немедленно вернуться к моим дифтонгам.

Посему я с самого начала предупреждаю, что статья моя будет ничуть не более занимательна, чем лекция Матюрена Кордые или глава из Депотера. Богу, природе и Академии угодно было ограничить мое воображение узкими пределами, коих оно не перейдет. Ваш удел счастливее моего: я не могу не писать, ибо подчиняюсь требованиям неумолимого издателя, но вы вольны не читать меня. Рисунок окончен, гравюра отпечатана, для полноты издания недоставало лишь длинной пустопорожней тирады. Что ж! Она перед вами — но напрасно станете вы искать в ней один из тех искусных портретов, к которым приучили вас ваши любимые авторы. Если вы надеетесь найти здесь остроумное и оригинальное изображение букиниста, то сделайте милость, отложите эту статью в сторону и последуйте совету скромного сочинителя Матье Лансберга: ”Поглядите на картинку”.

Любитель книг — тип, который стоит запечатлеть, ибо все идет к тому, что вскоре он исчезнет. Книгопечатание было изобретено всего около четырех столетий назад, а книги в некоторых странах уже так расплодилось, что поставили судьбу нашей старой планеты под угрозу.

Переплет рукописной латинской Библии из собрания короля Франциска I, с гербами Франции и Бретани и эмблемами Франциска I (саламандра) и Людовика XIII (дикобраз)

Цивилизация достигла самой неожиданной ступени развития — бумажного века. С тех пор как все принялись писать книги, никто не рвется их покупать. Нынешние авторы — дай им только волю — способны сами сочинить целую библиотеку.

Если считать любителя книг видом, делящимся на множество подвидов, то первое место в этом хитроумном и привередливом семействе по праву принадлежит библиофилу.

Библиофил — это человек с умом и вкусом, влюбленный в творения гения, фантазии и чувства. Он любит мысленно беседовать с великими умами, чье общество необременительно: разговор с ними можно начинать, когда захочешь, обрывать, не рискуя показаться неучтивым, и возобновлять, не боясь прослыть докучливым; от любви к далекому автору, чьи слова доносит до него искусство письма, библиофил незаметно переходит к обожанию предмета, заменяющего этого автора. Он любит книгу, как друг — портрет друга, как влюбленный — портрет возлюбленной; подобно влюбленному, он с наслаждением украшает предмет своей любви. Он никогда не простил бы себе, если бы драгоценный том, преисполнивший его душу чистейшей радостью, прозябал в нищенских лохмотьях и не был наряжен в сафьяновый или ”мраморный” переплет. Библиофил холит свои книги, как король — своих наложниц; библиотека его уже одним своим видом усладила бы взоры консулов, как мечтал Вергилий.

Александр Македонский был библиофилом. Завладев драгоценной шкатулкой Дария, он поместил в нее не сокровища персидского царя, а ”Илиаду”.

Нынче библиофилы, как и короли, уходят со сцены. Когда-то короли любили книгу, как и библиофилы. Сколько бесценных рукописей дошло до нас благодаря щедрости просвещенных государей. Алкуин был Грутхуй-

зом Карла Великого, а Грутхуиз — Алкуином герцогов Бургундских. Герб с саламандрой прославился в веках не только благодаря дворцам Франциска I, но и благодаря его книгам. Генрих II доверил тайну своей любви не только стенам своих пышных покоев, но и роскошным переплетам книг, напечатанных в королевской типографии. Тома из библиотеки Анны Австрийской до сих пор приводят ценителей в восхищение своим скромным и благородным изяществом.

Вельможи и именитые горожане подражали монархам. Число богатых библиотек равнялось в старые времена числу родовитых семейств. Гизы, д'Юрфе, де Ту, Ришелье, Мазарини, Биньоны, Моле, Паскье, Сегье, Кольберы, Ламуаньоны, д'Эстре, д'Омоны, Лавальеры едва ли не до наших дней собирали на благо людей книжные сокровища; я называю наугад лишь несколько знатных имен, дабы не утомлять читателей длинным перечислением. Тем, кто станет писать о нашей эпохе, будет много легче.

Да что там говорить, прежде даже финансисты, и те любили книги! С тех пор они сильно переменялись. Казначей Гролье один сделал для развития типографского и переплетного дела больше, чем все наши жалкие медали и скудные литературные пенсии, вместе взятые. Его примеру последовали Заме и Монторон, а затем Самюзль Бернар, Парисы и Кревенна. Обыкновенный торговец лесом, г-н Жирардо де Префон, человек не самого высокого происхождения, вложил свое состояние в книги и тем обеспечил себе бессмертие — по крайней мере, бессмертие библиографическое и каталожное. Впрочем, нельзя сказать, чтобы лавры его не давали пока нашим банкирам.

Не так давно мой приятель посетил одного из таких миллионеров; через его руки постоянно проходят сокровища промышленности, торговля которыми приносит

Герб Анны Австрийской

щедрый урожай золота. Слепленный роскошным убранством, друг мой пожелал укрыться в библиотеке. "Библиотека? — переспросил Крез. — Она перед вами". И он показал ему толстенную чековую книжку. "Разве хоть в одной библиотеке мира найдется книга, равная этой?" — спросил банкир с самодовольством глупца, у которого достало ума разбогатеть. На этот вопрос есть только один ответ — владелец такой книжки достоин сожаления, если ему не доставляет радости приобретение книг другого рода.

В высших слоях нашего прогрессирующего общества (я приношу читателю извинения за это неуклюжее причастие — рано или поздно оно отомрет вместе с глаголом "прогрессировать") библиофилы перевелись; современный библиофил — это ученый, литератор, художник, человек со скромными доходами и жалким состоянием; общество книг спасает его от скучного и пошлого человеческого общества, нелепая, но невинная страсть заставляет забыть о непрочности других человеческих привязанностей. Однако собрать большую библиотеку такому библиофилу не под силу; хорошо еще, если перед смертью он сможет остановить угасающий взор на собственных книгах, хорошо, если сможет завещать это скромное наследство своим детям! Я знаю одного беднягу, — не стану называть его имени, — который пятьдесят лет трудился не покладая рук, чтобы заработать деньги на покупку книг, а затем вынужден был продать свои книги, чтобы не умереть с голоду. Это — библиофил, но, уверяю вас, таких, как он, остается все меньше и меньше. Сегодня все любят деньги: какой интерес нынешним богачам в книгах?

Противоположность библиофила — библиофоб. Все наши сановные политики, сановные банкиры, сановные министры и сановные писатели — библиофобы. Для этой самодовольной аристократии, обязанной своим возвышением прогрессу цивилизации, культура и просвещение рода человеческого начинаются в лучшем случае с Вольтера. Вольтер для них — миф, объединяющий в себе и изобретателя письма Трисмегиста, и изобретателя книгопечатания Гутенберга. Поскольку вся культура воплотилась в Вольтере, библиофоб, как и Омар, ничтоже сумняшеся сжег бы Александрийскую библиотеку. Не то чтобы библиофоб читал Вольтера, Боже упаси, но он с радостью находит в нем оправдание своему беспредельному презрению к книгам. С точки зрения библио-

фоба, все, кроме самоновейших брошюрок, уже старье; библиофоб терпит в своем кабинете лишь книги, напечатанные на липкой, пачкающейся бумаге, да и этот ворох непросохших от краски листов, жалкую дань голодных муз, он спешит сбить уличному торговцу, который за гроши покупает всю пачку на вес; библиофоб принимает книгу в подарок и немедленно продает ее. Нет нужды уточнять, что он ее не читает и денег за нее не платит.

Несколько десятков лет тому назад в Париж прибыл один иноземный писатель, человек незаурядного таланта; позавтракав в кафе, он обнаружил, что с ним произошло одно из тех досадных недоразумений, жертвой которых нередко становятся люди большого ума. Он забыл дома кошелек и безуспешно рылся в карманах в поисках какого-нибудь завалившегося *пенни*, как вдруг взгляд его упал на страничку записной книжки, где среди прочих был означен адрес некоего владельца миллионов, обитающего по соседству. Чужестранец берет за перо, просит у высокородного Тюркаре 20 франков взаймы на час, посылает слугу с запиской, ждет и наконец получает в ответ неумолимое "нет", подобное тому, которое кардинал Ришелье бросил в лицо поэту Менау. К счастью, провидение ниспослало нашему чужестранцу друга, который выручил его из беды. До этого места история наша настолько банальна, что не стоит внимания. Но это еще не конец. Чужестранец стал знаменит, что подчас случается с гениями, а затем умер, что — рано или поздно — случается со всеми людьми. Слава его произведений докатилась даже до банкиров, и цена на его автографы — пусть не на бирже, а на аукционах — резко подскочила вверх. Я своими глазами видел, как его записка — это исполненное достоинства воззвание к французскому гостеприимству — продавалась с молотка за 150 франков; богач решил без лишнего шума заработать на этом листке бумаги, предмете

вожделения собирателей, и я бы очень удивился, если бы оказалось, что сегодня в ловких и умелых руках скромная цена записки не выросла втрое. Отсюда следует, что даже от невыполненной просьбы может быть прок. Вы ведь знаете, что я всегда стараюсь извлечь мораль даже из самого пустякового своего рассказа.

Есть, однако, библиофобы, которым я могу простить их лютую ненависть к книгам — пленительнейшей вещи в мире, если не считать женщин, цветов, бабочек и марионеток; это люди рассудительные, чувствительные и не слишком образованные, невзлюбившие книги из-за шума, который вокруг них поднимают, и вреда, который они приносят. Таков был мой благородный товарищ по несчастью престарелый командор де Вале, который, мягко отстраняя единственную оставшуюся у меня книгу (увы! это был Платон), говорил: "Оставьте, ради Бога, оставьте, вот из-за этих-то штук и началась революция! Но что касается меня, — добавлял он гордо, подкрутив не без кокетства кончики седых усов, — Господь свидетель, я не прочел ни одной".

Библиофил всегда наделен вкусом, этим тонким и безошибочным чутьем, которое распространяется на все вокруг, придавая жизни неизъяснимую прелесть. Осмелюсь утверждать, что библиофил — человек счастливый или по крайней мере знающий, что нужно для счастья. Почтенный и ученый муж Урбен Шевро превосходно описал это счастье на собственном примере, с чем я его и поздравляю. Выслушайте его рассказ, и вы согласитесь со мной; ручаюсь, вы не пожалеете. "Я ничуть не скучаю в уединении, — пишет Шевро, — ведь со мной моя библиотека, для отшельника довольно богатая и вдобавок тщательно подобранная. К моим услугам греческие и латинские авторы всех мастей: ораторы, поэты, софисты, риторы, философы, историки, географы, летописцы; отцы церкви и богословы. Есть у меня и сочи-

нения археологов, и любопытнейшие путевые заметки, много итальянских книг, кое-что из испанских; из современных писателей — лишь те, чья слава общепризнана; и повсюду — ни одной пылинки. В кабинете моем висят живописные полотна и гравюры, в саду растут цветы и фруктовые деревья, а в гостиной щебечет домашний оркестр, который будит меня по утрам и развлекает во время трапез. Дом у меня новый и построен на совесть, воздух в саду свежий, а поблизости целых три церкви”.

Живи Урбен Шевро в древности, римский сенат вряд ли назвал самым счастливым человеком на земле Суллу; впрочем, сенат вряд ли знал бы о существовании такого человека, как Урбен Шевро. В самом деле, заметьте, что этот достойный муж, которому я так хотел бы подражать и которого читаю с неизменным удовольствием и пользой, *praesidium et dulce decus meum**, случайно или намеренно опустил в своем дивном описании достойной зависти жизни самый драгоценный и редкостный источник блаженства. Урбен Шевро превосходил ученостью всех ученых своего времени, которые были не чета теперешним; он был образованнее самых образованных своих современников, он сочинял стихи, не уступающие самым совершенным созданиям стихотворцев того времени, и столь насыщенную, изобильную и непринужденную прозу, что, когда читаешь ее, кажется, будто слышишь голос автора. Скольких опасностей должен был избежать такой человек, сколько преград преодолеть, чтобы стать счастливым! И если он был счастлив, то лишь оттого, что довольствовался малым и не гнался за славой. Современники так прочно забыли его, что даже не избрали в Академию; он не по-

---

*О отрада моя, честь и прибежище (*лат.*; Гораций. Оды, I, 1,2; перевод А.Семенова-Тян-Шанского).

лучил признания, но зато не навлек на себя ничьей ненависти и прожил в тиши, среди цветов и книг, до восьмидесяти восьми лет.

Как говорится, да будет земля пухом любезнейшему и учнейшему из библиофилов! Но что случилось с библиотекой Урбена Шевро — любовно подобранными и бережно хранимыми томами, которых не найти ни в одном каталоге? Вот важный, насущный, неотложный вопрос, который наверняка привлечет к себе внимание, когда бессмысленная социальная философия и глупая политика перестанут, наконец, занимать умы.

Библиофил выбирает книги; библиоман копит их без разбора. Библиофил ставит книгу на полку не раньше, чем изучит ее вдоль и поперек и усладит ею сердце и ум; библиоман сваливает книги в кучу, не читая. Библиофил оценивает книгу, библиоман взвешивает ее или обмеряет. Библиофил вооружен лупой, библиоман — линейкой. Я знаю собирателей, которые, расхваливая свою библиотеку, ведут счет на квадратные метры. Страсть библиофила — приятное возбуждение, никому не приносящее вреда, — превращается у библиомана в тяжкий недуг с горячечным бредом. Дойдя до этого рокового предела, увлечение книгами теряет всякую разумность и перестает отличаться от любой другой мании. Не знаю, удалось ли френологам, открывшим столько разных глупостей, обнаружить на костном покрове нашего бедного мозга шишку коллекционирования, но я твердо знаю, что инстинкт этот присущ многим человеческим особям. В юности я был знаком с человеком, который собирал пробки от бутылок, связанные с памятливыми историческими событиями; он накопил их целую кучу и расставил по порядку, повесив на каждую ярлык, извещающий, при каких более или менее замечательных обстоятельствах пробки эти покинули горлышки своих бутылок, например:

”Господин мэр; шампанское высшего качества; рождение его величества Римского короля”. Наверное, у этого собирателя была на голове та же шишка, что и у библиофила.

От великого до смешного — один шаг. От библиофила до библиомана — одна катастрофа. Библиофил мгновенно превращается в библиомана, когда ему случается поглупеть или разбогатеть, а от этих несчастий не застрахованы даже самые достойные люди; первое, впрочем, настигает смертных гораздо чаще, чем второе. Мой дорогой учитель, почтенный господин Булар был некогда библиофилом с тонким и разборчивым вкусом, но со временем завалил шесть шестиэтажных особняков шестьюстами тысячами книг самого разного формата; они лежали там грудями, напоминая то ли каменные стены, сложенные циклопами без извести и цемента, то ли галльские могильники. В самом деле, это были настоящие кладбища книг. Помню, однажды, странствуя вместе с хозяином среди этих шаткихobelisks, которых не коснулись умелые руки благоразумного господина Леба, я осведомился о судьбе редчайшей книги, которую некогда уступил моему почтенному другу на одной знаменитой распродаже. Устремив на меня взор, в котором, как обычно, светились острый ум и добрая душа, господин Булар ткнул тростью с золотым набалдашником в одну из этих огромных куч, *rudiſ indigestaque moles**, затем в другую, затем в третью: ”Она там, или там, или же там”. Я содрогнулся при мысли, что злополучный томик погребен, быть может навеки, под восемнадцатью тысячами фолиантов, но эти подсчеты не помещали мне позаботиться о спасении собственной жизни. Высоченные кипы книг, неустойчивое равновесие которых господин Булар потревожил своей тростью, угро-

---

*Нечлененная и грубая громада (*лат.*; Овидий. *Метаморфозы*, I, 7).

жающе шатались, а вершины их раскачивались, как тонкий шпигот готического собора от колокольного звона или порыва ветра. Оттащив подалее господина Булара, я обратился в бегство, не дожидаясь, пока Осса упадет на Пелион или Пелион на Оссу. Даже сейчас, когда я вспоминаю, как с высоты двадцати футов едва не рухнули мне на голову все фолианты, написанные болландистами, меня охватывает священный трепет. Называть библиотеками эти горы книг, к которым не подступиться без лопаты и которые не удержать без подпорок, — значит оскорблять законы человеческого языка.

Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum*.

Библиофила не надо путать с книжником, речь о котором впереди; однако и библиофилу случается рыться в старых книгах. Он знает, что не одна жемчужина была извлечена из навозной кучи и не одно литературное сокровище таилось под истрепанной обложкой. К несчастью, такие удачи крайне редки. Что же касается библиомана, он к книжным развалам даже не подходит, ведь рыться в книгах значит выбирать. А библиоман не выбирает — он скупает.

Книжник в строгом смысле слова — это старик рантье, учитель в отставке или вышедший из моды литератор, то есть человек, сохранивший любовь к книгам, но не имеющий средств на то, чтобы их покупать. Он только и делает, что ищет драгоценные старые книги, *gatae avis in terris***, которые капризный случай мог забросить в пыльную каморку старьевщика, алмаз без оправы, который опытный ювелир узнает с первого взгляда, а невежда принимает за подделку. Разве вы

---

*Зренья лишенный Циклоп, безобразный, чудовищно страшный (*лат.*; Вергилий. Энеида, III, 658).

**Редчайшая птица на свете (*лат.*; Ювенал. Сатиры, VI, 169).

не слышали об экземпляре "О подражании Христу", который Руссо в 1765 году взял у своего друга господина Дюпейру, — книге с пометами Руссо и его подписью, книге, между страницами которой сохранился засушенный барвинок — Руссо своей рукой сорвал его в том же году в Шарметтах? Это неприметное на вид сокровище, за которое знаток отдал бы золотые горы, обошлось г-ну де Латуру всего в 75 сантимов. Вот это находка! Впрочем, не знаю, что бы мне больше хотелось иметь — экземпляр "О подражании Христу", принадлежавший Руссо, или старинное издание "Теагена и Хариклеи", которое Расин со смехом отдал наставнику: "Можете сжечь эту книгу, — сказал он, — я выучил ее наизусть". Если сейчас у букинистов на набережной нет этой небольшой книжечки с красивой подписью и пометами по-гречески, сделанными мелким почерком, который я узнал бы из тысячи, то, ручаюсь, лишь оттого, что ее недавно продали. А что бы вы сказали об экземпляре "Проученного педанта" Сирано, где на полях против двух сцен — мне нет нужды пояснять, каких именно, — стоит фигурная скобка, а рядом рукой Мольера написано: "Мое". Все это — тихие радости книжника, которые, надо признаться, чаще всего остаются волшебными грезами. Всеведущий господин Барбье, назвавший нам авторов множества анонимных книг и умолчавший о еще большем их числе, намеревался составить библиографию ценных книг, купленных в течение четырех десятков лет на парижских набережных. Такая книга украсила бы нашу словесность и стала бы настоящим подарком для книжников, этих искусных и хитроумных алхимиков от литературы, которые спят и видят, как бы отыскать философский камень, а находя время от времени его осколки, меньше всего заботятся о том, чтобы заказать для них роскошную оправу. Книжник всю жизнь пребывает в уверенности, что владеет тем,

чем не владеет никто; он снисходительно пожал бы плечами даже при виде сокровищ Великих Моголов и не намерен украшать свою драгоценную добычу ничемными поделками сторонних умельцев: на то у него есть веские причины, которые он, правда, скрывает под благовидным предлогом: "Шедеврам типографского искусства следы времени так же к лицу, как патина — античной бронзе. Библиофил, переплетающий книги у Бозоне, подобен нумизмату, золотящему медали. Оставьте меди зелень, а старинным книгам — расползающуюся кожу". Увы, все дело в том, что переплеты Бозоне очень дороги, а книжники — люди небогатые. Конечно, не стоит портить святотатственными румянами совершенную красоту и предавать в руки реставратора книгу, которая может обойтись без этой рискованной операции, но поверьте мне: книги, как женщины, от украшений только хорошеют.

"Книжник" — одно из тех двусмысленных слов, которых, к несчастью, множество во всех языках. Книжником называют как любителя, роющего в старых книгах, так и уличного торговца. В старые времена ремесло это было почтенным и доходным. Бывало, торговец старыми книгами расставался со скромным лотком или убогой повозкой и позволял себе роскошь открыть крохотную лавочку. Этот путь проделал Пассар, память о котором, должно быть, еще жива на улице Кок. Да и можно ли забыть Пассара, его коротко стриженные волосы, вздернутый нос и глаза — один большой, выпученный, рыжеватый, другой маленький, голубой, глубоко посаженный — природе угодно было создать их такими несхожими, чтобы внешность Пассара ни в чем не уступала его эксцентрическому характеру. Когда сардоническая усмешка чуть трогала правый уголок рта Пассара, когда в его маленьком голубом глазу вспыхивали лукавые искорки, которые никогда не освещали другой,

большой и тусклый, глаз, это означало, что Пассар расположен поболтать и вы имеете возможность услышать множество скандальных историй из политической и литературной жизни последних сорока лет. Пассар, торговавший то в проезде Капуцинок, то перед Лувром, то возле института, все видел, все знал и в своей букинистической гордыне все презирал. И все же Пассар не был тем человеком, о котором Гораций сказал: *Dicendi bona mala locutus**; к нему это относилось лишь наполовину. Память Пассара хранила только плохое; надо было слышать, с каким ироническим пылом, поднимавшимся подчас до подлинного красноречия, он развенчивал самых славных героев. "Ну а Мирабо?" — робко спросил я у него однажды. "Мирабо, — высокомерно отвечивал Пассар, выставив вперед правую ногу, — был дурак и трус". Для очистки совести спешу заметить, что это ничего не доказывает, хотя вообще-то Пассар разбирался в людях даже лучше, чем в книгах. Во всяком случае, все бывавшие у него книжники-любители в один голос утверждают, что рассказы его были гораздо занимательнее его книг.

Я вспомнил книжника Пассара — безвестного человека, которому не посвятит статьи ни один биографический словарь, Пассара, являющегося, судя по всему, Брутом, Кассием книжной торговли, последним букинистом. Книжник, торгующий на мосту, набережной или бульваре, жалкое создание, подозрительное, странное и хилое, которое не живет, а доживает свой век среди никому не нужных брошюрок, — это в лучшем случае тень книжника; книжник умер.

Эта великая социальная катастрофа, гибель книжника — одно из неизбежных следствий прогресса: безобидное

---

*Наболтал он, что надо, и то, что не надо (*лат.*; Гораций. Послания, I, 7, 72; перевод Н.Гинцбурга).

и невинное порождение хорошей литературы, книжник должен был уйти из жизни вместе с ней. В ту невежественную эпоху, которую мы, к нашей вящей радости, оставили в прошлом, издатели, как правило, знали цену публикуемым ими книгам и выпускали их на хорошей бумаге — плотной, упругой, хрустящей; они одевали книги, если те того заслуживали, в переплет из хорошей прочной кожи, склеивали их хорошим клеем и сшивали хорошими крепкими нитками. Такой книге суждена была долгая жизнь, даже если она оказывалась на лотке букиниста. Ее переплет из сафьяна, телячьей кожи или пергамента, выцветший и сморщившийся от солнца, размокший от сырости, в сухую погоду покрытый густым слоем пыли, а в дождливую липкой грязью, долгие годы хранил под своей неказистой на вид оболочкой мечты философов и грезы поэтов. Нынче дела обстоят иначе. Прогрессивный книгопродавец знает, что участь публикуемых им книг мало чем отличается от участи мух-однодневок с берегов реки Гипанис и что не успеет реклама окрестить их, как фельетон уже сплет им отходную. Нынешний издатель вкладывает белые листы, испещренные черными значками, в желтую или зеленую обложку и, положившись на милость стихий, пускает свою стряпню в продажу. Месяц спустя жалкое издание уже валяется на лотке уличного торговца, омываемое струями утреннего дождичка. Оно отсыревает, разбухает, сморщивается, покрывается бурыми пятнами и постепенно превращается в ту бумажную массу, из которой было сделано и которую смело можно использовать для изготовления новой бумаги. Такова судьба книг эпохи прогресса.

Книжник, торгующий старыми благородными фолиантами, не имеет ничего общего со злополучным торговцем мокрой бумагой, раскладывающим на лотке

заплесневевшие лохмотья, оставшиеся от вчерашних новинок. Повторяю вам, книжник умер, что же до брошюр, пришедших на смену книгам, о них лет через двадцать никто даже не вспомнит. Можете мне поверить, я ведь и сам настрочил их не меньше трех десятков.

А впрочем, скажите на милость, что вообще останется на земле через двадцать лет?

**РЕЦЕНЗИИ
НА ИЗДАНИЯ
ДЛЯ БИБЛИОФИЛОВ**

”РАССУЖДЕНИЕ О ВЫБОРЕ КНИГ” Г.ПЕНЬО

”Рассуждение о выборе книг” господина Габриэля Пеньо включает в себя: ”1. Размышления о том, как составить небольшую, но отвечающую самому взыскательному вкусу библиотеку; 2. Разыскания о сочинениях, которым отдавали предпочтение великие люди прошлого; 3. Библиографию священных книг, а также шедевров греческой, латинской, французской и иноземных литератур с указанием самых верных и изящных изданий и, наконец, 4. Заметку о том, как оборудовать библиотеку, как расставить в ней книги, как их хранить и проч.”

Выбор книг сделался предметом научных разысканий, и тому есть причины. По самым приблизительным подсчетам за то время, что существует книгопечатание, из-под прессов вышло три миллиарда двести семьдесят семь миллионов семьсот шестьдесят четыре тысячи томов (если предположить, что средний завод — три сотни экземпляров). Если бы все эти книги дошли до нас, то поставленные в ряд, они даже при толщине в дюйм каждая заняли бы восемнадцать тысяч двести семь лье, а это больше чем в два раза превосходит длину экватора. Одно только Священное писание, толщина которого уж никак не меньше трех дюймов, заняло бы семьсот пятьдесят лье, а если прибавить к нему ”О подражании Христу”, потребовалось бы еще пятьдесят лье. Но поскольку никто, как правило, не стремится иметь несколько экземпляров одного издания, то приведенную цифру можно уменьшить в триста раз — и тогда мы узнаем, сколько места заняла бы абсолютно полная библиотека, то есть такая, где было бы по одному

экземпляру каждого издания; для нее потребовалась бы полка длиной в шестьдесят дюймов или — что гораздо легче, удобнее и красивее — галерея длиной в шесть футов, вдоль стен которой тянутся полки, по пять с каждой стороны. Отсюда можно заключить, что книг на свете неисчислимо множество и собрать их все до единой невозможно. Поэтому наш удел — тематические библиотеки и библиотеки, составленные выборочно.

Тематическими библиотеками называют такие, где собраны книги, посвященные либо медицине, либо одной какой-то области науки, либо одному периоду литературы или истории; господин Пенью, о книге которого мы ведем речь, опубликовал в 1810 году превосходный труд на эту тему; впрочем, и тематические библиотеки неизбежно приходится составлять выборочно, ибо полная тематическая библиотека, каков бы ни был ее предмет, неминуемо явила бы собою беспорядочное нагромождение томов, способное сбить с толку самого ученого и здравомыслящего библиографа. Я видел несколько таких собраний — в каждом из них было предостаточно книг, не стоящих внимания, а многие полезные работы отсутствовали. К тому же трудно представить себе человека, который мог бы удовольствоваться одними научными трактатами. На свете не существует врачей, правоведов и естествоиспытателей, которых бы не волновало ничего, кроме медицины, судопроизводства и тайн природы; не существует и таких читателей, которые не признают ничего, кроме романов, басен или комедий. Одним словом, тематические библиотеки весьма заняты и вдобавок драгоценны как памятники истории литературы, но их одним мало для счастья, хотя счастье человека рассудительно, повидавшего свет и знающего ему цену не в последнюю очередь зависит от книг. Итак, единственное, что нам остается, — составлять библиотеку выборочно.

MANUEL DU BIBLIOPHILE,

OU

TRAITÉ DU CHOIX DES LIVRES,

CONTENANT des développemens sur la nature des ouvrages les plus propres à former une collection précieuse, et particulièrement sur les chefs-d'œuvre de la littérature sacrée, grecque, latine, française, étrangère; avec les jugemens qu'en ont portés les plus célèbres critiques; une indication des morceaux les plus saillans de ces chefs-d'œuvre; la liste raisonnée des éditions les plus belles et les plus correctes des principaux auteurs, anciens et modernes, avec les prix; la manière de disposer une bibliothèque; de préserver les livres de toute avarie, avec des détails sur leurs formats, sur les différens genres de reliures, etc., etc., et une ample table des matières.

PAR GABRIEL PEIGNOT,

INSPECTEUR DE L'ACADÉMIE ROYALE DE DIJON.

*****
TOME I.
*****

A DIJON,
CHEZ VICTOR LAGIER, LIBRAIRE,

RUE RANEAU, N^{OS}. 1 ET 4.

—
M. DCCC. XXII.

*Г.Пенью. Рассуждение о выборе книг (2-е изд., 1823).
Титульный лист*

Мысль эта не нова, и у господина Пеньо было немало предшественников, что, впрочем, никак не умаляет ценности его труда. Из авторов, размышлявших над этим вопросом уже после изобретения книгопечатания, я назову лишь Ламота ле Вайе; его мнение особенно любопытно потому, что он был едва ли не безбожник. В первый том собрания его сочинений (Париж, 1654, стр. 452) вошло произведение (во всех отношениях весьма незначительное) под названием "О том, как собрать библиотеку всего из ста томов". Как ни странно, Ламот включил в свой список Библию; отважась он на столь дерзкий поступок сегодня, единомышленники сочли бы его невеждой и варваром. Философия ушла с тех пор далеко вперед!

Вообще, мысль о библиотеке очень маленькой, но состоящей из одних шедевров вполне естественна. Многие авторы пошли по этому пути дальше Ламота ле Вайе; в самом деле, всякому понятно, что если выбирать лишь книги, которые приятно перечитывать, то их может быть гораздо меньше ста. Меланхтон ограничивал свою библиотеку четырьмя авторами, имена которых начинаются на одну букву: Платон, Плиний, Плутарх, Птолемей. Бэкон, считавший, что все книги на свете похожи одна на другую и во всех библиотеках надо оставить лишь несколько сочинений, служащих источниками для всех остальных, называл тех же авторов, что и Меланхтон, прибавив к ним лишь два имени: Аристотеля и Евклида. Ги Патен писал в присущем ему полупедантском-полубурлескном стиле, что Плиний и Аристотель — это уже целая библиотека, а если присовокупить к ним Плутарха и Сенеку, то "все семейство отменных книг, отец и мать, старшенькие и младшенькие, будет в сборе". По мнению Темизеля де Сент-Иасента, список следовало бы ограничить сочинениями Плутарха, Платона и Лукиана. Сорбьер признавал лишь нескольких

французских писателей — Шаррона, Монтеня и Геза де Бальзака, который ныне вышел из моды. Достославный Пьер Даниэль Юэ, епископ авраншский, утверждал, что, если бы все придуманное людьми от сотворения мира была записано единожды, записи эти легко уместились бы в девяти, самое большее десяти томах ин-фолио. Правда, люди умудрились придумать столько нелепостей и вздора, что десять томов — капля в море, но ведь Юэ умер в самом начале XVIII столетия... Вообще, хотя латинская поговорка гласит: *Timeo hominem unius libri**, многие великие люди объявляли во всеулышание, что отдают одному-единственному произведению или автору предпочтение перед всеми прочими. Сочинения, удостоившиеся этой в полном смысле слова исключительной чести, немногочисленны. После Библии и "О подражании Христу" первыми, безусловно, идут творения доброго старого Плутарха. За Плутархом следуют Гомер, Ксенофонт, Тацит, "Письма к провинциалу", "Опыты" Монтеня, Шаррон, Рабле и "Дон Кихот". Английский ученый Джек Дуглас опубликовал в 1739 году каталог из четырехсот пятидесяти номеров, посвященный одному-единственному автору — Горацию. Тридцать шесть лет спустя библиотека графа де Солма насчитывала уже восемьсот различных изданий того же автора. Хотя в таком пристрастии к одному автору есть нечто болезненное, разум и вкус способны найти ему некоторое оправдание. Можно понять и Скалигера, который говорил, что больше хотел бы сочинить третью оду четвертой книги Горация ("На кого в час рождения, Мельпомена..."), нежели сесть на Арагонский престол, и Никола Бурбона, который утверждал, что бюкененовские подражания Псалмам стоят парижского архиепископства, — но что сказать о Пассера,

---

*Бойся человека одной книги (лат.).

который ставил стансы Ронсара канцлеру Лопиталю выше герцогства Миланского? Иные поклонники доходили до того, что видели в дорогах их сердцу авторов существа сверхъестественные. Жан Дора находил сто седьмую эпиграмму Авсония настолько совершенной, что отказывался считать ее созданием смертного поэта: он предпочел приписать ее дьяволу. Дьявола не раз объявляли автором удачных стихов, но я не знаю другого случая, когда бы ему приписали любовное стихотворение. Кюжас говорил: "Кто не имеет сочинений Паоло да Кастро, пусть продаст свой плащ и купит его книги". Ныне вряд ли нашлись бы охотники принести подобную жертву ради Паоло да Кастро, получи они даже впридачу десять томов Кюжаса; иное дело, если бы речь шла о Таците или Макиавелли. Одним словом, к книгам вполне приложима известная поговорка: "О вкусах не спорят"; библиографы отбирают книги не так, как библиофилы; да и вообще мнений о том, как собрать библиотеку, имеется, наверное, ровно столько же, сколько и людей, способных толково это сделать. В мире не найдется двух совершенно одинаковых характеров, двух умов совершенно одинакового склада, а библиотека всегда отражает нрав владельца. Если вы хотите ближе узнать человека, спросите, какая его любимая книга. Людовик XVI больше всего любил сочинение "Об обязанностях короля".

Впрочем, в книгах, бесспорно, содержатся и сведения общепользные, в которых рано или поздно испытывает нужду всякий человек. Так, было замечено, что нет человека, от самого удачливого богача до самого ничтожного бедняка, который не нашел бы в Священном писании слова, обращенного к нему лично. Пожалуй, стоило бы собрать в одном томе все, что милость Господня и ум человеческий создали в помощь и утешение страждущим; эта книга никогда не наскучит, ибо люди будут

вечно открывать в ней новые богатства и черпать новые надежды. Книга Иова, Екклесиаст, три первых книги "О подражании Христу" (четвертая касается исключительно литургии), трактаты Плутарха "О позднем возмездии божества" и "О пользе врагов", некоторые "опыты" Монтеня, в частности "О том, что философствовать — это значит учиться умирать" и "О том, что наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы о них имеем", несколько проповедей Массийона, несколько басен Лафонтена, сотая часть максим Ларошфуко, половина "мыслей" Паскаля — вот примерный состав этой книги. Мне не верится, что бывают такие чрезвычайные обстоятельства, когда эти сочинения бессильны помочь человеку; я убежден, что, если бы в наши дни, когда в моде огромные уродливые тома, где нагромождены без разбору сочинения самых разных авторов, нашелся издатель, который объединил бы в одну книгу небольшого формата названные нами немногочисленные шедевры, эта книга нашла бы своих читателей; впрочем, не будем скрывать, что предприятие это принесло бы издателю почет, но не барыш — вот почему надеждам нашим не суждено сбыться. Публика не делает тайны из своих страстей; у Вольтера она ищет вольные шутки, у Руссо — сумасбродные парадоксы, а до прекрасных, поистине образцовых сочинений этих авторов ей нет дела. Нам грозит — кто бы мог подумать? — переиздание любовных пошлостей Дора; таков наш век.

Я привел полностью длинное название труда г-на Пенью, которое обещает много больше того, к чему обязывает избранная тема, но, как это всегда бывает у нашего почтенного и трудолюбивого автора, не раскрывает и половины того, что в книге содержится. Мне остается сказать несколько слов о его "Библиографии самых верных

и изящных изданий” и о страницах, посвященных расстановке и хранению книг.

Я уже сказал, что считаю выбор книг делом субъективным и полностью зависящим от пристрастий библиографа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в избранной библиотеке г-на Пеньо я нашел немало книг, которые не включил бы в свою, и пожалел об отсутствии множества других книг, без которых едва ли мог бы обойтись; такое расхождение, повторяю, неизбежно. В общем и целом г-н Пеньо, как и следовало ожидать, выбрал книги хорошо, и если я не во всем с ним согласен, то иначе, как я уже сказал, не могло и быть. Другое дело — выбор самых лучших изданий, самых точных переводов, самого изящного оформления; на этом я остановлюсь подробнее, ибо здесь возможно прийти к единому мнению.

Третьим номером в ”Библиографии” идет ”О подражании Христу”, причем на равных указаны издания Валара и Бозе. Поскольку речь идет об избранной библиотеке, следовало, мне кажется, ограничиться одним именем, ибо верным всегда бывает лишь один вариант перевода, а перевод Валара с его новыми и не внушающими никакого доверия толкованиями таковым, безусловно, не является. Так же обстоит дело с его изданием Горация, которое, говоря по совести, не выдерживает сравнения с изданиями Джона Бонда, Бекстера и Митшерлиха. А за какие заслуги удостоилось отдельного упоминания лондонское издание ”Мыслей” Паскаля 1776 года? Уж не из-за комментариев ли Вольтера, которыми так некстати ”обогатил” эту книгу Кондорсе? Пожалуй, Вольтер никогда еще не был так недобр, неумен и неубедителен. Тот, кто ценит ”Мысли” Паскаля, не станет читать этот памфлет, а тот, кто хочет увидеть их доказательное опровержение, если, конечно, таковое возможно, подождет, пока у Паскаля появится более

серьезный противник. Составителю "Библиографии" следовало бы отметить, что среди множества французских изданий Мольера нет ни одного, где "Каменный гость" был бы напечатан в том виде, в каком впервые был сыгран на сцене. Единственным исключением является сборник, составленный Ветстейном в 1691 году из набранных прелестным эльзевиром и прежде уже опубликованных по отдельности пьес; сборник этот, следовательно, заслуживает упоминания. Г-н Пенью весьма кстати поместил в конце раздела "Драматургия" список лучших переводов иностранных драматических поэтов, но не стоило включать в него Шиллера г-на де Ламартельера, не предупредив читателя, что этот так называемый перевод представляет собой весьма вольное переложение трех пьес Шиллера: "Заговор Фиеско", "Коварство и любовь" и "Дон Карлос", с присовокуплением пьесы "Абелино", Шиллеру не принадлежащей; издание это знакомит лишь с ничтожной частью драматического наследия Шиллера, и напрасно читатель стал бы искать здесь пьесу, которая принесла поэту славу, — прекрасную, по мнению одних, и чудовищную, по мнению других, трагедию "Разбойники". Г-н де Ламартельер объясняет этот пропуск тем, что "Разбойники" хорошо известны во Франции благодаря его переложению этой трагедии, носящему название "Роберт, предводитель разбойников". Переложение это и правда хорошо известно во Франции, но о трагедии Шиллера оно не дает ни малейшего представления. Гораздо лучше позволяет судить о ней перевод г-на де Бонвиля, неровный и корявый, зато энергичский и смелый. К сожалению, в 12-й том "Немецкого театра", где он опубликован, не вошли другие пьесы автора "Разбойников", и мы с нетерпением ждем французского Шиллера, которым давно уже обещает порадовать нас г-н де Латуш.

Я с радостью вижу среди поэтов, достойных войти

в избранную библиотеку, Клотильду де Сюрвиль, но не понимаю, почему в списке, составленном по хронологическому принципу, имя ее стоит раньше Малерба. Ведь нынче ни для кого не секрет, что стихотворения ее сочинены в наше время; г-н де Ружу неопровержимо доказал это в своем обстоятельном "Опыте о происхождении и развитии наук и искусств", следовательно, библиографы не вправе выдавать невинную ложь г-на де Сюрвиля за истину. Клотильда — дитя хитроумной фантазии, и история не может признать эту поэтессу своей законной дочерью. Кстати, поразительно, что для Клотильды де Сюрвиль в избранной библиотеке место нашлось, а для старых поэтов, чьи заслуги не менее очевидны, а права более законны, — нет. Трудно представить себе избранную библиотеку не говоря уже без Ракана, хотя и он создал несколько подлинных шедевров, но во всяком случае без Ренье и без Маро. Поскольку в списке нет также ни Рабле, ни Вуатюра, получается, что из него исключены все французские книги во вкусе Лафонтена, а это уже досадно. Впрочем, верный своему обещанию не спорить с г-ном Пеньо о выборе авторов, я удержался бы от этого замечания, если бы, к своему великому удивлению, не встретил в разделе французской поэзии имен Бернара, Берни, Беркена и Демутье. Мне во сто крат милее Ален Шартье, Вийон и Кокийяр — их стихи куда более поэтичны и удобопонятны. Романы, на мой взгляд, выбраны прекрасно: тут и "Дон Кихот", и "Робинзон", и "Жиль Блаз", и "Том Джонс", и "Кларисса Гарлоу", и "Сказки" Гамильтона. Стоило бы назвать еще Перро, а также предостеречь читателя, не знающего испанского языка, чтобы он не читал Сервантеса в холодном и прилизанном пересказе Флориана. Немного досадно, что переводы Квинта Курция, сделанные Миньо и Бозе, вытеснили из списка перевод Вожла, который удостоился лишь краткого упоминания в приме-

чании, — ведь оттого, что выполнен он на полтора столетия раньше, он ничуть не хуже. То же самое мне хочется сказать и о Таците в переводе Амло де ла Уссе — любимом чтении Кристины Шведской. На мой взгляд, он гораздо лучше бледного и манерного переложения аббата де ла Блетри. Наконец, совершенно непонятно, как мог г-н Пеньо, составляя свою библиотеку — небольшую, но содержащую образцовые произведения всех жанров, — забыть афоризмы Гиппократа и его трактаты, ”Свод гражданского права” — этот ”запечатленный разум”, а также самые значительные труды, посвященные важнейшей из наук — науке о языке. Говорят, что словарь народа — первая из его книг. Увы, Словарь Французской академии такой высокой оценки не заслужил, однако превосходная ”Логика” Пор-Руаяля и великолепные ”Методы” Лансло безусловно достойны внимания.

Итальянцы обязаны г-ну Гамбе весьма поучительной и занимательной библиографией, куда входят лишь авторы, именуемые *testi**, — произведения этих писателей, чей авторитет в области языка не подлежит сомнению, служили материалом для составителей знаменитого Словаря Академии Круска. Таким образом, труд г-на Гамбы — настоящий каталог избранной библиотеки, куда входят самые лучшие и самые верные издания классиков его родной литературы. Именно такой книги недостает нашей литературе, и г-ну Пеньо по плечу восполнить этот пробел. У нас подобное сочинение представляло бы тем больший интерес и принесло бы тем большую славу своему создателю, что, во-первых, в отличие от Италии, где словарь предшествовал библиографии, у нас библиография предшествовала бы словарю, во-вторых, лексикографы почерпнули бы в нем материалы

---

* Образцы (*ит.*).

для своего грандиозного сооружения, в котором мы так нуждаемся, и, наконец, этот труд дал бы ех professo* ответ на вопросы, решение которых очень многое прояснило бы в истории нашей литературы: "Кто наш первый по времени классический автор? Кто последний, самый близкий к нам классик? Какие произведения наших классиков сформировали наш язык? Следует ли считать классика непререкаемым авторитетом?" и т.д. Если же кто-либо взял бы на себя труд составить перечень классических произведений мировой литературы и указал бы в нем наилучшие издания с наиболее верным текстом, наиболее обстоятельными комментариями и наиболее точными переводами, ученый этот, без сомнения, создал бы самый замечательный памятник, какой Библиография может воздвигнуть Литературе.

Надо сказать, что, в отличие от библиографов, которые до сих пор чурались этого принципа в своих теориях, книгоиздатели зачастую весьма успешно осуществляли его на практике, и иные издательские каталоги знакомят нас с настоящими избранными библиотеками. Латинских классиков издавали Кутелье, Барбу, Бриндли, Фаули, Баскервилл и другие. Собрание французских классиков в томах разного формата, но неизменно высокого качества выпустил г-н Дидо, чьи издания вообще славятся точностью и красотой. Альды издали едва ли не всех греческих, латинских и итальянских классиков. Книги Эльзевиров, такие ценные и притом доступные даже самому скромному собирателю, если оставить в стороне множество ничтожных, но весьма дорогостоящих изданий, которые в последнее время вошли в моду по прихоти библиофилов, — так вот, книги Эльзевиров представляют собой собрание всех латинских, итальянских и французских классиков вплоть до конца XVII сто-

---

*С полным знанием дела, обстоятельно (лат.).

летия, за очень редкими исключениями. Из древних авторов внимания заслуживают еще ветстейновский Гомер, трагические и лирические поэты Греции, изданные Анри Этьенном, Плутарх в издании Васкозана, философы в переводах Дасье и Гру, наконец, Диоген Лаэртский 1758 года, из новых — Фенелон, Боссюэ, Массийон, Бурдалу, Маскарон, Флешье и письма госпожи де Севинье. Все, что было написано позже, гораздо менее значительно. XVIII век, богатый событиями и наблюдениями, как нельзя лучше умел изобретать рациональные методы исследования и классифицировать достижения прошлых веков, но, что бы там ни говорили, он породил очень мало подлинно новых чувств и идей. Конечно, всякий волен избрать себе в этом столетии классика по своему вкусу, но и потомки вольны будут не полагаться на вкусы отцов и свергнуть их кумиров с пьедестала. Впрочем, трудно представить себе библиотеку классики без нескольких сочинений XVIII столетия, о которых потомки, кажется, уже сказали свое слово; среди них "Трактат об учении" Роллена, "О духе законов" и "Величие и падение римлян" Монтескье, дюжина томов Бюффона, Шарля Бонне и Жан Жака Руссо, драматические шедевры Вольтера, его "Генриада" и лучшие стихи, "Век Людовика XIV" и "История Карла XII" и, наконец, Делилев перевод "Георгик". Само собой разумеется, о ныне здравствующих авторах мы умалчиваем.

Размеры этой статьи не позволяют мне выполнить мое намерение и остановиться подробнее на заключительной части труда г-на Пеньо, которая касается устройства библиотеки, ее разделов и бережного обращения с книгами, то есть всего, что связано с оборудованием библиотеки. Впрочем, вдаваться в эти чисто технические подробности нелегко, а большинству читателей наши заметки и без того могут показаться скучными и сухими. Те же, кого эти подробности интересуют, найдут

все необходимое в книге г-на Пеньо, которая, вместе с прочими трудами этого автора, многочисленными и весьма солидными, заслуживает почетного места в библиотеке всякого, кто по роду занятий или по сердечной склонности интересуется классификацией книг и историей библиографии.

Я хотел было обойти молчанием последнюю часть книги г-на Пеньо, которая казалась мне слишком специальной и потому малоинтересной. Однако поскольку число собирателей книг за последнее время значительно выросло (обратно пропорционально числу хороших писателей), поскольку к сведениям, сообщенным г-ном Пеньо, можно добавить еще целую книгу, поскольку, наконец, литература наша так бедна новинками, что на газетной полосе достаточно места для разбора произведений достойных, — так вот, по всем этим причинам несколько почтенных людей, делающих мне честь вниманием к моим писаниям и уверенных, что нельзя вовсе пренебрегать скучными, но бесценными для будущих библиографов и филологов подробностями, пожурили меня за мое умолчание. Я поспешил исполнить их желание, вернее, с радостью воспользовался им как предлогом, чтобы порассуждать о вещах, которые люблю, но о которых мне редко представляется возможность поболтать всласть. Мне остается лишь попросить прощения у тех читателей, которые не питают к подобным штудиям столь живого интереса и с трудом допускают, что им можно посвятить целую статью. Никогда еще у французов не было так много причуд, и, однако, никогда еще они не были менее склонны уважать чужие пристрастия, чем ныне, когда в погоне за острыми ощущениями человек всякий день впитывает новые впечатления и не имеет ни минуты досуга для сладостных грез и раздумий. Что значат превратности вкуса и невинные прихоти моды для людей, привыкших

к постоянным общественным потрясениям? Однако если пища эта может утолить голод горстки людей, наделенных чувствительностью и фантазией, не будем обделять их; это не в наших общих интересах.

Самое важное в библиотеке (разумеется, я говорю теперь лишь о материальной стороне дела, которая не входит в компетенцию литературной критики) — это ее местоположение. На северной стороне возникает гибельная для книг сырость, на южной в шкафах заводятся вредные жучки. Желательно, чтобы окна комнаты, где размещается библиотека, выходили на восток и чтобы в нее был закрыт доступ маленьким тварям, о которых было сказано:

**Сей жук изгрыз десятки книг,
В науку глубоко он вник.**

Злые языки говорят, что жучки — самые страшные враги библиотек после "зачитывателей". Прежде книгам грозила еще одна опасность, ныне, к счастью, уже не существующая: их противниками были новаторы в духе Омара и философы в духе революции, которые полагали, что литература, подобно религии или монархии, отжила свой век. Кстати, мне вспоминается одно памятное событие из истории библиографии, упоминаний о котором я не встречал ни в одном печатном издании даже в последние годы, когда, хотя бы из соображений приличия, мы начали отдавать должное благородству и великодушию. В 1793 году два почтенных библиофила осмелились выступить — а в те времена это, поверьте, было отнюдь не безопасно — против варварского обращения с книгами, против порчи старинных гравюр и переплетов с гербами; их усилиями были спасены бесценные сокровища, которым век просвещения нес свет... костра. Эти двое звались г-н Шарден и г-н Ренуар.

В том, что касается самых удобных книжных шкафов и способов сделать их еще удобнее, специалисты более

или менее единодушны. Относительно же сорта дерева и украшений общего мнения не существует: все зависит от средств и вкусов владельца. Впрочем, обращаясь, вслед за г-ном Пеньо, к собирателю, который не стеснен в средствах, скажу, что заботиться следует в первую очередь не о красоте, а о прочности и заказывать полки и шкафы из твердого и пахучего дерева, которому не страшны коварные насекомые. Существуют сорта деревьев, с которыми наши европейские жучки-точильщики и "притворяшки" не в силах совладать. Кроме того, как справедливо замечает г-н Пеньо, чтобы защитить книги, следует поставить в шкаф несколько томов в переплетах из юфти, а обрезки ее разложить на полках — пока запах юфти не выветрится, библиотека ваша в полной безопасности. Ненамного дороже стоит обить изнутри юфтью все книжные шкафы и даже, если понадобится, обновлять эту обивку каждые несколько лет. Как бы там ни было, несомненно одно: насекомые не выносят запаха юфти, и ученые даже дали одному из них, *Trichius*'у, очень сильно распространяющему похожий запах, прозвище *Eremita* (отшельник); было замечено, что другие насекомые, даже те, которые обычно живут в облюбованных им деревьях — иве и груше, — во что бы то ни стало стремятся избежать соседства с ним.

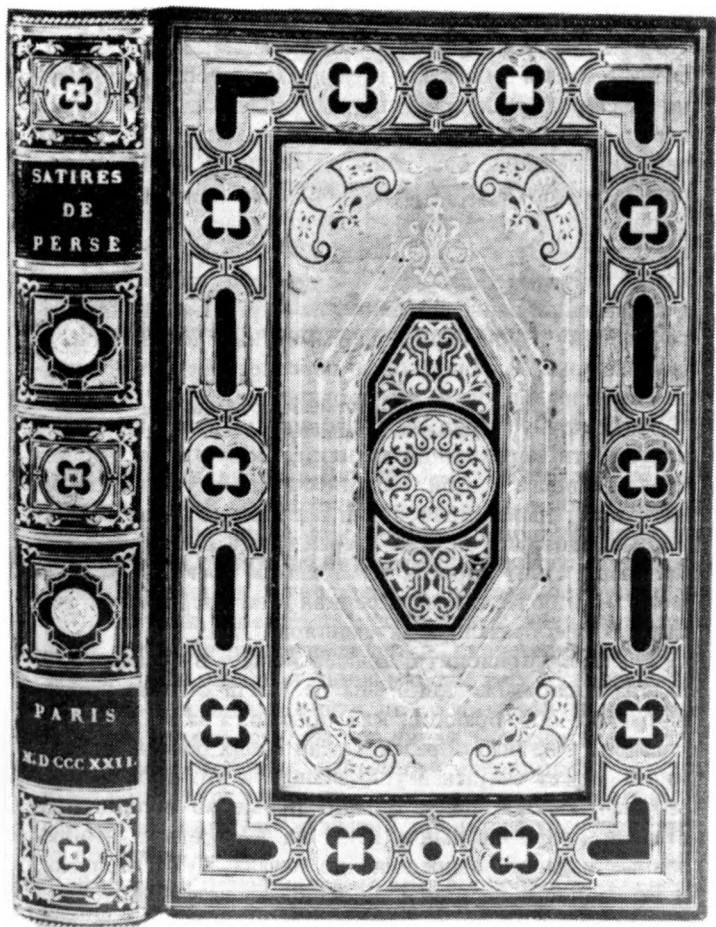
Мои книги, хранящиеся в очень ветхих шкафах, находятся в полной безопасности лишь благодаря тому, что я стараюсь как можно чаще подселять туда новые особи этих "отшельников", которые встречаются во многих европейских странах и даже в окрестностях Парижа. Еще более верное средство — чаще заглядывать в книги, перелистывать их, при всяком удобном случае подставлять их жарким лучам солнца, следя, однако, чтобы не выгорел переплет и не сморщились страницы. Главное — читайте и перечитывайте книги без конца:

Nocturnâ versate manu, versate diurna*»; пользуйтесь своей библиотекой, как подобает человеку образованному и прилежному, и не уподобляйтесь скопидому библиоману. В библиотеке ученого, который много работает, черви не заводятся. В заключение своих "библиатрических" советов расскажу об одном безотказном средстве. Не реже раза в месяц опрыскивайте полки эссенцией Дюплекса для пропитки одежды, которую я горячо рекомендую не только всем библиофилам, но и дамам, желающим уберечь шерстяные платья и кашемировые шали от личинок моли и кожееда. Вообще те собиратели, которые разбираются не только в книгах, но и в естественной истории, прекрасно знают повадки своего главного врага. Первым сигналом опасности служат круглые дырочки, в которые забивается пыль. В эпоху деревянных переплетов избежать этой опасности было невозможно, ныне же, когда в ходу кожаные и в особенности сафьяновые переплеты, риск уменьшился. А юфть, повторяю, сводит опасность на нет. Хорошо бы при выделке всякой кожи использовать вещества, которые придавали бы ей чудесные свойства юфти. Природа полна аналогий и это вещество непременно обнаружится, стоит только начать искать, а может быть, и искать не придется. Насекомых отпугивает запах любой свежее выделанной кожи — не даром в магазинах, где все книги продаются в новых переплетах, жучки почти никогда не заводятся.

Переплетное дело — искусство, ценность которого очевидна. По-моему, нет ничего смешного в том, чтобы воздавать любимому автору почести, одевая его творения в великолепный наряд. Разве предосудителен поступок Александра, хранившего поэмы Гомера в драгоцен-

---

*Ночью и днем листайте вы их неустанной рукой (Гораций. Наука поэзии, 269; перевод М.Л.Гаспарова).

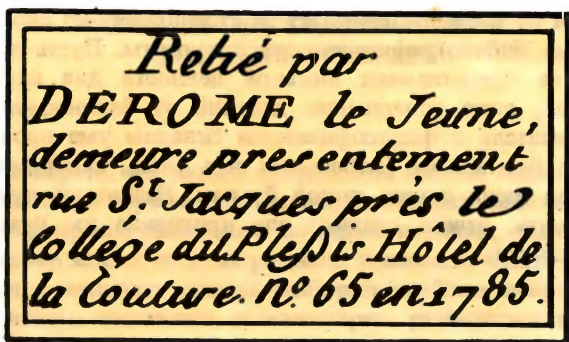
*Мозаичный переплет работы Симье.
Сафьян цвета морской волны с красно-зеленой мозаикой*

ной шкатулке Дария? Однако не следует придавать этой стороне дела слишком большое значение; меж тем в последнее время увлечение красивыми переплетами перешло всякие границы. Когда распродалась библиотека г-на Маккарти, посредственные книги стоили бешеных денег единственно благодаря роскошным золототисненым переплетам работы Буайе, Десея или Падлу. Имя Дерома на обороте авантюла удваивает, а то и утраивает стоимость книги. Рано или поздно так же высоко будут цениться превосходные работы господ Симье, Бозериана и Ноэля, творения г-на Куртеваля, проникшего в тайну голландских пергаментных переплетов, и г-на Шомона, чьи опойковые переплеты не менее изящны, нарядны и прочны, чем сафьяновые.

Я не стану вслед за господином Пенью вдаваться в тонкости переплетной техники. Скажу лишь, что издавна главным в этой области считается умение сохранить поля; ныне библиофилы так высоко ценят необрезанные поля, что всякая старая книга в виде простой брошюры стоит дороже, чем в самом роскошном переплете. Чем более старая и редкая книга перед нами, тем ценнее ее необрезанные экземпляры.

Г-н Пенью приводит в пример Гомера в издании Нерли: на распродаже книг г-на де Котта он был продан не за 500—600 франков, как обычно, а за 3601 франк, поскольку не был обрезан. Среди своих ровесниц такая книга может считаться уникальной, и это оправдывает ее неслыханную цену, однако примерно в такой же степени возросли нынче цены на все редкие необрезанные издания, вышедшие до начала XVIII столетия, в особенности на книги Эльзевиров; нетронутые поля ценятся на распродажах в пять-шесть раз дороже, чем переплеты с золотым тиснением. Такие жемчужины полиграфии не всякому по карману.

Поскольку необрезанный экземпляр самой ничтожной

*"Марка" переплетчика Дерома-младшего
(наклеивалась на форзац)*

из книг, выпущенных Эльзевирами, стоит столько же, сколько целая полка прекрасных книг с обрезанными полями, библиофилы, как правило, довольствуются экземплярами, где нож первого переплетчика пощадил некоторые страницы и, по неловкости, рассеянности или прихоти, оставил кое-где те уродливые с виду неровные поля, которые нынче именуются "свидетелями". В глазах знатока число и подлинность этих "свидетелей" настолько украшают книгу, что, если перед нами томик малого формата, счет идет на линии. Следовательно, тот, кто хочет составить избранную библиотеку, может, имея под рукой хорошую библиографию, не иметь вкуса, но без циркуля и знания принятых расценок ему не обойтись.

Я нарочно остановился на этих подробностях: они значимы и знаменуют собой целую эпоху в истории литературы; потомки, мне кажется, были бы благодарны филологам древности, если бы они сохранили больше деталей такого рода, а современным журналистам стоило бы

время от времени помещать на страницах газет своеобразные библиографические преискуранты. Пусть даже они не представляют никакой ценности для науки, всякий, даже совершенно далекий от библиофильства, читатель с философическим складом ума прочтет их не без пользы. Любопытно ведь знать, как высоко ценили люди линию чистой бумаги. Начинаешь лучше понимать, отчего столько зла причинила им бумага исписанная.

"АННАЛЫ ТИПОГРАФИИ АЛЬДОВ" ГОСПОДИНА РЕНУАРА

Поверьте, мы даже и представить себе не можем, каковы были первые типографии. Вообразите себе человека, прекрасно знакомого со всеми науками, знающего древние языки не хуже родного, умеющего читать рукописи, сравнивать тексты, выбирать наиболее исправные варианты, составлять комментарии, разбираться в различных диалектах и в мудреных законах орфографии. В человеке этом превосходное знание науки, искусства, архитектуры и истории древности соединяется с тем тонким и редкостным чутьем, которое позволяет угадать в простодушной копии руку настоящего мастера по особенностям стиля, оборотам, фигурам речи, достоинствам и недостаткам, скрытым от непосвященных. Человек этот штудирует кодекс за кодексом, обходит библиотеку за библиотекой, переезжает из страны в страну ради того, чтобы выверить сомнительный фрагмент, прояснить темное место, уточнить конъектуру, а поскольку ум человеческий не в силах вместить все те бесчисленные сведения, которые необходимы этому типографу, он призывает Бадиуса из Фландрии, Эразма из Голландии, Халкондила из Греции; он окружает себя знаменитейшими людьми своего времени, дабы они помогли ему завоевать бессмертие. Но это еще не все. Владея сокровищами древности, наш типограф желает воздвигнуть им достойный памятник в произведениях своего чудесного искусства; этой цели он достигнет, лишь напечатав такую книгу, которая будет изумлять и восхищать еще многие и многие поколения. Дабы осуществить сей славный замысел, наш типограф выбирает из древних рукописей ту, где

ANNALES
DE L'IMPRIMERIE
DES ALDE,

OU

HISTOIRE DES TROIS MANUCE ET DE LEURS ÉDITIONS;

PAR ANT. AUG. RENOARD.

SECONDE ÉDITION.

TOME PREMIER.

A PARIS,

CHEZ ANTOINE-AUGUSTIN RENOARD.

N. B. 1837.

*О.Ренуар. Анналы типографии Альдов (3-е изд., 1834).
Титульный лист*

буквы, любовно выведенные каллиграфом, наиболее четки и изящны, он заимствует их начертания, выверяет пропорции и заказывает шрифт опытному граверу, такому, как Никола Йенсон, Франческо из Болоньи или Клод Гарамон. Пройдет десять столетий, а эти прекрасные буквы, отпечатанные яркой, блестящей, несмываемой типографской краской, будут по-прежнему радовать взоры, ибо оттиснуты они на тонкой, гибкой, хрустящей бумаге, почти не страшась разрушительного действия времени, оттиснуты так ровно, словно все страницы вышли из-под пресса одновременно. Весь в хлопотах, трудах и затратах, типограф, этот ученый мастер, исполненный самого благородного бескорыстия, редко наживал крупное состояние, ибо разорительные шедевры книжного искусства, изготовленные на благо общества, приносили ему мало прибыли; но разве помышлял о праздном и бесплодном наслаждении роскошью тот, кто умел достойно жить трудами рук своих, а детям завещал бесценное наследство — любовь к своему делу? В ту пору типограф и в мыслях не имел сделать своего сына крупным финансистом, судьей или государственным деятелем. Он передавал детям свои печатные станки и свою марку, свои знания и свою репутацию; и таким почетом пользовалась его профессия, что прославленное имя передавалось в семье из поколения в поколение, с прибавлением порядкового номера, словно в королевских династиях. Кстати говоря, короли нередко покровительствовали мастерам великого искусства и осыпали их милостями. Сикст IV сделал Йенсона "графом Палатинским", Филипп II доказал, что не знает значения выше печатника, наименовав Христофа Плантена своим "архитипографом"; Франциск I не раз приходил в типографию Робера Этьенна, дабы побеседовать с хозяином, и стоял в молчании, дожидаясь, пока тот кончит править корректурные листы. Нынче

такого, пожалуй, уже не увидишь, и справедливости ради следует признать, что виной тому не одни короли.

Теперь мне предстоит рассказать о том, каковы сегодняшние типографы, — дело далеко не столь приятное, и я бы вовсе не стал за него браться, если бы не боялся, что читатель сам припомнит те редкие исключения, которые, увы, лишь подтверждают правило. Правило же это состоит в том, что нынешний типограф уже не тот вдохновенный исследователь творений человеческого ума, о котором мы только что вели речь. Более того, он даже не добросовестный ремесленник, почитающий своим долгом исполнять с некоторым блеском порученные ему дела. Это монополист, получивший привилегию продавать скверные клочки бумаги, запачканные бесформенными каракулями, всякому, кто настолько глуп, что решится их купить. Нечего и думать пробудить в нем чувство законной гордости, напомнив ему о славном начале книгопечатания, ибо он даже не знает толком, когда была напечатана первая книга — при Юлии Цезаре или при Карле Великом. Нечего и думать узнать его мнение о старинной или новейшей рукописи, которую он отдает наборщикам. У него есть веские причины для молчания: он не знает ни греческого, ни латыни и не умеет писать без ошибок даже на том скверном жаргоне, который его сосед или, если вам угодно, сообщник-книгопродавец выдает за французский язык. Ни один из этих почтенных мужей ничуть не интересуется развитием просвещения и процветанием словесности. Так же мало волнует того и другого материальное усовершенствование типографского искусства и моральная красота продаваемых книг. Книгопродавец скупает по дешевке старый хлам с тем, чтобы продать его втридорога, а типограф выпекает из него топорные, равно бездарные по форме и по содержанию тома, которые противно поставить на книжную полку. Если вам взбредет

на ум открыть одну из новых книг, листайте ее как можно аккуратнее, а главное, очень осторожно разрезайте рыхлые страницы — края их наверняка порвутся. Те жалкие лохмотья, которые сегодня по иронии судьбы именуют бумагой, хотя они практически ничем не отличаются от тряпья, варящегося в чане у бумажника, пользуются благосклонностью наследников Эльзевиров (да простит мне Господь это святотатство!) по причинам экономическим. Эта мягкая, пористая, губчатая масса, жадно впитывающая в себя грязные потоки жидкой, почти бесцветной типографской краски, не требует почти никаких усилий ни от хилого тискальщика, нанятого за полцены, ни от трухлявого старого прессы; чтобы такая бумага впитала в себя отвратительную жидкость, скупое наносимую на красочный валик, достаточно слегка-слегка провести этим валиком по головкам тех ломаных гвоздей, которые самочинно заняли в верстаке место литер; сегодня, благодаря гнусной предусмотрительности типографа, их тусклые, смазанные оттиски с грехом пополам еще воспроизводят прихотливые творения человеческого ума, но недалек тот день, когда они поставят в тупик терпеливейших и мудрейших Шампольонов будущего. Впрочем, надо отдать должное стыдливости сострадательного типографа: он, насколько может, щадит ваши глаза, утомленные его неприглядной тарабарщиной, и размещает свои неудобочитаемые строки так свободно, чтобы глаз мог отдыхать на широких пробелах. Еще немного, и читателям будут предлагать девственно белые страницы; дал бы Бог многим нынешним книгам выйти из печати в эту блаженную пору! Не подумайте, однако, что, печатая книгу с широченными пробелами, среди которых редкие слова теряются, словно пловцы у Вергилия, *in gurgito vasto**,

---

*В пучине огромной (*лат.*; Вергилий. Энеида, I, 118).

с оборотными страницами, в середине которых сиротливо торчат односложные эпитафии, с роскошными полями, затопляющими со всех сторон скудно выключенные строки, типограф печется о пристрастиях или потребностях читателя. Широкие поля были в самом деле необходимы в те времена, когда ученые писали рядом с непонятым или неверно прочтенным текстом свои схолии, призванные разъяснить или исправить его, — когда они вышивали на полях тот бесценный узор, благодаря которому превосходно отпечатанная книга ценилась выше хорошей рукописи. А нынче? Не успело бы изысканное и вольное перо Скалигера, Гюйе, Ламоннуа или Расина коснуться так называемой бумаги, изготовляемой большинством наших фабрик, как на ней расплылось бы жирное пятно. Мнимое обилие современной книжной продукции объясняется тем, что издатели делят книгу на множество томов и берут за хилые стопки мягких страниц, изувеченных новоявленным Прокрустом, столько же, сколько за солидные ин-октаво.

Так по прошествии четырех столетий замыкается таинственный круг, которым судьба ограничила первое из завоеваний цивилизации; ныне искусство это живо лишь благодаря нескольким почтенным семействам, которые унесут тайну Гутенберга в могилу; ныне печать сберегает творения человеческой мысли ничуть не лучше, чем рукописи. Во всяком случае, из сотни книг, отпечатанных в нынешних типографиях, лишь одна имеет хоть какой-то шанс просуществовать в первозданном виде хотя бы четверть века. Дабы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на модный роман, который, один-единственный раз побывав в руках читателя, а затем полежав несколько дней во влажном помещении или оставшись на несколько месяцев без присмотра забывчивого хозяина, превращается в ветошь, чье место —

не на письменном столе или туалетном столике, а в корзине старьевщика. Мне больно говорить об этом, но названный промежуток времени — тот короткий век, который отмерен ныне славе всех членов литературного цеха, включая меня самого. Впрочем, большинству авторов слава откажет в благосклонности еще до истечения этого срока.

Вернемся, однако, к Мануциям, которым как-никак посвящена наша статья. Поскольку бесчисленные услуги, которые это прославленное семейство оказало словесности, исчерпывающе освещены в превосходном труде господина Ренуара, я напому лишь некоторые из их свершений, безусловно заслуживающие всеобщей признательности.

Когда Альд Мануций Старший открыл в Венеции свое блистательное предприятие, в распоряжении типографов были всего два шрифта — тот, что мы называем готическим (им до сих пор пользуются в немецких типографиях), и тот, что мы называем антиквой (он долгое время был самым употребительным у всех народов, которые, подобно нам, пользуются латинским алфавитом).

Мануций Старший ввел в обиход шрифт, получивший впоследствии название *латинского курсива* — его скользящая скоропись была очень похожа на почерк, которым написаны прекрасные итальянские рукописи; шрифт этот до сих пор остается непревзойденным образцом для всех пуансонистов. Близость печатных литер к рукописным буквам существенно облегчала чтение книг и, в частности, избавляла читателей, с трудом освоивших искусство разбирать печатные тексты, от необходимости заново привыкать после этого к текстам рукописным — необходимости, с которой сталкиваются все нынешние дети; если принять это во внимание, понятно, какое влияние оказало блистательное изобретение

Мануция на изучение древней словесности. Быть может, здесь-то и кроются причины внезапного взлета классической филологии в итальянских республиках конца XVI столетия.

Судя по формату первых произведений типографского искусства, они предназначались для украшения просторных библиотек королей и вельмож, академий, университетов и монастырей. Все ранние первопечатные книги — величественные, но неудобные фолианты. Презренное ин-кварто лишь изредка осмеливалось показаться рядом со своими колоссальными соседями, к остальным же форматам вообще прибегали только в единичных случаях. Поэтому Альда Старшего можно смело назвать создателем ин-октаво — но не того чудовищного ин-октаво, к которому так привержены нынче тщеславные издатели ничтожных брошюрок, а стройного, изящного, грациозного ин-октаво, волею великодушного типографа прекрасно помещающегося в кармане фланирующего книгочехя. Это хитроумное изобретение положило начало эпохе, когда количество книг резко возросло и повсюду возникло бесчисленное множество небольших библиотек — этих очагов любознания. Если бы главенствующая роль по-прежнему осталась за фолиантами, словесность, пожалуй, выиграла бы в серьезности, и я не вижу в том большой беды, но ей, без сомнения, труднее было бы дойти до низших классов общества. Печатные книги остались бы в этом случае не более чем памятниками типографского искусства.

Придать шрифту привычные очертания, дабы всякий мог в нем разобраться, ввести в оборот книги портативного, удобного формата, которые облетали бы все уголки страны и были доступны владельцу самой скромной библиотеки, — всего этого было мало. Да что там говорить, эти блестящие изобретения принесли бы обществу не пользу, а вред, если бы их создатели,

мучимые подлой страстью к наживе, применили бы их для распространения низкопробных писаний, портящих вкус и развращающих нравы, однако в ту пору типографы тщательно отбирали сочинения, достойные сойти с их печатных станков. К числу таких типографов относятся в первую очередь шесть династий, представителей которых я назвал бы патрициями, если не королями, типографского искусства, — Альды, Джунта, Этьенны, Плантены, Эльзевиры и Дидо, чьими многолетними стараниями были шесть раз воспроизведены все творения всех классических авторов древнего и нового времени, так что из книг любого из этих издательских домов можно составить полную библиотеку шедевров человеческого гения.

Первым ин-октаво, которое выпустил Альд Старший, был Вергилий 1501 года, набранный великолепным курсивом; за следующие три года в "Доме Альда" вышли Гомер, Софокл, Еврипид, Гораций, Персий, Ювенал, Марциал, Лукиан, Стаций, Овидий, Катулл, Тибулл, Проперций, Валерий Максим, Плиний Младший, Саллюстий, Данте и Петрарка. Цицерон, любимый автор Павла Мануция, проникнувшего во все тайны его стиля, во все глубины его мыслей, выходил из-под прессов "Дома Альда" едва ли не постоянно. Сто восемьдесят пять томов этого автора украшены альдовским якорем.

Не из желания уколоть кое-кого напрашивающимся сопоставлением, но из желания привести походя забавную подробность скажу, что великолепный Вергилий 1501 года, дефектные экземпляры которого продавались на знаменитых аукционах за четыре сотни франков, стоил в пору своего создания три марчелло. Три марчелло — это на наши деньги 41 су, то есть меньше одного сантима.

Биографы не обошли великих типографов своим вниманием. Бессмертными памятниками стали книги Мэттера

об Этьеннах и Бандини о Джунта, равно как и труд господина Ренуара, который ученые критики сразу оценили гораздо выше двух предыдущих. В самом деле, историческая часть безупречна по полноте и широте, с которой освещена история литературы XVI столетия. Библиографическая часть достойна попечительного и просвещенного упорства ее автора — богатого коллекционера, который покупал все, дабы все познать и все описать; и если судьбе было угодно, чтобы труд его не достиг абсолютной полноты, то причина лишь в том, что никому не дано добиться абсолютного совершенства там, где речь идет о фактах. Книга снабжена многочисленными, обстоятельными и удобными указателями, полна занимательных и удовлетворяющих самые требовательные вкусы подробностей. Новое издание, во многих отношениях значительно улучшенное и сопровождаемое великолепным указателем изданий семейства Джунта, который в предыдущем издании был лишь набросан начерно, вышло в более компактном формате; в этом томе нет ничего вычурного, все в нем выдает заботу о читателе. Наконец, эта прекрасная книга, разительно отличающаяся от прочих изделий нынешних типографов, недурно набрана новыми литерами и отпечатана на плотной и прочной бумаге.

Поклонники Альдов будут безусловно благодарны господину Ренуару за выпущенные одновременно с историей "Дома Альда" "Неизданные письма" Павла Мануция, собранные просвещенным миланским книгопродавцем господином Този. Самые частные дела, самые душевные мысли такого человека, как Павел Мануций, важны и притягательны для любителей книги. Что же до меня, то я выражаю издателям свою особенную признательность за то, как бережно они воспроизвели переменчивую и причудливую орфографию автора, ибо эти странные отклонения от нормы, во-первых, являют

собой живые памятники становления языка, а во-вторых, доказывают, что искусный издатель, стремившийся во что бы то ни стало установить в своих книгах непреложные законы устной и письменной речи, в своем домашнем кругу не мог устоять против соблазна говорить так, как говорит народ. Именно по поводу этой пленительной раскованности дружеской переписки Урцеус Кодрус высказал однажды столь остроумное и здравомыслящее суждение: "О, как приятно писать другу, который не ищет трудностей там, где их нет, и охотно позволяет тебе грешить солецизмами!" Да пошлет нам Господь возможность проводить наши досуги так же непринужденно, как этот литератор, забывающий о своем ремесле.

"Анналы типографии Альдов" принадлежат к числу тех немногих современных книг, которые не нуждаются в рекламе. О достоинствах ее свидетельствуют не благосклонные похвалы газетчиков, но другое, гораздо более убедительное и весомое обстоятельство. Наряду с "Учебником книгопродавца" господина Брюне, книга господина Ренуара — единственный французский библиографический труд, который за несколько лет выдержал три издания. Причем успехом обе книги обязаны только своим собственным достоинствам; слава их велика лишь потому, что заслужена, а это лучшая похвала, какой может удостоиться творение человеческого ума в нашу постыдную торгашескую эпоху, когда большая часть литературных сенсаций создаются на потребу незадачливым провинциалам совместными усилиями периодической и *"книгопроизводительной"* печати.

**”УЧЕБНИК КНИГОПРОДАВЦА
И ЛЮБИТЕЛЯ КНИГ” Ж.-Ш.БРЮНЕ
(4е издание)**

В древности и даже еще недавно, накануне изобретения книгопечатания, книга была окружена почетом и уважением. Она была памятником, дарующим бессмертие заветам прошлого, завоеваниям пытливого ума, пробам, заблуждениям и прозрениям науки, непостоянству людских характеров и нравов, проявляющемуся в пору испытаний. Книги служили вехами на многовековом пути человечества, обелисками, которые разум воздвигал самому себе, дабы отметить ступень, на которую он поднялся, и отмерить расстояние до цели своего движения, до границы, переступить которую ему не дано, — ибо применительно к такому конечному существу, каким является человек, теория бесконечного прогресса — всего лишь пустое бахвальство на потеху глупцам. Всегда и повсюду наступает такой момент, когда возвышенный инстинкт, именуемый разумом, свершив все, что в его силах, останавливается, и, как бы ни обольщался он на собственный счет, с этих пор его удел — топтание на месте.

В такую эпоху книга перестает быть вехой, обелиском, памятником. Отныне она — более или менее ловко подновленное повторение идей, образов, выражений, почерпнутых из книг предшествующих столетий и расставленных в другом порядке либо представленных в новом свете; сегодня книга — плод работы памяти, плетение словес, праздная исповедь бездельника, который принимает смутные, как сон, воспоминания за мысли — мысли пошлые, банальные, едва различимые во мраке сновидений и никому не нужные, мысли странные, дерзкие, опасные, мысли, которых лучше остерегаться. Либо они

MANUEL DU LIBRAIRE ET DE L'AMATEUR DE LIVRES,

CONTENANT :

1° UN NOUVEAU DICTIONNAIRE BIBLIOGRAPHIQUE.
Dans lequel sont décrits les Livres rares, précieux, singuliers, et aussi les ouvrages les plus estimés en tout genre, qui ont paru tant dans les langues anciennes que dans les principales langues modernes, depuis l'invention de l'imprimerie jusqu'à nos jours; avec l'histoire des différentes éditions qui en ont été faites; des connoissances nécessaires pour reconnaître les contrefaçons, et valablement les garantir. On y a joint un abrégé des prix assignés aux livres de ces sortes dans les ventes publiques faites en France, en Angleterre et ailleurs, depuis plus de soixante ans, ainsi que l'appéciation approximative des livres anciens qui ne sont entrés jusqu'ici dans le commerce;

2° UNE TABLE EN FORME DE CATALOGUE RAISONNÉ.
On voit d'un coup d'oeil dans cette table toutes les ouvrages portés dans le Dictionnaire, et un grand nombre d'autres ouvrages utiles, mais d'un prix ordinaire, qui n'ont pas dû être placés au rang des livres au premier prix.

PAR JACQUES-CHARLES BRUNET.

QUATRIÈME ÉDITION ORIGINALE, ENTièrement REVUE PAR L'AUTEUR, QUI Y A RECHERCHÉ LES NOUVEAUX RECHERCHES, MÊME PUBLIÉES PAR LUI EN 1815, ET UN GRAND NOMBRE D'AUTRES RECHERCHES QU'IL A FAITES DEPUIS.

TOME PREMIER.

A PARIS,
CHEZ SILVESTRE, LIBRAIRE, RUE DES BONS-ENFANTS, N° 20.

1842

*Ж.-Ш.Бруне. Учебник книгопродавца и любителя книг
(4е изд., 1842). Титульный лист*

нам и без того прекрасно известны, либо нам, для нашего же блага, вовсе не следует их знать. Поскольку в литературах с многовековыми традициями все места уже заняты, а в эпоху прогресса не так уж много охотников считаться преемниками безвестных авторов прошлого, то, естественно, всякий стремится отвоевать себе местечко над всеобщей системой человеческих знаний либо вне ее. Те, что поскромнее, робко пристраивают к Вавилонской башне флигель, те, что посмелее, силятся надстроить еще один этаж, но, как бы ни старались те и другие, башня остается Вавилонской.

Казалось бы, здравый смысл подсказывает, что ныне, когда эпоха расцвета человеческого гения клонится к закату, людям следует как можно больше читать и как можно меньше писать, но тщеславие сильнее здравого смысла, поэтому люди читают мало, а пишут очень много. Между тем надменные и самонадеянные сочинители, не желающие читать вовсе ничего, имеют шанс случайно наткнуться в огромном море книжной продукции на какую-нибудь древнюю идею, которая, конечно, и без их помощи уже нашла себе подобающее воплощение, но, благодаря всеобщему невежеству, вполне могла бы сойти за новую, если бы вообще кто-нибудь что-нибудь читал. Нет ничего легче, чем прослыть великим человеком, когда твои единственные читатели и судьи — газетчики, которые ничего не читают и судят обо всем как бог на душу положит. Более того, этот вид сочинительства настолько доступен, что вряд ли скоро отомрет.

Поскольку мы при всем желании не можем не слышать того, что нам говорят, ухо наше гораздо придирчивее и строптивее, чем глаз, — поэтому я никак не могу понять причину успеха иных театральных спектаклей; глазам же нашим дана свобода выбора, и, уверенные, что ничего не потеряем, мы вольны отвернуться от сцены, покрытой слишком свежей типографской краской.

Пусть реклама и рецензии дружно прославляют автора; главное, что нас никто не заставляет знакомиться с его творениями! Из двух зол нужно выбирать меньшее, и ради того, чтобы избежать сомнительного удовольствия читать глупца, мы готовы молча разделять всеобщее убеждение, что он мудрец. Пишите, пишите сколько угодно! Нынче печатают то, что не решаются произнести вслух, — ведь от этого страдают лишь те, кто читает. А тому, кто прекратил читать, и горя мало.

Отсюда следует, что сегодня никто ничего не читает, но, поскольку эпоха наша по непонятной причине мнит себя кладезем мудрости, всякий стремится прослыть человеком начитанным. Мы живем в век библиографов, в пору заката литературы и языка, в эпоху, когда люди чувствуют необходимость упаковать нажитое, дабы передать его потомкам. Увы, посылка не дойдет до адресата: варварство движется быстрее паровоза.

Все сказанное, однако, нимало не опровергает того факта, что библиография — наука очень важная; самоотверженность ее безвестных служителей достойна всяческих похвал. Какими пугающе обширными познаниями должен обладать библиограф, которому подвластны все достижения человеческого разума во всем их многообразии, все страны, все эпохи, все поколения, все бессмертное, разноязыкое, многонациональное племя литераторов, все книги — и те, что рождены гением, разумом, ученостью, любознательностью и добросердечием, и те, в основе которых заблуждения, ложь, сумасбродство, злоба, а паче всего тщеславие, лень, нужда и скука! Библиограф дает нам в руки ариаднину нить, помогающую ориентироваться в лабиринте событий и имен, где случалось блуждать многим умам — и движимым благородными стремлениями, и одержимым безрассудной страстью. Библиофил влюблен в книги, библиоман схо-

дит по ним с ума. Библиомания — болезнь, не вызывающая ничего, кроме жалости, если ею страдает состоятельный и глупый бездельник, который в гордыне своей мнит, что золото заменит ему знания. Ошибается тот, кто полагает, будто всякий богач может собрать библиотеку, достойную внимания знатоков. Выбор книг — наука, которой, как и любой другой науке, нужно учиться. Самые роскошные тома, выбранные без понятия и расставленные без вкуса, свидетельствуют лишь о невежестве их владельца.

Литература наша не испытывает недостатка в библиографических трудах: еще в 1584 году вышли две книги под названием "Французская библиотека", в которых два трудолюбивых эрудита, Лакруа дю Мен и Дювердьё, с изрядным терпением и скрупулезностью перечислили почти все книги, изданные к тому времени на французском языке. Я говорю: "почти все", потому что никому еще не удавалось достичь абсолютной полноты в изданиях такого рода; хотя французскому книгопечатанию в ту пору едва исполнилось сто лет, оно уже успело принести столь щедрые плоды, что, как бы внимательны и добросовестны ни были его летописцы, они не могли не упустить из виду хоть малую толику напечатанного. Это ничуть не уменьшает ценности перечней, составленных этими превосходными людьми; их компиляции — быть может, немного тяжеловесные — подлинны сокровищницы, откуда потомки еще долго будут черпать разнообразные сведения.

В начале XVII столетия французам было не до библиографии. У них находились дела поважнее. Французский язык, ученый и смелый у Рабле, непосредственный, изобретательный и гибкий у Маро, спокойный, красноречивый, размеренный у Монтеня, остроумный и язвительный у Реньё, стал к этому времени языком мертвым. Грозное пророчество Анри Этьенна сбылось пол-

ностью: стараниями двора французский язык "итальянизировался" и превратился, если позволительно так выразиться, в бесплотный призрак; вдохнуть в него жизнь могло лишь чудесное искусство гениев. За это сложнейшее дело взялись Паскаль и Корнель; оба с честью вышли из положения, создав произведения, которыми до сих пор восхищаются потомки. Что же до истоков и памятников "старинного" языка, о них помнили лишь Мольер и Лафонтен; Буало проклял их, а Академия высокомерно предала забвению. За образцами отбора и употребления слов она обратилась к Дюверу, Коиффто и Барри; об Амю она и не вспомнила. О вкусах не спорят.

В такой ситуации библиографы не требовались; охотников читать книги Барри, Дювера и Коиффто не находилось. Пришлось библиографии искать убежища в филологии, в истории литературы, в ученой критике, да и это произошло гораздо позже, когда начал публиковать свои порой рискованные, но неизменно остроумные измышления Ламоннуа, а особенно когда обнародовал свои обширные разыскания неутомимый Бейль, литератор трудолюбивый, вдумчивый и своенравный, который, желая создавать все заново, тянулся к хаосу, как другие тянутся к свету. Предшествующий период может похвастать только высокоученым Габриэлем Ноде, чей бесценный труд, известный под названием "Маскюрат", всегда будет доставлять наслаждение библиофилам.

В XVIII столетии была если не создана, то узаконена библиографическая система Габриэля Мартена, которая действует и поныне и которой, надеюсь, суждена долгая жизнь, если, конечно, в эпоху, когда все помешаны на прогрессе, вернее, на переменах и ценят лишь собственные изобретения, что-либо имеет шанс прожить долго. Не то чтобы система Мартена была строго *философической* в том смысле, какой приобрело это слово в наши дни, и могла поспорить с классификациями Бэкона или

Лейбница, но у нее есть другие достоинства, которые заслуживают внимания, во всяком случае, с точки зрения практической. Она проста, ясна, доступна; она без большого труда охватывает бесчисленные и причудливые формы, в которые человеческая фантазия облекла свои творения, и, что самое важное, она освящена великолепными каталогами, сделавшимися классикой библиографии, — каталогами, которые вскоре станут единственными памятниками "эпохе библиотек", миновавшей, и притом безвозвратно.

Нынче люди покупают книги для дела, по необходимости. Книги держат в доме из приличия, из хвастовства, из прихоти, но все давно забыли, что такое *библиотека*. Даже правительства уже не помнят первоначального значения этого слова; под библиотекой ониразумеют отапливаемое помещение, где на потребу бездельникам хранятся поучительные и развлекательные книги и откуда ученые, которым недостает денег, чтобы покупать книги, и богачи, которым недостает для этого учены, могут на время брать их домой. Изменять библиографическую систему в эпоху, когда библиография, по сути дела, живет только прошлым, — значит уподобляться тем славным мужам, которые, радея о пользе французского языка, изменили его орфографию сразу после того, как, по всеобщему признанию, завершился классический период развития французской словесности. Это самая большая услуга, какую можно было оказать будущим читателям — теперь они смогут безошибочно опознавать книги, достойные прочтения. Порой я думаю, что рано или поздно наступит время, когда книгопродавцы будут отмечать в своих каталогах книги, вышедшие "до новой орфографии", подобно тому, как сегодня торговцы эстампами отмечают гравюры, оттиснутые "до печатания всего тиража". Прекрасная эпоха нашей литературы, которую завер-

шает творчество г-на де Шатобриана, заслужила, чтобы ее четко отграничивали от всего, что пришло ей на смену. Теперь понятно, как это сделать.

Гийом Франсуа Дебюр, выпустивший в 1763 году первый во Франции серьезный труд по общей библиографии, точно следовал системе Габриэля Мартена, хотя у него достало бы и ума, и знаний на то, чтобы ее исправить — и испортить. Его "Назидательная библиография" написана человеком добросовестным, чьи просчеты — дань эпохе. Великий век, последние отзвуки которого еще слышны в творчестве Монтескье, Бюффона и Вольтера, не испытывал никакой благодарности к истинным создателям языка, на котором изъяснялся, а к литературам других народов относился с необоснованным презрением, проистекавшим не в последнюю очередь из постыдного невежества. В эпоху, когда Кальдерона считали "ничтожным шутом", Шекспира — "пьяным дикарем", а в "эпических циклах" (говоря современным языком) видели только "неловкий, грубый стих тех варварских времен", возможности библиографии были весьма ограничены. Сегодня это высокомерие, которое не пристало даже гениям, было бы особенно неуместно; впрочем, надо отдать должное нашей эпохе — мы не только не презираем наследие предков и творения чужезмцев, но, напротив, готовы впасть в противоположную крайность. Поэтому со времен Дебюра библиографическая наука развивается с необычайной быстротой и границы ее благодаря рвению исследователей расширяются с каждым днем. Ведь всякий библиофил так же жаждет пополнить перечень редких книг, как премудрый Лонуа жаждал сократить перечень святых.

Не прошло и четверти века, как нашелся человек, вознамерившийся заполнить многочисленные белые пятна, которые, к сожалению, остались в любопытном сочинении Дебюра. То был Дюкло, чей "Библиографический

словарь” вышел в свет под именем Кайо. Книга эта не более чем компиляция лучших каталогов XVIII столетия, сделанная без разбора и без вкуса, однако библиофилы встретили ее с радостью, поскольку Дюкло не только расположил книги по алфавиту авторов — порядок наименее разумный, но наиболее удобный из всех, — но и указал цену каждой, чем бесспорно оказал собирателям большую услугу, хотя цены эти с тех пор не раз менялись. Г-н Брюне, руководствуясь накопленным опытом, избрал тот же путь, но при этом не забыл и о столь необходимой для библиотекаря и книгопродавца классификации: расположив бесчисленные статьи своего учебника в алфавитном порядке, он, набравшись терпения и храбрости, составил великолепный систематический указатель, который останется образцом подобного рода работ. Я не стану долго распространяться об “Учебнике книгопродавца и любителя книг” г-на Брюне, ибо есть труды, заглавие которых говорит само за себя, как есть авторы, которые добиваются успеха сами, без помощи рекламы и рецензий.

Чтобы убедиться в успехе “Учебника”, достаточно вспомнить, что меньше чем за двенадцать лет три издания этой книги были полностью распроданы; нынче невозможно купить даже третье, последнее по времени издание — таким образом, “Учебник” сам сделался одной из тех редких и дорогих книг, историю которых запечатлел. Могло показаться, что г-н Брюне не собирается еще раз издавать свой труд, тем более что превосходное трехтомное дополнение, вышедшее около десяти лет назад, избавляло его от необходимости затрачивать гигантские усилия на полную переработку книги; однако есть умы, исполненные великодушного упорства; они не знают покоя до тех пор, пока в той области, которую они избрали предметом своих занятий, остаются белые пятна. К этой бесстрашной и неутомимой плеяде ученых,

которая, казалось, угасла вместе с последними монахами бенедиктинского ордена, и принадлежит г-н Брюне.

Итак, сегодня, когда я пишу эти строки, четвертое, последнее издание "Учебника" дошло до шестой части и близится к завершению; причем не подумайте, что перед нами — одно из тех переизданий, где лентяй издатель, устав от работы с одними и теми же именами и названиями, изменяет лишь дату на титульном листе. Четвертое издание "Учебника" г-на Брюне гораздо справедливее было бы считать совершенно новой книгой — так терпеливо и тщательно выверил автор ее содержание вплоть до мельчайших подробностей. Не говоря уже об объемистом дополнении под названием "Новые разыскания", которое автор существенно расширил, исправил и "растворил" в новом издании, во всей книге почти не осталось страниц, где не прибавилось каких-нибудь любопытных и забавных деталей и где библиофилов не ждет новая пища для размышлений, новый предмет для разысканий; в особенности это касается раздела, посвященного старым французским прозаикам и поэтам, пользующимся нынче всеобщей любовью. Более развернутыми стали также критические и филологические примечания, и я не побоюсь сказать, что в целом они составляют весьма занятный курс истории литературы, который стоит иных многотомных исследований.

Итак, в этом великолепном перечне сокровищ литературы, накопленных за прошедшие столетия, нет лакун; напротив, я опасаясь, как бы через полвека потомки наши не обнаружили в нем кое-что лишнее, а именно сочинения некоторых нынешних авторов, которыми г-н Брюне, пекущийся о полноте своей библиографии, не счит возможным пренебречь. Подобная щепетильность представляется мне чрезмерной. Не стоит путать библиографию с книжной торговлей и ставить на одну

доску чудесные сокровища нашей старины и книжную *продукцию*, которой завалены все магазины. Там попадают такие изделия, которые никому и в голову не придет купить.

К этим безрадостным соображениям, которые, уверяю вас, в первую очередь касаются моего собственного творчества, я мог бы при желании добавить пять-шесть вьедливых придирок; г-н Брюне, который и сам виртуозно владеет искусством критики, наверняка не обиделся бы на меня. Господи! Ведь выискивать недостатки в трудах, требующих великого терпения и точности, где одна-единственная неверная цифра – грубая ошибка, где важно все, вплоть до диакритических знаков, – легче легкого. Отчего г-н Брюне пишет фамилию Поля Контана (Contant), поэта-аптекаря из Пуатье, с произносимым "s" на конце, хотя сам Контан всегда писал свою фамилию с произносимым "t", о чем свидетельствует хотя бы его трогательный девиз: "Дарами Господа доволен" (contant). Конечно, этой погрешности далеко до ошибки Мерсье де Сен-Леже, который перепутал Поля Контана с Пьером Констаном, автором прелестной поэмы "Пчелы", первое и лучшее издание которой (Париж, 1582, 4^о) ускользнуло от внимания г-на Брюне, но все равно негоже исказить фамилию Поля Контана, написание которой Сцевола де Сент-Март запечатлел в латинских стихах Ad Paulum Contentum. Сказанное выше – один из образцов той критики, благодаря которой нетрудно прослыть человеком редкой учености, ибо, замечу к слову, сегодня утром во всей Франции, включая Пуатье, среди всех прилежных и образованных людей, включая аптекарей, не наберется и десятка людей, которые твердо знают, как следует писать фамилию Поля Контана, аптекаря из Пуатье. Теперь эту библиографическую подробность, без которой человечество обходилось донныне и обош-

лось бы в дальнейшем, можно считать раз и навсегда выясненной.

О Господи! Когда вспомнишь, что на каждой странице "Учебника" не меньше сотни абсолютно верных сведений, касающихся имен, прозвищ и титулов, заглавий книг и мест издания, имен издателей, дат и форматов, не меньше сотни пронизательных оценок и замечаний, возражений и разъяснений; когда поймешь, что, следовательно, "Учебник" содержит не менее четырехсот тысяч подобных фактов, которые автор должен был один за другим проверить, причем мало бью отыскать надежный источник, нужно было еще, чтобы не наврал переписчик, не ошибся наборщик и не зазевался корректор; когда, наконец, испытаешь на собственной шкуре все те опасности, с которыми сопряжено это ужасное занятие — составление словаря, казавшееся Скалигеру мучительнейшей из пыток, то неизбежно сочтешь замечания вроде тех, что я — впрочем, с самыми добрыми намерениями — осмелился высказать, в высшей степени ребяческими и мелочными и, более того, в высшей степени несправедливыми и жестокими. Неудивительно поэтому, что я не хочу злоупотреблять преимуществами, которые дает мне моя безжалостная память, и оставляю свои "микроскопические" придирки для списка опечаток.

Я не могу закончить статью, хотя она и без того чересчур длинна, не выразив признательности г-ну Сильвестру, с любовью и тщанием напечатавшему книгу г-на Брюне. Форма этого классического библиографического труда под статью его содержанию — а такая похвала говорит сама за себя. Конечно, и в это издание вкрались неточности, неизбежные в столь объемистом труде, но их очень мало, и подробный список опечаток легко поможет этому горю. Однако слова *non paucis offendar maculis** применимы к типографам и издателям не меньше,

* <Среди блеска> несколько пятен мелькнут (*лат.*; Гораций. Наука поэзии, 352; перевод М.Л. Гаспарова).

чем к поэтам. В наши дни многие прочно забытые сочинения входят в моду благодаря нарядным иллюстрациям, поэтому можно лишь приветствовать идею издателей воспроизвести в "Учебнике книгопродавца" типографские марки, помогающие распознать бесчисленные анонимные издания. Конечно, поскольку книги в учебнике расположены по алфавиту авторов, эти драгоценные факсимиле напечатаны без всякой системы и отыскать ту или иную марку, если ты не знаешь, кому она принадлежит, можно только случайно; однако тираж "Учебника" не так велик, чтобы доски, с которых печатались марки, нельзя было использовать еще раз, и ничто не мешает автору расположить марки по месту и времени издания и либо опубликовать в специальном труде, которому будут рады все библиофилы, либо приложить к "Учебнику" указатель ксилографий, который, как и указатель систематический, не только не будет лишним, но послужит книге к пользе и украшению. Если какой-нибудь предприимчивый издатель решится осуществить один из этих двух вариантов, я заранее прошу его от лица всех библиофилов уделить внимание виньеткам, заставкам и буквицам Эльзевиров, а также весьма своеобразным маркам Вольфганга; ведь эти украшения — едва ли не единственные верные приметы, по которым можно опознать дивные книги, все сильнее и сильнее привлекающие собирателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

Из книги "Заметки об одной небольшой библиотеке"

Книга, откуда взяты публикуемые фрагменты, вышла в Париже в 1829 г.

В статье "Размышления по поводу распродажи библиотеки г-на де Пиксеркура" (1838) Нодье писал о себе, что "Господь пять раз позволил ему разбогатеть настолько, чтобы иметь возможность приобретать книги, и пять раз – обеднеть настолько, чтобы быть вынужденным продать их"; наиболее крупными были распродажи в июне 1827 и в январе 1830 г., а также по-смертная (1844). Именно расставание с ценными экземплярами из собственного книжного собрания явилось поводом для написания "Заметок об одной небольшой библиотеке". Первую фразу "Предисловия" к книге поставил эпитафией к очерку "Старые книги" (1854) русский писатель М.Л. Михайлов (см.: Очарованные книгой. М., 1982. С. 124).

С. 6. *Мудрый Валенкур, которого пожар лишил всех книг...* – библиотека Ж.-Б.-А. де Валенкура сгорела в 1726 г.

С. 7. *Сен-Пре* – герой романа Ж.Ж. Руссо "Юлия, или Новая Элоиза" (1761).

С. 8. *Бейер, Фрейтаг* и проч. – Нодье перечисляет знаменитых немецких и французских библиографов и библиофилов.

С. 8. ..."*даешь всем законы*"... – Вергилий. Энеида, VIII, 670. ...*великолепный каталог г-на Ренуара...* – См. об этом каталоге примеч. к т. 1, с. 114.

С. 9. ..."*Маранзакиниана*"... – Во Франции существовала традиция издания сборников афоризмов и остроумных, принадлежащих известным литераторам и общественным деятелям (подлинных либо апокрифических); названия их образовывались прибавлением к фамилии "автора" окончания "ана", которое вскоре стало самостоятельным словом, обозначающим этот тип литературы. Первый из таких сборников, "Скалигериана", собранный другом Иосифа Скалигера Ф. Вертюньеном, сыером де Лаво, был издан спустя много лет после смерти составителя, в 1669 г.

"*Литературная Франция*", ценный библиографический труд, написанный Ж. Эбраем в соавторстве с аббатом Лапортом, вышла в 1769 г. (т. 1–2).

С. 10. *Stromates* – см. примеч. к т. 1, с. 47.

С. 12. *"Сочинения" Рабле 1732 г.* вышли в Париже с примечаниями Ле Дюша, Ламоннуа, П.-Ш. Жаме и Т.Гелетта; в амстердамском издании 1711 г. были помещены примечания Ле Дюша и Ламоннуа.

С. 13. *"Кассандра"* (или *"Александра"*) – поэма древнегреческого поэта *Ликофрона*, изобилующая малоизвестными архаизмами, забытыми мифами и туманными пророчествами, крайне трудная для понимания. *Ферран, Лене* – представители легкой, анакреонтической поэзии конца XVII–XVIII вв., создатели вакхических песен, мадригалов и т.д.

С. 15. *...особенно нелепые места... подчеркнуты пером...* – Хотя проповедник М.Мено удостоился за свою велеречивость прозвища *"Золотой язык"*, проповеди свои он произносил на варварской смеси латыни и французского языка, усиленно сдабривая их пошлостями и непристойностями.

С. 17. *"О подражании Христу"* – анонимный трактат, получивший распространение около 1418 г.; книга выдержала более 2000 изданий, была переведена на языки всех христианских народов и получила распространение среди народов других вероисповеданий. Приписывалась различным авторам; ныне наиболее вероятным считается авторство *Фомы Кемпийского* (ок. 1380–1471). В стихотворном переводе *Корнеля* вышло в 1651 г.

О романе *"Теаген и Хариклея"* см. примеч. к т. 1, с. 99 и 155.

Бальсдан... отказавшийся от соперничества с Корнелем... – В 1647 г. на выборах в Академию *Ж.Бальсдан* снял свою кандидатуру, чтобы не мешать *Корнелю*; в Академию его избрали два года спустя.

Рукописные комментарии *Ф.Гюйе*, сохранившиеся на полях его книг, были опубликованы посмертно в изданиях *Теренция*, *Стация*, *Гесиода* и др. *Ш.Сент-Бев* писал о *Нодье* в стихотворении *"Мои книги"* (1829): "Он – от восторга пьян: // Он раздобыл, неведомо откуда, // Старинный том (как будто бы – *Лукан*) // с пометами *Гюйе*. Ну, просто чудо! // Прощай, кадрий! Есть лакомее блюдо – // И ночь проводит с лупою гурман" (перевод *И.Я.Шафаренко*).

С. 18. *"Последний римлянин"* – речение, употреблявшееся первоначально применительно к *Бруту* и *Кассию* как последним хранителям патриархальных устоев Рима; затем стало обозначать всех людей, воплощающих некие культурные и нравственные принципы, ушедшие в прошлое.

С. 22. О библиотеках *Гролье* и *де Ту* см. примеч. к т. 1, с. 42.

...господин Дибдин и принял... за переплетчика... – Исследователь библиотеки *Гролье* французский библиофил *А.Ж.Леру де*

Линси называет это замечание Нодье не совсем ясным: дело в том, что во всех известных работах Дибдина сведения о Гролье подобными неточностями не грешат.

С. 23. *Фасции* – пучки прутьев с топором посередине, в Древнем Риме знаки достоинства магистратов (представителей власти). Каталог библиотеки *графа Хойма* вышел в 1738 г. и имелся у Нодье. О книгах *de Ту* см. наст. изд., т. 2, с. 155.

Ле Риш, Гийон де Сардьер, Булламак – собиратели XVIII в.; каталоги их библиотек были опубликованы соответственно в 1791, 1759 и 1770 г.

С. 24. *Opus Morlini...* – Начало этой главы, посвященное подробно описанию редких фарсов, комедий и проч., переизданных (тиражом 56 экз.) библиофилом Кароном вместе с "Сочинениями" итальянского писателя Д. Морлино, впервые вышедшими в 1520 г. и за свою непристойность приговоренными к сожжению, носит слишком специальный библиографический характер и потому опущено в нашем издании.

С. 25. *...трактат аббата де Сен-Сирана...* "*Королевский вопрос и его решение*"... – История этой брошюры весьма любопытна: однажды французский король Генрих IV спросил у своих придворных, как они поступили бы, если бы король, проиграв сражение, вынужден был бежать на корабле и буря забросила его вместе с ними на необитаемый остров. Один придворный ответил, что если бы короля мучил голод, он лишил бы себя жизни, дабы спасти монарха. Тогда король осведомился, одобряет ли церковь подобное решение. Другой придворный, граф де Крамай, переадресовал королевский вопрос юному теологу Сен-Сирану, и тот – в письменном виде – ответил, что церковь оправдала бы решение придворного; этот-то ответ, изданный графом де Крамаем без имени автора, и составил брошюру "Королевский вопрос".

"*Политический трактат*", по мнению Ш. Брюне, представляет собой перевод английского памфлета против Кромвеля, опубликованного в 1657 г. под заглавием "Killing no murder". За псевдонимом Вильям Аллен укрылся полковник Сайлас Титус. Французским переводчиком трактата был, вероятно, неверский дворянин Мариньи, которого некоторые литераторы XVII в. (в частности, Ги Патен) считали сочинителем этой книги. Французское переиздание вышло в 1793 г.

...на распродажах книжных собраний господина Меона и господина Шардена... – Книги Меона продавались в 1803 г. в Париже, книги Шардена – в 1779 и 1824 гг. в Париже и в 1819 г. в Лондоне.

С. 26. *Мом* (греч. миф.) – божество злословия.
О романе *Фенелона* "Приключения Телемака" см. в наст. изд., т. 2, с. 61–67 и примеч.

С. 27. *Доска* – старинное название печатной формы.

С. 28. *...выбрал... и напечатал не кто иной, как Людовик XVI...* – Напечатав эту максиму, дофин, будущий Людовик XVI, предсказал Великую французскую революцию, а Людовик XV, сам принадлежавший к числу монархов, "отбросивших в сторону совесть и честь", понял это предсказание.

С. 29. *10 августа* 1792 г. была низвергнута французская монархия; *9 термидора* II года Революции (27 июля 1794 г.) была свергнута яacobинская диктатура, что положило конец Революции.

Аполлон Кастальского ключа – прозвище, данное Ронсару современниками (возможно, реминисценция из стихотворения Ронсара "Обет", 1552).

С. 30. *Мария, Кассандра, Синоп* – поэтические имена возлюбленных Ронсара. *Кассандре* (дочери флорентийского банкира Бернара Сальвьяти, находившегося на службе у французского короля) посвящена "Первая книга Любовных стихотворений" (1552), *Марии* – "Продолжение Любовных стихотворений" (1555; в 1560 г. под загл. "Вторая книга Любовных стихотворений"). *Синоп* Ронсар посвятил 16 сонетов в сборнике "Смесь" (1559), однако впоследствии в большинстве этих стихов он заменил имя Синоп имением Марии. Отождествление Марии из "Любовных стихотворений" с Марией де Марке нельзя считать бесспорным; существуют и другие "кандидатуры", точных же сведений на этот счет не имеется.

...строки, где названы имена обеих сестер... – Нодье цитирует XI стихотворение из "Продолжения Любовных стихотворений" (1555); имя Анны появилось в тексте лишь в издании 1557 г., а первоначально на его месте стояло "Жанна".

С. 32. *...в так называемом "Библиографическом словаре" Кайо...* – Основные материалы для "Библиографического, исторического и критического словаря редких книг", выпущенного в 1790 г. А.-Ш.Кайо (т. 1–3) собрал Ш.-П. Дюкло; он, следовательно, и является фактическим автором словаря.

С. 33. О *словаре Барбье* см. примеч. к т. 1, с. 164.

"Сплетни роженицы" – анонимный сборник, состоящий из восьми памфлетов; неоднократно переиздавался в 1620-е гг.; название его восходит к обычаю кумушек собираться у постели роженицы сразу после родов и делиться новостями и слухами.

"Способ выйти в люди" – сатирическая книга, опубликованная в 1610 г. анонимно; ныне автором ее считают Ф.Бероальда

де Вервиля, Нодье же приписывал ее А.Этьенну. Нодье очень ценил "Способ выйти в люди"; его последняя библиотека насчитывала 11 изданий этой книги.

С 34. *...напечатана у Мозжана...* – После смерти Даниэля Эльзевира книгопродавец из Гааги Адриан Мозжан купил у его вдовы последние издания Эльзевиров и шрифты их типографии.

С 35. *...в духе Авла Геллия или Валерия Максима...* – Авлу Геллию принадлежат "Аттические ночи" – беседы о грамматике, литературной критике и истории, содержащие множество деталей античного быта; Валерию Максиму – сочинение "О достопамятных речах и событиях", компилятивный сборник анекдотов, афоризмов и проч., сгруппированных по темам ("О терпеч.:"; "О религии" и т.д.).

С 36. *...в 1744 году немецкий библиограф Геце...* – Вероятно, имеется в виду трехтомный труд Геце "Сокровища Дрезденской Королевской библиотеки", первый том которого вышел как раз в 1744 г.

С 37. *...на каком основании... приписали... Франклину...* – Некоторым основанием мог служить тот факт, что Франклин на протяжении двух десятков лет (1732–1758) выпускал адресованный такой же невзыскательной публике "Альманах простака Ричарда". Л.Дером в книге "Беседы друга книги" (1887) приводит и другие аргументы в пользу авторства Франклина (в "Искусстве делаться счастливым с помощью снов" излагаются некоторые научные теории из числа тех, какими занимался Франклин, в частности, теория электричества), анонимность же книги Дером объясняет тем, что некоторые рекомендации в ней (а точнее, содержание снов) носят весьма вольный характер.

С 38. *...секретов Альберта Великого...* – Ученый энциклопедического толка, Альберт Великий имел репутацию чернокнижника, и под его именем распространялись апокрифические сочинения типа "Секреты Альберта Великого".

...сны часто зависят от образа жизни... – Полушутливо-полусерьезно, но, во всяком случае, с обширным научным аппаратом, этот тезис обоснован в "Гаргантюа и Пантагрюэле" Рабле (кн. III, гл. XIII и XIV).

С 39. *...ужаснейшие душевные расстройства... овладевают человеком во сне...* – Такие феномены, как ночные кошмары, вампиризм и лунатизм, тревожили воображение Нодье на протяжении всей его жизни; им, в частности, посвящена повесть "Смарра" (1821) и статья "О некоторых явлениях, связанных со сном" (1831); фольклорный материал легенд о вампирах служил почвой для фантастики Нодье; а тема снов –

толчком для размышлений о необычных сторонах человеческой психики.

Фландрский город *Менен* был взят французскими войсками под руководством маршала Тюренна в 1658 г.

...сны Иосифа и Вальтасара... – Иосиф, сын Иакова, выступает в Ветхом Завете то как сновидец, то как толкователь снов, причем и те и другие сны неизменно оказываются вещими; имя Вальтасара носил в вавилонском плену другой ветхозаветный герой, пророк Даниил, наделенный даром толковать сны.

С. 40. *...расколу церквей при Генрихе VIII... –* Английский король Генрих VIII в 1534 г. провозгласил себя главой англиканской церкви, независимой от Рима, а в 1536 и 1539 гг. провел секуляризацию монастырей. Поводом для раскола послужил отказ папы римского дать согласие на развод Генриха с Екатериной Арагонской.

...именуется пророчествами, – вещь довольно любопытная... – Нодье посвятил предсказаниям и приметам очерк "Господин де Ламетри, или Суеверия" (1831), где вложил в уста просветителя XVIII в. философское оправдание народных суеверий. Нодье полагал, что народ не случайно связывает дурные предчувствия с определенными явлениями: если некто рассыпал соль, значит, он неловок и неаккуратен, а от такого человека хорошего не жди; если паук, который обычно сидит на месте, в неположное время бегает по дому – значит, в доме неспокойно (так крысы бегут с тонущего корабля).

Семь "*Предсказаний*" *Нострадамуса*, написанных четверостишиями, были впервые опубликованы в 1555 г. в Лионе.

Английский король *Карл I* был казнен в 1649 г. в ходе Первой английской буржуазной революции; *герцог де Бирон* был адмиралом и маршалом Франции при Генрихе IV, но вступил в сговор с испанским королем, в ту пору противником Франции, и был казнен (ср. цитату из Вольтера в наст. изд., т. 1, с. 96); сильнейший пожар охватил Лондон в 1666 г.

Фаворит Людовика XIII *Сен-Мар* и его друг *Ф.-О. де Ту* готовили заговор против кардинала Ришелье и были казнены в 1642 г.

С. 41. "*Тюрготина*" – По-видимому, имеется в виду поэма английского писателя У.Ю.Майкла (1735–1788) "Пророчество королевы Эммы", выданная им за "сочинение Иоанна Тюрготуса, приора Дахеймского аббатства, писанное в царствование Вильгельма II", то есть в конце XI в.; Майкл опубликовал "Пророчество" в 1782 г.

"*Предсказания*" *Парацельса* ("с эмблематическими рисунка-

ми”) вышли в 1536 г. Белые лилии входили в герб королевской династии Бурбонов, свергнутой с престола во время Великой французской революции.

С 43. *“Предсказание Лихтенберга”* в конце XV – начале XVI в. издавалось неоднократно по-латыни и по-немецки. Самое раннее из латинских изданий относится к 1488 г. В 1527 г. книга вышла на немецком с предисловием М.Лютера.

“В тот год придет Орел...” – В этом отрывке “предсказано” появление на исторической арене Наполеона, узурпировавшего французский трон, который прежде занимали Бурбоны.

С. 44. *“Предсказание Пантагрюзля на 1533 год”* – пародия на предсказания, составленная “для пользы и сведения вертопрахов и ротозеев”, была выпущена Рабле в Лионе.

С. 45. *Исагог* (греч.) – введение.

С. 46. ...издание *Грессе... экземпляр... Дю Канжа...* – Писатель Грессе и лексикограф Дю Канж были, подобно безумцу Демону, уроженцами Амьена.

Об *“Учебнике книгопродавца и любителя книг” Ж.Ш.Брюне* см. в посвященной ему рецензии Нодье (наст. изд., т. 2, с. 218–230).

С. 48. *...выбирать между церковью и законным королем...* – Имеются в виду религиозные и гражданские войны во Франции в конце XVI в., когда страну раздирала на части борьба двух партий – католической Лиги, которая стремилась посадить на трон вместо Генриха III своего ставленника Генриха де Гиза, и сторонников королевской власти; внутренние разногласия, а также претензии союзника Лиги, испанского короля Филиппа II на французский трон лишили католическую конфедерацию авторитета в глазах народа; Генрих IV, король Франции с 1589 г., в 1593 г. перешел из протестантизма в католичество и в 1594 г. положил конец религиозным войнам, подписав договор с тогдашним руководителем Лиги Майенном.

“Библиография безумцев” – этой теме посвящена одноименная статья Нодье, вошедшая в наст. изд. Вообще произведения людей неуравновешенных, наряду с предсказаниями и пророчествами, всегда влекли к себе Нодье; так, уже в каталоге его первой библиотеки (1827) есть пространный раздел *“Метафизика. – Необузданное воображение. – Пророчества. – Гадания. – Колдовство и т.д.”* Об отношении Нодье к Дидро см. примеч. к т. 2, с. 134.

С. 48–49. Философ *Мальбранш* страдал галлюцинациями (по преданию, ему мерещилось, что под носом у него висит баранья нога, и друг, чтобы излечить его, поставил на нее “капкан”,

а затем вынул "из рукава" заранее припасенную кость); под "мономанией" Паскаля Нодье, очевидно, подразумевает его напряженные религиозные искания, приведшие этого мыслителя в конце жизни к крайнему аскетизму; Ж.-П.Паризо был автором книги "Разум, снимающий покровы с веры" (1681), полной экстравагантных выдумок (так, Троицу он толковал с помощью триады основных природных веществ – соли, ртути и серы, и т.д.); в *Морене* и *Постеле* см. подробнее в статье "Библиография безумцев"; Ф.Давен, последователь С.Морена, считал себя мессией, призванным принести народам мир, предсказывал, что в 1656 г. наступит конец света, и предлагал свою кандидатуру на роль короля Франции вместо Людовика XIV; многие его произведения, в частности, стихотворная версия Евангелия, были приговорены к сожжению; Т.Тассо в течение нескольких лет находился на излечении в феррарской больнице для душевнобольных; Н.-Ж.-Л.Жильбер перед смертью впал в безумие вследствие травмы черепа, полученной при падении с лошади, но в историю литературы вошел как непризнанный гений, умерший от голода и лишений (эта легендарная версия канонизирована в романе А. де Виньи "Стелло", 1832); Нодье хорошо знал биографию Жильбера, поскольку был автором вступительной заметки к изданию его сочинений (1817).

С. 49. "Мениппова сатира" (1594) – выпущенный анонимно памфлет против попытки католической Лиги созвать Генеральные Штаты и избрать из своей среды короля Франции; авторы "Менипповой сатиры" (юрист Пьер Питу, поэт Жан Пассера и др.) стремились положить конец гражданским войнам (см. выше примеч. к с. 48). В 1824 г. Нодье выпустил издание "Менипповой сатиры" со своим историческим, литературным и филологическим комментарием.

О *Ликофроне* см. примеч. к т. 2, с. 13; *Ретиф де Ла Бретонн*, "Бальзак XVIII столетия" (по выражению издателя XIX в. Ф.Бюло), был автором многочисленных романов, рассказов и пьес из жизни разных слоев французского общества; у Ретифа, как и у Рабле, немало весьма "откровенных" пассажей, однако Нодье считал Рабле гораздо более глубоким мыслителем.

С. 50. "*Monumenta typographica*" – "Памятники типографского искусства, где повествуется о происхождении этого прекрасного ремесла, о его славе и о злоупотреблениях, кои встречались в этой области" (т. 1–4), выпущенные в 1740 г. немецким эрудитом И.-К.Вольфом.

С. 51. Каталог библиотеки *Бунау* вышел в 1750–1755 гг. (т. 1–3); он составлен И.-М.Франкиусом и отличается чрезвычай-

ной обстоятельностью (вплоть до указания рядом с той или иной книгой других сочинений на ту же тему).

...*фолиант Рюдбека и ин-октаво Дальгарно...* – В результате упсальского пожара 1702 г. погибло большинство экземпляров книги шведского ученого О.Рюдбека "Атлантида", где он доказывал, что колыбелью цивилизации была Швеция, а также рукописи и рисунки его большого гербария; книге Ж.Дальгарно об универсальном философическом языке (1661) Нодье посвятил в "Заметках об одной небольшой библиотеке" целую главу, где попытался объяснить, почему она столь редка: во-первых, тираж ее был крайне мал и, возможно, не превышал 32 экземпляров (число подписчиков); во-вторых, она написана очень темным языком и экземпляры вполне могли пролежать на складе пять лет, после чего их уничтожил лондонский пожар 1666 г.; в-третьих, епископ Д.Уилкинс, использовавший, как считал Нодье, многие идеи Дальгарно в своем "Опыте о философическом языке" (1668), мог постараться уничтожить компрометирующую его книгу.

Хирография зд. – искусство письма (гр. *chei* – рука, *grapho* – пишу); *каллиграфия* – искусство красивого письма (гр. *kallos* – красота).

"*Небесная машина*", сочинение польского астронома Я.Гевелия, вышло в 1673–1679 г. (т. 1–2); почти весь тираж второго тома погиб в 1679 г. во время пожара, уничтожившего дом и обсерваторию Гевелия в Данциге (Гданьске).

Сочинения Г.Шпицелиуса о счастливых и несчастных литературах вышли отдельными изданиями соответственно в 1676 и 1680 гг. (издание 1676 г. имелось в последней библиотеке Нодье).

С. 52. Об Алциониусе и "присвоенном" им трактате Цицерона см. в примеч. к т. 1, с. 113. Менке в 1707 г. издал трактат Алциониуса "Об изгнании" вместе с несколькими трактатами других латиноязычных новоевропейских авторов на ту же тему под общим названием "Избранные страницы о несчастях литераторов".

С. 52. *...библиографической истории допотопной и послепотопной эпохи...* – Описание некоторых книг такого рода см. в изд.: Рат-Вег И. Комедия книги. М., 1982, с. 10–20.

С. 53. *...один издатель... включил в собрание сочинений Расина...* – Имеется в виду семитомное собрание сочинений с комментариями Жоффруа, вышедшее в 1808 г.

...ученого автора каталога... – Каталог книг д'Урша (1811) составил Ж.-Ш. Брюне.

С. 54. *... "мзды за похвалу"...* – Лафонтен. Симонид, сбереженный богами (Басни, I, 14).

...оба эти стихотворения сочинены им самим... – Послание от лица г-жи де Менгенон было приписано Расину еще в журнале "Новости литературной республики" (1686), и современные исследователи склонны признать в этом случае авторство Расина; случай со вторым мадригалом более сложен, поскольку мадригал этот неоднократно печатался среди сочинений Буало, и, следовательно, издательская традиция XVIII в. велит считать его автором не Расина, а Буало. Однако, если Нодье не ошибся в атрибуции почерка Расина, следует признать верной его аргументацию. Современные исследователи, лишенные возможности познакомиться с экземпляром д'Урша, считают авторство Расина сомнительным.

С. 57. ...*достоин Бэкона*... – Бэкон писал о различных методах изложения материала при обучении в трактате "О достоинстве и приумножении наук" (1623, кн. 6, гл. II; см.: Бэкон Ф. Сочинения. М., 1977, т. 1, с. 326–334).

...*предвосхищающий Лейбница*... – Лейбниц считал главным открытием своей жизни "универсальную характеристику"; он стремился создать "оптимальные" знаки, которые выражали бы обозначаемую вещь наглядно, зримо, и обозначить ими все элементы человеческого знания. Знаки эти он называл "характерами", а их совокупность, образующую новый общепонятный язык – "универсальной характеристикой" (см.: Лейбниц Г. Сочинения. М., 1984, т. 3, *passim*).

С. 58. *Мнемотехника* – совокупность приемов, имеющих целью облегчить запоминание: *хиротехника* – зд. техника запоминания с помощью рук.

Из книги "Новые заметки об одной небольшой библиотеке"

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1843, впоследствии вошло в книгу, вышедшую в 1844 г. (посмертно) у Текне под названием "Описание одного превосходного книжного собрания, или Новые заметки об одной небольшой библиотеке".

О стихотворениях Клотильды де Сюрвиле и об их подлинном авторе Ж.-Э. де Сюрвиле Нодье уже рассказывал в "Вопросах литературной законности" (см. наст. изд., т. 1, с. 132–136), однако данная заметка дополняет повествование об этой литературной мистификации некоторыми любопытными подробностями. Что же касается рассказа о первом издании "Приключений Телемака" Фенелона, то его можно назвать образцом книговедческого анализа.

С. 60. ...*число которых издатель умножил*... – В другом месте (Бюллетен дю библиофиль, 1838, заметка о "Стихотворениях"

Клотильды в издании 1803 г.) Нодье поясняет: Ш.Вандербург был не так силен в старом языке, как Сюрвилль, поэтому его архаизмы подчас "выдают неопытность школьника". Отметим, что стихи Клотильды были известны русским современникам Нодье и наиболее искушенные из них поняли, что это "счастливая подделка под старинный слог, но везде виден француз нашего века" (А.И.Тургенев П.А.Вяземскому 20 ноября 1818 г. – Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 151).

С. 61. *...за Шекспира 1623 года...* – В 1623 г. вышло первое собрание сочинений Шекспира.

...подверглось жестоким гонениям со стороны властей... – "Приключения Телемака" Фенелон написал для герцога Бургундского, внука Людовика XIV и дофина Франции, наставником которого был в 1689–1695 гг. По понятиям XVII–XVIII вв. произведение это – эпическая поэма в прозе, по современным понятиям – утопический роман. Фенелон проповедует здесь религиозную и политическую терпимость, резко осуждает войну и крайности абсолютизма (современники остро чувствовали этот пласт содержания романа: так, в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера в статье "Восстание" приведена длинная цитата из Фенелона, объясняющая, каким образом жестокости абсолютной монархии неизбежно приводят к народному восстанию; пример политического провидения Фенелона см. также в наст. изд., т. 2, с.26–28). Фенелон впал в немилость оттого, что король увидел в его книге, "исполненной смелой философии", "язвительную сатиру на прославленное царствование" (так столетие с лишним спустя писал о книге "сладкоречивого епископа" Фенелона А.С.Пушкин); в XVIII в. этот взгляд на "Телемака" как на сатиру, полную намеков на реальных людей, был так распространен, что в Англии и Голландии роман выходил с приложением "ключей", раскрывающих прототипы персонажей. Нодье неоднократно оспаривал эту точку зрения, считая, что Фенелон не опустился бы до "личностей" и намеков (см., в частности, ниже в данной статье). Вообще Нодье ценил Фенелона очень высоко и намеревался писать комментарий к "Приключениям Телемака" (намерение это не осуществилось); дочь писателя вспоминает, что последняя его фраза перед смертью была: "Читайте Тацита и Фенелона". Ж.-Ш.Брюне в 5-м издании своего "Учебника книгопродавца и любителя книг" (1860–1865) назвал гипотезу Нодье, объясняющую историю первого издания "Приключений Телемака", "остроумной", однако не высказал полного согласия с'нею. В истории появления "Телемака" так

мало документальных свидетельств и так много загадок, что дальше гипотез здесь дело не идет.

С. 62. *...выпущенную с привилегией...* – Привилегия, которую власти выдавали авторам и издателям, закрепляя за ними исключительное право на выпуск той или иной книги, – наиболее древняя форма защиты авторов от контрафакций. Первые привилегии во Франции были выданы в начале XVI в.; они давались королем или парламентами на определенный срок; институт привилегий оставался в силе до Великой французской революции.

С. 63. *Фенелон жил в Камбре...* – Фенелон с 1695 г. был архиепископом Камбре.

С. 65. *...почтившего его автора особым доверием...* – В 1689 г. Фенелон был назначен наставником дофина; однако Людовик XIV всегда относился к Фенелону с подозрением, ибо ощущал независимость его воззрений, которые называл "химическими". В 1699 г. дело осложнилось еще и тем, что Фенелон к этому времени стал сторонником квиетизма (религиозного течения, которое проповедовало идеал пассивного подчинения воле бога, вплоть до безразличия к "спасению" собственной души). Официальная католическая церковь резко осуждала квиетистов, и в их числе Фенелона, поскольку их доктрина отрицала страх перед загробным воздаянием – один из мощных рычагов воздействия на паству.

С. 66. О *"Письмах к провинциалу"* см. примеч. к т. 1, с. 151. Они вышли впервые восемнадцатью отдельными брошюрами ин-кварто без указания места и времени издания; брошюры выходили с 23 января 1656 г. по 24 марта 1657 г. В одном томе в 12-ю долю листа "Письма" были выпущены в 1657 г. Эльзевирами в Амстердаме, но на титульном листе книги в качестве издателя был указан "Пьер де Ла-Валле из Кельна".

...пробудить... интерес к первым изданиям наших классиков... – в "Заметках об одной небольшой библиотеке" Нодье писал: "Сейчас подобные собрания еще не в моде, но рано или поздно самые тонкие ценители обратят на них свое внимание. Кто осмелится пренебречь этими свидетельствами нашей литературной славы, этими книгами, в которых даже мельчайшие различия бесценны, ибо раскрывают людям со вкусом интереснейшие тайны творчества и повествуют о том, как с течением времени гений обретает опыт и зрелость? Я горжусь тем, что в моей библиотеке есть несколько таких драгоценных изданий".

С. 67. Переплетчик конца XVIII в. *Брадель* одним из первых во Франции ввел в употребление немецкие картонные

переплеты и составные переплеты, где корешок кожаный, а стонки картонные.

**О совершенствовании рода человеческого
и о влиянии книгопечатания на цивилизацию**

Впервые: Ревю де Пари, 1830, ноябрь.

Идея непрерывного совершенствования человеческого рода была впервые сформулирована во Франции в конце XVII в. в ходе так называемого "Спора о древних и новых". "Древние" отстаивали превосходство античных авторов над современными, "новые" утверждали, что творческие способности человечества постоянно совершенствуются, и потому поэты XVII в. безусловно лучше всех предыдущих. В XVIII веке эту концепцию развили просветители, расширив ее рамки и перейдя от узко литературной проблематики к проблемам социально-историческим; наиболее яркое выражение их идеи нашли в "Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума" (1795) М.-Ж.-А.-Н. де Кондорсе, исходившего из веры в безграничные возможности человеческого разума. В конце 1820 – начале 1830-х гг. идея "совершенствования" явилась во Франции одним из вариантов многочисленных утопических учений. Наряду с сенсимонизмом и фурьеризмом (также исходившими из веры в неостановимый прогресс общества), она легла в основу пользовавшегося большой популярностью труда друга Нодье П.-С. Балланша "Опыты социальной палингенезии" (1827–1829), где проповедовалась вера в решительное перерождение общества, его внезапную трансформацию и переход на высшую ступень. Нодье очень интересовался этой проблематикой, и на рубеже 1830-х годов посвятил ей несколько статей; все они собраны в 5-м томе его "Сочинений" (1832). К идее совершенствования он относился скептически; в статье "О палингенезии человечества" (1832) он высказал мысль о том, что совершенствование рода человеческого возможно лишь за счет радикального его преобразования – перехода от "мыслящего существа" к "существу понимающему", которому будут открыты многие тайны природы; в современном же его виде человечество, по мнению Нодье, совершенствоваться неспособно. Недоверие Нодье к утопическим теориям во многом объяснялось тем, что он видел в них апологию буржуазного технического прогресса, пренебрегающего духовной стороной дела.

Статья "О совершенствовании рода человеческого..." – одна из самых горьких и самых "вызывающих" у Нодье; его реши-

тельное "несовпадение" с современностью проявилось в ней наиболее ясно и трагично (подробнее об этом см. во вступительной статье).

С. 68. *Предки наши не знали слова "совершенствование"...* – Это слово (*perfectibilité*) – неологизм XVIII в., который Академия впервые включила в свой словарь лишь в 1835 г.

"Наши нравы до крайности испорчены..." – Монтень. Опыты. II, XVII.

...обитателя Сатурна, встреченного Микромегасом.. Персонажа философской повести Вольтера "Микромегас" (1752); ее главный герой – гигант, обитающий на планете Сириус; обитатель Сатурна сообщает ему, что у жителей его планеты семьдесят два чувства.

С. 70. *"Нет ничего нового под солнцем"* – Екклесиаст, I, 9.

...игральные карты... при Карле VI.. – Согласно одной из легенд, карты были изобретены в начале XV в., дабы развлечь безумного короля Франции Карла VI. На самом деле карты скорее всего были завезены в Европу из Азии цыганами.

...бумагу из трюпья... до основания Александрии... – Нодье не совсем точен: изобретение бумаги приписывают китайцу Цай Луню и относят его к 105 г. н. э., Александрия же была основана Александром Македонским в 332–331 гг. до н.э. и писали там на папирусах.

...рецепт... приписываемый Шефферу, имеется у Диоскорида.. – Ученик Гутенберга П.Шеффер первым применил многокрасочную печать; греческий врач Диоскорид был автором трактата "О лекарственных средствах", популярного в Европе в XVI–XVII вв.

...книгопечатание... в ходу у китайцев... – В Китае с VII в. существовали ксилографические книги, печатавшиеся с деревянных гравюр; что же касается печатания при помощи литер и ручного печатного пресса, то их изобрел Гутенберг.

С. 70–71. *Д'Аламбер... есть у Бэкона... в трудах Аристотеля...* – В трудах Аристотеля сделана попытка разделить науки по объекту на три области, касающиеся природы, общества и мышления (физика, этика, логика): Ф.Бэкон в трактате "Успехи и развитие знания божественного и человеческого" (1605), вошедшем затем в его книгу "О достоинстве и приумножении наук" (1623) развил иной, субъективный принцип классификации, выдвинутый в эпоху Возрождения; он делил науки по свойствам человеческого интеллекта: триаде "память – воображение – рассудок" соответствовали три группы наук: "история – поэзия – философия". Энциклопедисты, в том числе

Д'Аламбер в "Очерке развития и происхождения наук" (1751), послужившем вступлением к знаменитой Энциклопедии, в самом деле принял схему Бэкона, изменив в ней лишь детали, хотя в их время уже были выдвинуты иные, более дробные классификации. *К.Савиньи* в соавторстве с Н.Бержероном выпустил в 1587 г. книгу "Полная картина всех свободных искусств", где дана классификация всех наук, иллюстрированная гравюрами на дереве.

С. 71. ...мысль, что матери сами должны вскармливать... *Жан-Жака Руссо*... о *Сцеволе де Сен-Марте*... – Сцевола де Сент-Март был автором латинской поэмы в 3 книгах "О вскармливании детей грудью" (1584), которая при жизни автора была очень популярна, однако во второй половине XVIII в. отказ от кормилиц вошел в моду благодаря авторитету Руссо (роман "Эмиль", 1762).

...бедный немец по фамилии *Фейнайгль*... – Фейнайгль в 1806 г. вывез из Германии метод тренировки памяти, основанный на своего рода мнемонической символизации: для запоминания идеи следовало связывать ее с определенными знаками. Немецкое издание "Мнемоники" Фейнайгля вышло в 1811 г., за ним последовали английские издания; французская брошюрка на эту тему вышла около 1807 г.

Петрус из Равенны выпустил в 1492 г. сочинение "Феникс, или Об искусственной памяти" (на латыни).

Джордано Бруно посвятил вопросам тренировки памяти сочинение "О тенях идей" (1582); Г.Гратароли был автором книги "О восстановленной памяти" (1553).

С. 72. "Риторика для Геренния" (ок. 85 до н.э.) – первый после Аристотеля связанный курс риторики, который в XIX в. ошибочно приписывали Цицерону; сам Цицерон рассуждал о "науке памяти", изобретенной древнегреческим философом Симонидом Кеосским, в трактате "Об ораторе" (кн. II, 350–360).

Ж.Жакото около 1818 г. изобрел метод "всеобщего образования и умственной эмансипации", с помощью которого "можно было бы научить чему-либо, например языку, которого вы сами не знаете!" (так охарактеризовал метод Жакото анонимный рецензент "Литературной газеты" Дельвига и Пушкина 10 февраля 1830 г.). Метод вызвал оживленную полемику и имел немало противников, к числу которых принадлежал и Нодье, считавший, что теории Жакото поощряют распространение полуобразованности, а то и полного невежества.

С. 73. *Аграрными законами* назывались в Древнем Риме все

постановления, согласно которым неимущим гражданам давались в вечную собственность земли на вновь завоеванных территориях; однако вплоть до начала XIX в. под римскими аграрными законами европейские историки понимали требование уравнительного дележа земель, уже принадлежавших римским гражданам; Нодье имеет в виду второе значение.

С. 75. *...сравните разные переходные эпохи...* – Нодье имеет в виду переход от язычества к христианству (борьба с поитеизмом) и переход от средневекового богословия к ренессансному гуманизму.

...мощный львиный коготь цивилизации... – Обыгрывается латинская поговорка "по когтю льва узнают", то есть "по руке узнают мастера".

Какой новый Гомер затмил старого Гомера? – Аргументы такого рода охотно использовали в XVII в. сторонники "древних", которые не хотели признать, что литература Нового времени если и не выдвинула нового Гомера, то создала произведения в своем роде тоже гениальные. Библиофилы первой половины XIX в. живо интересовались этой проблематикой (сравнение новоевропейской и античной литератур) – ведь эпоха возникновения книгопечатания была той самой, когда началось "возрождение" античной литературы. Так в "Рассуждении о выборе книг" Г.Пенью (1823), которое рецензировал Нодье (см. наст. изд.), несколько страниц посвящено сопоставлению века Людовика XIV с веком Августа в пользу последнего; любопытно, что на полях экземпляра с экслибрисом кн. В.Ф.Одоевского (ГБЛ, шифр S $\frac{20}{55}$, т. 1, с. 271–272, 274) все эти рассуждения отмечены восклицательным знаком (чернилами XIX века).

С. 77. *Алкала* – город в Испании, где находился известнейший в XVI в. университет, основанный в 1500 г. кардиналом Хименесом де Сиснеросом; по его инициативе здесь в 1515 г. была напечатана Библия на четырех языках

...китайцы стали уничтожать книги... – При императоре Китая в 221–210 гг. до н.э. Цинь Ши-Хуанди, противнике конфуцианства, была сожжена вся гуманитарная литература и казнено более 400 ученых. Печатные книги в эту эпоху в Китае еще не было (см. выше примеч. к т. 2, с. 70).

Бунт против книг... – Имеется в виду уничтожение старых книг (наследства аристократии) во время Великой французской революции (ср. в примеч. к т. 2, с. 200).

С. 78. *...Александр хранил в шкатулке Дария...* – Этот неоднократно упоминаемый Нодье факт описан у Плутарха ("Сравнительные жизнеописания", Александр, XXVI).

...*Енох высек на скале...* – см. примеч. к т. 1, с. 122.

Библиотека Птоломеев... – см. примеч. к т. 1, с. 41.

Век Перикла (V в. до н.э.) и *век Августа* (кон. I в. до н.э. – нач. I в. н.э.) – самые блестящие эпохи в развитии древнегреческой и древнеримской культуры.

...*две плеяды гениальных людей... в стадо ловких плагиаторов...* – Имеются в виду "Плеяда" Ронсара и Дю Белле – французская поэтическая школа эпохи Возрождения, представители которой, поэты-гуманисты, в своих языковых реформах ориентировались на греческий и латынь, и "плеяда" классиков XVII в., которых Нодье, признавая их гений и восхищаясь ими, осуждал тем не менее за отказ от национальной и исторической самобытности (так, он писал в 1823 г. о Расине: "Кроме языка, в Расине нет ничего национального, это поэт греческий либо древнееврейский. <...> В нем есть все, кроме того, что потребно сердцу француза, – кроме наших родных песен, благородных летописных преданий и чарующих вымыслов наших легенд" – цит. по: *Bulletin du bibliophile*. 1862. P. 1126).

Страны, где избылиуют переводы... – Нодье не всегда относился к переводу столь враждебно; в статье "Интеллектуальное и литературное движение при Директории и Консульстве" (1834) он очень высоко оценивал деятельность П.Летурнера, познакомившего Францию с Шекспиром и внесшего тем самым во французскую литературу XVIII столетия свежую струю; переводчик здесь даже назван "истинным революционером в литературе"; таким образом, оценка перевода зависит у Нодье прежде всего от конечного результата – влияния переводного произведения на литературную ситуацию.

С. 79. "*Дафнис и Хлоя*" – см. примеч. к т. 1, с. 99.

"*Дон-Кихот*" в переводе *Филло де Сен-Мартена* вышел в 1681 г. у К.Барбена; перевод этот не отличался большой точностью, но, по-видимому, привлекал Нодье простотой и свежестью тона.

...*наш прославленный переводчик "Георгик"*... – Делиль; его перевод вышел в 1769 г.

С. 80. ...*утраченных декад Тита-Ливия и стихов Вария...* – См. примеч. к т. 1, с. 123.

...*трактата Цицерона "О славе"*... *трактата Брута "О добродетели"* – см. наст. изд., т. 1, с. 113 и примеч. к с. 124.

Бавий и *Мевий* – бездарные римские поэты, противники Вергилия; *Зоил* – греческий софист, известный своими яростными нападка на Гомера.

С. 81. *Цицерон* получил титул "*отца отечества*" за то, что раскрыл и ликвидировал заговор Катилины (63 до н.э.).

...с лика целомудренной Исиды... – Покровы Исиды (в древнегипетской мифологии богини плодородия, воды и ветра) – любимая романтиками аллегория невозможности познать тайны природы (ср. тот же мотив в неоконченной повести немецкого романтика Новалиса "Ученики в Саисе", 1798–1799).

С. 82. ...подобны пещере Трофония... – Трофоний (греч. миф.) – беотийский герой, прорицавший в Лейбадейской пещере, где всякий, узнав свою судьбу, приспосабливался ужаса.

О переплетном искусстве во Франции в XIX столетии

Впервые: "Тан", 4 июля 1834 г.; "Бюллетен дю библиофиль"; 1834. № 6.

С. 83. ...с выставкой промышленных товаров. – Первая такая выставка состоялась во Франции в 1798 г.; в ней было всего 110 участников, однако постепенно промышленные выставки стали приобретать гигантский масштаб; первая выставка при Июльской монархии открылась в 1834 г., то есть в том году, когда написана комментируемая статья.

...жаворонок, воспетый Ронсаром... – Ронсару принадлежат "Ода жаворонку" (1555) и "Жаворонок" (1556).

С. 84. Зеркало для ловли жаворонков – устройство из нескольких маленьких зеркал, которые нужно поворачивать в солнечный день так, чтобы блеск его привлекал птиц.

...Александра, хранившего рукописи Гомера... – См. примеч. к т. 2, с. 78.

...Лабрюйер называл... кожейнями... – Лабрюйер. Характеры, XIII, 2.

С. 85. "Разговоры запросто" Эразма Роттердамского были впервые изданы базельским типографом Иоганном Фробеном по записям учеников Эразма в 1518 г.; первое авторизованное издание вышло в 1519 г. и до 1533 г. неоднократно переиздавалось с дополнениями автора. Парижское издание С. де Колина вышло в 1531 г.

О книгах Генриха II и его возлюбленной Дианы де Пуатье, а также о книгах Гролье, де Ту и д'Юрфе см. подробнее в наст. изд., т. 2, с. 152–155 и примеч.

С. 86. Господин Дибдин... принял... финансиста за переплетчика... – См. примеч. к т. 2, с. 22.

П.Монторону Корнель посвятил в 1640 г. свою трагедию "Цинна", за что получил от этого финансиста-мецената крупную сумму денег. Госпожа Жоффрен помогла деньгами и подарками не одному Д'Аламберу (которому оставила в наследство 2000 ливров ренты), но и многим другим небогатым литераторам, которых называла "мой зверинец".

Королевский альманах выходил с 1679 г. и содержал списки всех европейских монархов и главных административных деятелей Франции.

...*право быть избранным...* – По закону, принятому в 1831 г., это право при Июльской монархии имели те, кто платил 500 франков прямого налога, а право избирать – те, кто платил 200 франков.

С. 87. ...*полагают, что все к лучшему...* – Реминисценция из повести Вольтера "Кандид" (1759), где в словах философа Панглосса о том, что "все к лучшему в этом лучшем из миров" пародирована оптимистическая философия Лейбница.

С. 88. *Каптал* – тканевая лента с утолщенным краем, наклеиваемая на верхний и нижний край обрезанного книжного блока; *кашировать* – отгибать корешки крайних тетрадей книжного блока.

...*Впрочем, мне сие не грозит...* – В конце XIX в. историк книги романтической эпохи Л. Дером опроверг это утверждение Нодье; он, в частности, описывает экземпляр отдельного издания сказочной повести Нодье "Трильби" (1822) в роскошном переплете из фиолетового сафьяна с узорами и позолотой, характерными для эпохи Реставрации, что свидетельствует о том, что книга была переплетена еще при жизни Нодье.

...*сильное влечение к прошлому... мы ведь были на верном пути...* – Слова о "верном пути" безусловно ироничны; Нодье было глубоко симпатично "попятное устремление мысли", обнаруживавшееся у некоторых его современников (подробнее см. во вступительной статье).

С. 90. *Ж.-А. Крапле* в 1816–1830 гг. выпустил 13-томное "Собрание старинных памятников французской литературы", где опубликовал многие произведения впервые (по рукописям); между прочим, именно Крапле издал книги Нодье "Заметки об одной небольшой библиотеке" и "Вопросы литературной законности" (2-е изд.).

О *Ж.-Ж. Текне* и *Ж. Крозе* см. в наст. изд., т 1, с. 40–41 и примеч.

Ж. Тувенен, скончавшийся 3 января 1834 г., был любимым переплетчиком Нодье. В 1819 г. он сделал писателю для старинного сборника факций "Фанфары" переплет в ренессансной манере (вся поверхность, кроме центрального медальона, покрыта узорами); впоследствии по названию этого сборника все переплеты XVI в., оформленные таким образом, стали называться "переплетами с фанфарами".

С. 90–92. "Вафельные" накатки позволяли оттискивать узор

на переплете не вручную, а с помощью пресса; изобрел "вафельный" переплет около 1810 г. переплетчик Куртеваль, а Тувенен нередко злоупотреблял этим способом украшения переплета.

С. 92. ...в отношении сырья, которого мы лишены... – По-видимому, имеются в виду таможенные законы, ограничивавшие ввоз во Францию различных товаров из-за границы (ср. примеч. к т. 2, с. 98) и затруднявшие переплетчикам доступ к хорошему сафьяну.

С. 93. *Бозонне*... – Ср. свидетельство русского поклонника этого переплетчика, относящееся к 1847 году: "Бозонне <...> более всех знаменитый, переплетает уже только по протекции, и то еще весьма сильной и сопряженной со многими искательствами. Переплеты его отличаются такою изящною простотой, таким благородством украшений, щегольством и вкусом, что когда держишь книгу его в руках, кажется, держишь драгоценную вещь" (Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. С. 160).

<О тематических библиотек>

Впервые – Тан, 14 декабря 1834 г.; Бюллетен дю библиофиль, 1834, № 11. Вторая часть статьи "О масонстве и тематических библиотек".

Первая, опущенная здесь часть статьи представляет собой обзор библиотеки ученого-лингвиста, масона Андре Жозефа Этьена Леружа, включавшей многочисленные книги по истории средневековых цеховых организаций (предшественниц масонских лож) и других тайных обществ. Нодье, впрочем, полагал, что Леружу стоило расширить рамки своей коллекции и ввести в ее состав священные книги всех народов и труды философов от Сведенборга до Сен-Симона. Во второй части от обсуждения состава библиотеки Леружа Нодье переходит к более общему разговору о принципах подбора тематических библиотек и об их значении.

С. 97. "Газета полезных сведений" издавалась в 1831–1835 гг. предприимчивым журналистом Э. де Жирарденом, который за счет общедоступности изложения и дешевизны (4 франка в год) сумел достичь рекордного для тогдашней Франции числа подписчиков – 130 тысяч.

Эпидавр – город в Древней Греции, близ которого находился храм бога врачевания Асклепия, куда отовсюду сходились больные; *Кос* – остров в Греции, в древности знаменитый своей школой врачей, главой которой был уроженец этих мест Гиппократ; на Косе также располагался храм Асклепия.

С. 98. *...вырастали Тихо Браге... Паскаль...* – Почти все перечисленные ученые вовсе не были людьми, сведущими лишь в одной-единственной науке; Нодье скорее всего имеет в виду их преданность науке в широком смысле слова и равнодушие к политическим дрязгам.

...права быть избранным. – См. примеч. к т. 2, с. 86.

...закон о таможенных... – Проект этого закона 5 февраля 1834 г. предложил Палате депутатов А.Тьер, в ту пору министр торговли и общественных работ; речь шла о том, чтобы сделать таможенный налог гибким экономическим рычагом и уменьшить количество товаров, запрещенных для ввоза. Принят этот закон был в июле 1836 г.

Гербовый сбор с газет был законом от 14 декабря 1830 г. уменьшен сравнительно с эпохой Реставрации (не больше 6 сантимов в день).

Бюджет министерства полиции обсуждался в начале 1830-х гг. в Палате депутатов в ходе дискуссии о необходимости голосовать при утверждении государственного бюджета за каждую статью в отдельности, а не за всю сумму в целом.

...«Высоко ли вы свили гнезда?» – Финальная фраза "Предсказанная Пантагрюэля на 1533 год" (ср. в наст. изд., т. 2, с. 44); в этой пародии на пророчества Рабле предсказывает общеизвестные вещи вроде того, что зимой скорее всего будет холодно, и в связи с этим предупреждает "курочек", чтобы они вили гнезда повыше.

...что знал Сократ... – В платоновской "Апологии Сократа" (236) бог говорит: "Из вас, люди, всего мудрее тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего поистине не стоит его мудрость".

С. 100. *...коллекция господина де Солейна...* – Каталог этой коллекции, составленный Библиофилом Жакобом (П. де Лакруа) вышел в 1843–1845 гг. (Т. 1–9).

С. 101. *...в четвертом томе... «Учебника» г-на Брюне...* – В 4-м томе во 2-м и 3-м издании (1814–1820) помещался предметный указатель (ср. в наст. изд., т. 2, с. 226).

"Библиотека крестовых походов" Ж.-Ф.Мишо выходила в 1813–1822 гг. (т. 1–7); последние два тома занимает "Библиография крестовых походов", где дан анализ всех западных и восточных хроник, посвященных крестоносцам. Описательную часть труда Мишо Нодье сравнивает с описанием Троянской войны у Гомера, а библиографическую – с "Мириобиблионом, или Библиотекой" Фотия, первым средневековым библиографическим сочинением.

"Письма о профессии адвоката" с приложением "аннотиро-

ванного каталога книг, полезных адвокату”, *А.-Г. Камю* впервые издал в 1772 г.; затем они неоднократно переиздавались. *А. Дюпен* коренным образом переработал библиографию для посмертного издания 1818 г.

С. 102. Каталог библиотеки *Лавальера* состоит из двух частей; первая, составленная Дебюром-младшим, вышла в 1783 г. и включает рукописи, первоиздания, редкие и превосходно сохранившиеся издания; 2-я часть (Т. 1–6), составленная Ньюном-старшим, вышла в 1788 г.

А.-М. Борромео опубликовал каталог своей коллекции старых итальянских авторов, преимущественно новеллистов, в 1794 г. (благодаря остроумным комментариям составителя книга имела большой успех и даже вышла 2-м изданием).

О книге *Б. Гамбы* см. примеч. к т. 1, с. 170.

”Библиография итальянских рыцарских романов и поэм” *Г. Мельци* вышла в 1829 г.

М. Мэттер выпустил библиографию латинской литературы в 1713 г. (т. 1–2); каталог ”Греческой и латинской библиотеки” графа *Ревизки* вышел в 1784 г. (2-е, дополненное издание – в 1794 г.); каталог редких книг и рукописей из собрания *Э. Эскью* вышел в 1775 г.

Каталог библиотеки маркиза *де Куртанво*, в которой особенную ценность представлял раздел путешествий, вышел в 1782 г.; каталог библиотеки *Ш. Л. Леритье де Брютеля*, ценный книгами по ботанике, – 1802 г.

Ж. Лелон в 1719 г. выпустил ”Историческую французскую библиотеку, содержащую каталог печатных книг и рукописей, прямо или косвенно относящихся к истории французского королевства”, включающую семнадцать с половиной тысяч наименований.

...к каталогам *Лансло и Фонтетта*.. – В первом случае имеется в виду либо обширный сборник документов, подготовленный *А. Лансло*, – ”Записки, касающиеся пэров Франции” (1720), либо каталог библиотеки *Лансло*, составленный *Г. Мартеном* (1741); во втором – новое, дополненное издание ”Исторической библиотеки” *Лелона*, которое задумал и частично подготовил *Ш.-М. Февре де Фонтетт*; после смерти ученого работу завершил коллектив его помощников. Новое издание, состоявшее из 5 томов, вышло в 1768–1778 гг. и включало около 50 тысяч наименований.

Л.-М. Ланглес в 1807 г. выпустил ”Каталог рукописей на санскрите, хранящихся в Императорской библиотеке” (эта книга имела в Нодье).

С. 103. *Камилла* – воительница из племени вольсков, описанная в "Энеиде" (VII, 803–817).

Любопытные образцы статистики

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1834, № 17.

С. 104. *Статистика* употребляется здесь в старинном значении – как "наука о силе и богатстве государства, о состоянии его в данную пору; история и география в известный срок" (В.И. Даль).

С. 105. ...*мнемоника*... – Обо всех названных ниже авторах, писавших о мнемонике или науке о совершенствовании памяти, см. примеч. к т. 2, с. 71.

...*теориями Бэкона, переделанными Д'Аламбером... Савиньи и Луи Леруа*... – См. примеч. к т. 2, с. 70–71 и т. 1, с. 107.

Дени Папен опубликовал описание изобретенной им паровой машины в 1695 г., а *Д.Уатт* получил патент на свою паровую машину в 1784 г.

...*предсказан у Сирано де Бержерака*... – Имеется в виду книга Сирано "Иной свет, или Государства и империи Луны" (подробнее см. в примеч. к т. 2, с. 139–140).

Л.Тюрке де Майерн, французский протестант, бежавший в Швейцарию от преследований за веру, был автором книги "Аристо-демократическая монархия, или Смешанное правление, состоящее из трех форм законной республики" (1611).

С. 106. ...*идея создать... "омнибус"*... – Мысль о новом дешевом способе передвижения (многоместные "кареты по пять су") возникла у Паскаля в 1661 г.; первый маршрут открылся в Париже в марте 1662 г.; название "омнибус" (лат.: для всех) эти экипажи получили в 1825 г., а до того именовались просто каретами.

Парламент – зд. высшее судебное учреждение во Франции до Революции.

С. 110. Один *пистоль* равнялся 10 ливрам, или 1/10 нового франка, введенного в обращение после Великой французской революции 1789–1794 гг.; одна *гиней* – приблизительно 25 ливрам, или одной четверти нового франка.

Сент Аман или Фаре... – Почтенный литератор Фаре, один из первых членов Французской академии, был обязан репутацией гуляки друзьям-поэтам, которые охотно рифмовали его фамилию с "кабаре"; среди этих друзей был и поэт Сент-Аман, известный своей любовью к крепким напиткам.

Кабаре "Сосновая шишка" было построено в середине XV в. на улице Жюиври, напротив разрушенной в 1789 г. церкви

Мадлен, неподалеку от собора Парижской богородицы; здесь часто бывал Вийон, Рабле сочинял здесь свой знаменитый роман, любили это заведение и поэты XVII в., особенно те из них, что отличались скептическим складом ума и вольномыслием.

С. 111. *..Шапель... Буало...* – По преданию, рассудительный Буало однажды повстречал на улице гуляку Шапеля и стал уговаривать его вести более трезвый образ жизни; Шапель предложил другу продолжить разговор в более удобном месте и привел его в трактир, где напоил проповедника трезвости до бесчувствия. Нодье цитирует посвященный этому случаю "Куплет Шапеля к Депрео". В 1825 г. он опубликовал со своим предисловием книгу Шапеля "Путешествие Шапеля и Бошамона".

Двенадцать пэров... – легендарные фигуры (по мнению историков, такого числа советников у императора не было).

С. 112. *...десять турецких ливров...* – Разделение на турецкие и парижские ливры существовало во Франции до 1667 г. (парижский был на 25 процентов дороже турецкого); а затем единственной неполноценной монетой (то есть монетой, условно приравненной к золоту) стал турецкий ливр.

"Сид" Корнеля был поставлен в 1636 г.

..аркейских нимф... – Аркей – городок в окрестностях Парижа.

...из Коррозе... Сен-Виктора... – Нодье перечисляет литераторов XVI–XIX вв., оставивших труды по истории Парижа.

С. 113. Книга *К.Фюше*, "содержащая имена и перечень произведений 127 французских поэтов, живших до 1300 года", вышла в 1581 г.

Сатиры, опубликованные в связи с первым изданием "Словаря Французской академии"

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1835, № 19.

Нодье всю жизнь интересовался словарями и как теоретик, и как практик (он – автор "Толкового словаря ономастических", 1808, и "Критического рассмотрения французских словарей", 1828; он же в 1834 г. переиздал с дополнениями словарь французского языка, впервые выпущенный Буатом в 1800 году; в 1841 г. в "академической" среде ходили слухи, что он работает над "Историей слов" – "любопытным и серьезным сочинением, написанным пером человека остроумного, – подлинным памятником" – Dino D. Chronique, P., 1910. Т. III. P. 57). К нормативным претензиям лексикографов Нодье относился скептически; основной порок академического словаря он видел в том, что

словарь этот сковывает язык, кладет ему искусственный предел. Нодье ценил словари как средство, позволяющее сохранить все накопленные языком богатства, он был убежден, что, хотя этого лексикографы или нет, все слова и выражения, какие когда-либо употребил какой-либо писатель, обязательно должны быть зафиксированы в словарях, и мечтал о создании "Всеобщего словаря французских классиков", разумея под языком классиков не приглаженный и старательно очищенный "высокий штиль", а реальный литературный язык.

Комментируемая статья продолжает две другие, опубликованные в том же номере журнала "Бюллетен дю библиофиль" и являющиеся рецензиями на только что вышедшее 6-е издание "Словаря Французской академии". В ней Нодье рассказывает о сатирических книгах-памфлетах, посвященных первому изданию академического словаря. Вышло оно в 1694 году, однако академики работали над ним практически с 1634 года, когда была создана Академия, и критические суждения по их адресу раздавались, как пишет Нодье, "когда словарь еще не успел выйти в свет и даже еще не был окончен".

С. 114. *...лять сотен государственных мужей...* – Возможно, намек на заседания Совета Директисот – законодательного органа в период правления Директории (1795–1799); спором о значениях слов Нодье, возможно, иронически именуется политические дискуссии.

...критика легка... – Цитата из комедии Детуша (наст. имя и фам. Филипп Нерико; 1680–1754) "Тщеславный" (1732; д. 2, явл. 5).

С. 115. *...Пелиссон зачислил в разряд фарсов...* – В своей "Истории Французской академии с основания до 1652 года" (1653) П.Пелиссон причисляет "Комедию академиков" Сент-Эвремона и "Прошение словарей" Менажа к тем редким книгам, которые, хотя и направлены против академии, заслуживают тем не менее сочувственного внимания, и признает, что в комедии Сент-Эвремона немало остроумных замечаний.

"Беседа маршала д'Окинкура и отца Каная" (1669) была впервые опубликована в составе "Сочинений" Сент-Эвремона, однако в XIX в. автором ееистики литературы почти единодушно считали поэта Шарлеваля; оба собеседника, упомянутые в заглавии, – лица исторические. Они стоят друг друга: маршал был известен как чрезвычайной отвагой, так и столь же беспримерной бездарностью в военном деле, да к тому же был замешан в неблагоприятных сделках (предлагал противнику, что за определенную сумму сдаст ему обороняемый город); иезуит отец Канай,

вероятно, нарисованный в диалоге "с натуры", признается, что ему и его собратьям по ордену безразличны теологические тонкости, все споры со своими основными противниками, янсенистами, они ведут лишь для того, чтобы завладеть умом и душой прихожан. Диалог этот, разоблачавший религиозные дразги в тоне, которым впоследствии мастерски владел Вольтер, пользовался во Франции огромной популярностью.

...в бурлескной манере... – См. примеч. т. 2, с. 144.

С. 116. *С.-Л. Марль* в 1826 г. основал "Грамматическую и дидактическую газету" для пропаганды задуманной им реформы орфографии; он предлагал писать все слова, "как слышится". О "реформе Вольтера" см. примеч. к т. 1, с. 40. О Фюретъере и его конфликте с академией см. в примеч. к т. 1, с. 101.

С. 117. *Что касается Лафонтена...* – В первой "Записке" имя Лафонтена, до истории со словарем большого друга Фюретъера, не названо вовсе; во второй он фигурирует уже в подзаголовке, где перечислены все литераторы, оклеветавшие Фюретъера; Лафонтену здесь предъявлено обвинение в том, что из-под его пера выходят бездарные пьесы и развращающие читателя стихотворные сказки.

...циничной памяти Таллеман де Рео... – В "Занимательных историях", которые де Рео создавал в 1650-х гг. (1-е изд. – 1834–1835), описан "домашним образом" светский и литературный быт XVII в., причем содержание этих "историй" нередко весьма вольное.

С. 118. *Портрет Кино...* – Творчество Ф. Кино, популярнейшего драматурга второй половины XVII в., автора "опер", то есть пьес, музыку к которым сочинял знаменитый композитор Люлли, было предметом ожесточенной полемики в ходе "Спора о древних и новых": "новые" выдвигали Кино как надежду и опору своей партии, "древние" (Буало) считали его слабым писателем, способным сочинять не более, чем либретто для опер. Кино был сыном булочника, на что и намекает Фюретъер, к большой досаде поклонников драматурга, которые всячески старались объявить эту версию клеветой.

Подобно Буало... форму язвительного покаяния... – Имеется в виду IX сатира Буало "К уму моему" (1667), где поэт притворно раскаивается в своих сарказмах и превозносит своих литературных противников.

С. 119. *...замечание старика Гесиода...* – "Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник, // Нищему нищий, певцу же певец соревнует усердно" (Гесиод. Работы и дни, 25–26; перевод В. Вересаева).

"Мемуары" Бомарше (1773–1774) – четыре памфлета, посвященные судебному процессу, с помощью которого противник Бомарше, граф Лаблаш, разорил его.

..."*Роды Академии*"... – Полное название этого произведения – "План и замысел аллегорической и трагико-бурлескной поэмы, именуемой Роды Академии"; Фюретьер здесь ограничивается прозаическим пересказом придуманного им сюжета, ибо, пишет он, на окончательное завершение ему понадобилось бы целое столетие – столько, сколько потребуются академии для завершения ее словаря. Обыгрывая претензии академиков, упрекавших его в том, что он нарушил их монопольное право на издание словаря французского языка, Фюретьер описывает смуту, которую произвела в царстве Муз богиня Монополия.

"*Аллегорическая повесть...*", рассказывающая о борьбе Принцессы Красноречивой с Принцем Абсурдом, вышла в 1658 г.

С. 120. Аллегорическая "*Карта Страны нежности*" была приложена к прециозному роману Мадлен де Скюдери "*Клелия*" (1654–1661, т. 1–10).

"*Подражателей рабское стадо*" – Гораций. Послания, I, 19, 17–20.

"Французский словарь" *Ришле* вышел в 1680 г.; в первое издание включены многие непристойные выражения с любопытными примерами; Ришле вообще был равнодушен к этой стороне языка и даже сочинил специальный "*Бурлескный словарь*", но, по приказу духовника, сжег рукопись.

Аббат д'Артиньи выпускал свои "*Новые записки по истории, критике и литературе*" в 1749–1756 гг.

С. 121. О "*Всемирной биографии*", см. примеч. к т. 1, с. 59.

..."*грядущие Сомезы*"... – Буало, Сатиры, IX, 64. А.Сомез составил словарь прециозного языка (1660).

С. 122. "*Без изволения Минервы и стыдливости*" – неточная цитата из Горация (Наука поэзии, 385).

"*Сказки и речи Этрапеля*" (1585) – сборник гривуазных новелл Ноэля дю Файля (ок. 1520–1585); о "*Способе выйти в люди*" см. примеч. к т. 2, с. 33.

Библиография безумцев

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1835, № 22, 23.

Фигура безумца тревожила воображение Нодье на протяжении всего его творческого пути; причем отношение писателя к безумцам всегда представляло собой сложный комплекс притяжения и отталкивания. С одной стороны, все любимые герои

Нодье – чудачки, бесребреники, которых окружающие нередко принимают за умалишенных, художники, прогивостоящие миру торгашей, фантазеры, способные постичь красоту мира. К "безумцам" такого рода относятся едва ли не все любители книг у Нодье; прежде всего – Теодор из "Библиомана". Нодье любит Теодора, восхищается его преданностью книгам; с его точки зрения, гораздо лучше быть помешанным на старых книгах, чем на политике, – однако он же делает своего героя жалким, смешным. В этом проявляется другая грань отношения писателя к безумцам: Нодье, любивший подчеркнуть свое здравомыслие, свою непричастность к романтическим "неистовствам", спешит отмежеваться от безумцев и маньяков – любимых героев романтической школы. Поэтому тон статьи "Библиография безумцев" – сдержанно-иронический: Нодье безусловно очень дорожит книги, о которых он пишет, и авторы их вызывают у него жгучий интерес, но он стремится замаскировать свою тягу к ним.

С. 123. О "*Способе выйти в люди*" см. примеч. к т. 2, с. 33.

С. 124. О *Кардано* и его увлечении астрологией см. примеч. к т. 1, с. 167.

Сальпетриер – парижская больница, в 1796–1823 гг. лечебница для умалишенных; *Шарантон* – больница для умалишенных в окрестностях Парижа.

С. 125. ...*абдериты...* чуть не *отправили туда же Демокрита*. – Реминисценция из басни Лафонтена "Демокрит и Абдериты" (VIII, 26), где рассказывается о том, как жители Абдеры позвали великого врача Гиппократу, дабы он излечил помешавшегося на чтении Демокрита, а Гиппократ с удовольствием предался ученой беседе с мудрым философом.

С. 126. ...*звали Франциск Колумна...* – О Колумне и его книге см. подробнее в примечаниях к одноименному рассказу; отметим, что в статье тон, каким Нодье говорит о сочинителе "Сна Полифила", гораздо менее сочувственный и более насмешливый, чем в рассказе. Положенные рядом, рассказ и статья хорошо показывают то многогранное отношение Нодье к литераторам-безумцам, о котором говорилось выше.

С. 127. *Гийом Постель* был человеком незаурядных способностей; он знал многие восточные языки и пользовался известностью как востоковед, путешествовал по Греции, Малой Азии и Сирии, где изучал древние рукописи, в 1539 г. стал преподавателем математики и восточных языков в Коллеж де Франс (парижском учебном заведении для вольнослушателей) и опубликовал немало ценных филологических трудов. Однако в начале

1540-х гг. его постигла душевная болезнь, приведшая к написанию тех причудливых произведений, о которых рассказывает Нодье.

С. 128. *Менильмонтанский конклав* – сенсимонисты (в парижском квартале Менильмонтан после 1830 г. располагалась их "штаб-квартира"). О причинах настороженного отношения Нодье к учению Сен-Симона см. в статье "О совершенствовании..." и в преамбуле к ней.

С. 129. *В конце концов он попал ко мне.* – В "Новых заметках об одной небольшой библиотеке" Нодье уточняет, что на распродаже собрания Маккарти (1817) он не смог купить книгу, и ее за 400 франков приобрел некий англичанин; лишь спустя годы Нодье удалось купить ее у одного английского собирателя.

С. 130. ...о "*Квинтэссенции*"... *сьера Демона*... – О книгах Демона см. подробнее в наст. изд., т. 2, с. 45–49.

С. 131. ...*двух-трех великих людей, которых я превознес до небес*... – Намек на представителей новой, романтической школы, прежде всего, – на ее главу Виктора Гюго. Нодье печатался в журнале "Мюз франсез" ("Французская муза"), положившем начало консолидации французских романтиков, дружил с Гюго и оказал на него немалое влияние, однако крайности новой школы его отпугивали, и на рубеже 1830-х годов в отношениях его с Гюго наступило охлаждение; этому немало способствовало появление в газете "Котидьен" 1 ноября 1829 г. статьи Нодье о Байроне с критическими "шпильками" в адрес Гюго и его сборника "Восточные стихотворения"; на следующий день Гюго прислал Нодье обиженное письмо: "И вы тоже, Шарль?!"

С. 132. *Ванвр* – городок к юго-западу от Парижа, где располагалась психиатрическая лечебница, основанная в 1821 г. врачами Вуазеном и Фальре.

С. 133. ...*Никола Жубера по прозвищу Козодой*... – Прозвище это с XV в. употреблялось для обозначения шутов и "капитанов" из итальянской комедии; *Никола Жубер*, обладатель титула "Князь дураков", дававшего право возглавлять актерскую труппу "Беззаботные ребята", прославился долгим судебным процессом с труппой театра "Бургундский отель" (спор шел о месте и времени представлений).

...в "*Наименовании и Сборнике всех своих сочинений*"... Блюэ д'Арбер издавал свои сочинения в виде небольших брошюр – двенадцатую долю листа, носящих номера с 1 до 140, которые затем были собраны в один том; полного комплекта нет ни в одной библиотеке мира (тем более что номера 86–90, по-видимому, не вышли вовсе).

С. 134. ...*Энциклопедии... книги ничуть не более разумной...* – В статье о Дидро (1830), написанной с нескрываемым восхищением, Нодье показал, какую важную роль сыграли произведения Дидро в обновлении французской прозы; однако к философскому оптимизму просветителей и к их попытке представить в Энциклопедии исчерпывающую картину человеческих знаний Нодье относился скептически – отсюда эпатирующее сопоставление Энциклопедии с сочинениями Блюэ д'Арбера.

В.Жамере-Дюваль, известный нумизмат и знаток древностей, мальчишкой пас индюков; когда хозяин прогнал пастушонка, его приютили монахи; у них мальчик выучился грамоте и разным наукам, а потом, благодаря покровительству герцога Лотарингского, получил фундаментальное образование у иезуитов и стал крупным ученым (с 1748 г. был хранителем императорского музея медалей в Вене).

С. 135. *Женевский гражданин* – Ж.-Ж.Руссо.

С. 137. *Вкуси Малерб подобных щедрот...* – Генриху IV очень понравились стихи Малерба, но из скупости он определил поэта на службу не к себе, а к господину Бельгарду, высокопоставленному придворному, и лишь после смерти короля поэт стал получать пенсию от королевы Марии Медичи. Как рассказывает его первый биограф Ракан, Малерб снимал скромную меблированную комнату, где стояло всего несколько стульев. Если в гости к нему собирались литераторы и стульев не хватало, он запирает дверь и больше никого не впускал, полагая, что лучше вовсе не пустить гостя, чем заставить его стоять.

С. 138. *Тестон* – старинная серебряная монета (XVI–XVII вв.).

...*о которых говорит Рабле...* – См. Пролог к IV книге "Гаргантюа и Пантагрюэля". В оригинале слово *Jans pill'hommes*, которое у нас переведено как "Жан-грабилка", является искаженным *gentilhomme* – дворянин.

С. 139. ...*господину Мишо, вовсе позабывшему о нем...* – Во "Всемирной биографии" Л.Г.Мишо статья о Блюэ д'Арбере отсутствует.

Антуана *Гайяра* Нодье причислил к безумцам скорее всего "ради красного словца". О его душевной болезни сведений нет; более того, возможно, что его имя и биография – всего лишь литературная маска, на самом же деле автором "Сочинений" Гайяра (1634; это издание было в библиотеке Нодье) был некий знатный господин, бурлескный поэт вроде Клода де Шольна (см. в наст. изд. с. 142–147).

...*Ротру... куплен с потрохами...* – Драматург Ротру, по преданию, состоял в юности в качестве "присяжного" поэта при

бродячей театральной труппе и был обязан предоставлять актерам определенное количество пьес в месяц.

С. 139–140. *Сирано де Бержерак* Нодье посвятил отдельную статью (впервые – “Ревю де Пари”, 1831, август). “*Путешествие на Луну*” – утопическо-сатирический роман Сирано “Иной свет, или Государства Луны” (1657); о “*Микромегасе*” см. примеч. к т. 2, с. 68; “*Миры*” – “Рассуждение о множественности миров” (1686) Б.Фонтенеля, в популярной форме излагающее учение Коперника. Со Свифтом и Вольтером Сирано роднит мастерское умение осмеивать недостатки современного общества в форме фантастической повести, утопии; с Фонтенелем – талант популяризатора; кроме того, вольнодумец Сирано был, как и Фонтенель, сторонником идей Галилея и Коперника о строении мироздания.

С. 140. ...*Вольтер... против английского “Цезаря” и английского “Отелло”*... – Вольтер бранил Шекспира, автора трагедии “Юлий Цезарь”, в предисловии 1736 г. к своей трагедии “Смерть Цезаря” (1735); “Заира” (1732), одна из прославленных трагедий Вольтера, имеет немало общего с “Отелло”, сюжет которого Вольтер издевательски пересказывает в 18-м “Философском письме” (1734).

Буало судил о Сирано... – см.: “Поэтическое искусство”, IV, 39; “литературный герб” (blazon) – жанр французской поэзии XVI в., детальное описание, выдержанное в хвалебном или сатирическом тоне.

С. 141. *Паке, Корбинелли, Матье Гаро* – персонажи комедии Сирано “Проученный педант”, изданной вместе с трагедией “Смерть Агрипины” в 1654 г. Об этой комедии как источнике одной из сцен мольеровских “Проделок Скапена” см. в наст. изд., т. 1, с. 88. О Пьере Паке Нодье писал в статье “Сирано де Бержерак”: “Если Пьеро, действующие в наших ярмарочных и бульварных представлениях, и не во всем похожи на Пьера Паке, созданного Сирано, несомненно, что этот герой – первое и наиболее яркое письменное воплощение типа. Прежние персонажи подобного рода, каких, например, изображал Табарен, были просто-напросто непристойными шутами, до смешного напичканными знаниями. Пьеро Паке – человек простодушный и лукавый, не удивляющийся даже самым необычным происшествиям, поскольку начатки знаний произвели некоторую путаницу в его мозгу, но склонный подмечать во всем смешную сторону, ибо ее он схватывает легче всего”. Матье Гаро упомянут у Лафонтена в басне “Желудь и тыква” (IX, 4).

...толстом томе... под диктовку маркизы де Шатле. – Вольтер

стал изучать физику Ньютона под влиянием своей возлюбленной, маркизы де Шатле, которая, обладая незаурядным умом и познаниями, выпустила перевод "Математических начал" Ньютона со своими обширными комментариями и написала книгу "Основания физики". Результатом вольтеровских занятий физикой стала книга "Основы философии Ньютона" (1738–1741), которую он посвящает маркизе де Шатле и в которой большое место уделено сравнительной характеристике Декарта и Ньютона, причем предпочтение отдается английскому ученому.

О стихотворениях Клода Шольна

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1836, № 3.

Рукопись стихотворений Клода де Шольна, которой посвящена эта статья Нодье, продавалась в лавке Ж.Текне (объявлена в том же 3-м номере за 1836 г. с указанием цены 100 франков). Таким образом, Нодье в данном случае с присущим ему блеском "рекламирует" товар своего издателя. Стихотворения К. де Шольна были изданы в 1924 г. в издательстве "Шампъон" Ф.Лашевром в серии "Вольнодумцы XVII столетия".

С. 142. *Дофине* – историческая провинция Франции с центром в Гренобле.

...о вознаграждениях для литераторов... – Идею выплачивать пенсии наиболее отличившимся литераторам начал воплощать еще кардинал Ришелье; эту политику продолжили кардинал Мазарини и министр финансов Кольбер. Награды литераторам вручались и до Ришелье, но нерегулярно, и не в денежной форме, а в виде подарков.

С. 144. *Бурлеск, этот романтизм XVII века..* – Бурлеск (от итал. *burla* – шутка) – искусство "говорить низменным языком о возвышенных вещах" или "выспренно о вещах самых низменных" (Ш.Перро); в литературе XVII в. бурлеск возник как реакция на галантную, жеманную прециозную литературу; с романтизмом его роднит стремление нарушать каноны, бунтарский дух. Ярким образцом бурлеска может служить "Перелицованный Вергилий" (1648–1652) П.Скаррона; Скаррон в самом деле был самым талантливым представителем этой литературной школы, он создавал остроумные пародии и не злоупотреблял "грубостью ради грубости". Противопоставление "истинного" бурлеска Скаррона сочинениям его бездарных подражателей было в ходу еще в XVII в.; так, Ш.Перро в "Параллели древних и новых" писал, что в сочинениях Скаррона "чувствовалось перо благовоспитанного человека, причастного ко дворцу

и высшему свету”, бурлеск же его подражателей, “отдающий грязью и пошлостью”, – “позор Парнаса, поэзия, которая говорит базарным языком, любит только пошлости и непристойности” (Спор о древних и новых. М., 1985. С. 237). Осуждая бурлеск, Нодье немного лукавит; бурлескная грубость безусловно была ему больше по сердцу, чем прециозная изысканность; недаром он так страстно любил Рабле. Чуть ниже он сам признается, “отбросив ложный стыд”, что откровенные стихи Клода де Шольна доставляют ему большое удовольствие.

...от него не свободны даже Сарразен и Вуатюр... – Вуатюр, человек низкого происхождения (сын богатого винооторговца), делал светскую карьеру в прециозном салоне Рамбуе исключительно благодаря своему остроумию; Сарразен, мастер легкой поэзии, в которой некоторые исследователи видят прообраз “рококо” XVIII века, писал также серьезные и поэтические оды, но в жизни был “шутом” и приживалом на службе у принца Конти. Нодье – автор предисловий к “Избранным сочинениям” Сарразена (1826).

...не похожие на интимные излияния... – Выпад против романтиков, культивировавших в своих произведениях подобные “излияния” и признания.

...жизнь... самую анакреонтическую... – Анакреон воспевал чувственную любовь, вино, праздность.

С. 145. *...дополнением к “Мемуарам” Таллемана де Рео...* – См. примеч. к т. 2, с. 117.

Мотен и Сигонь были сочинителями “кабацких стихов”, в которых изобиловали двусмысленности и непристойности. Их произведения вошли в сборник “Сатирический Парнас” (1622), авторство которого власти приписали поэту *Теофилю де Вью*, также пробовавшему себя в сочинении стихов такого рода, но отличавшемуся от собратьев по перу незаурядным талантом (эта история послужила причиной ранней гибели Теофиля: приговоренный за написание “Сатирического Парнаса” сначала к сожжению – к счастью, заочно, – а затем к пожизненному изгнанию из Франции, он заболел и скончался 36 лет от роду).

...позавидовал бы Парни. – Имеется в виду антирелигиозная поэма Э.Парни “Война старых и новых богов” (1799).

С. 147. *...так Лабрюйер называл библиотеки...* – См. примеч. к т. 2, с. 84.

...шесть строк Кольте, за которые Ришелье заплатил шесть сотен ливров... – Г.Кольте входил в “содружество пяти поэтов”, которых кардинал Ришелье нанял для отделки своих пьес.

Придя в восторг от трех строк в прологе пьесы "Тюильри", над которой работал Кольте, кардинал подарил ему 50 пистолей, подчеркнув, что дает деньги только за три строки, а на остальное у казны денег нет.

Каталог библиотеки г-на Ламенне

Впервые: Бюллетен дю библиофиль; 1836, № 9.

Опубликовано в разделе "Публичные распродажи" среди других извещений. Распродажа книг Ламенне была назначена на 2 января.

Выбор "героя" этой статьи очень характерен. Фелисите Робер де Ламенне – философ, прославившийся своей первой книгой "Опыт о равнодушии в религии" (1817–1823), отличительная черта которой – проницательный анализ современной души, близкий романтизму. Затем Ламенне – идеолог либерального католицизма, в 1832 г. осужденный за свое учение папской энцикликой. В 1834 г. он выпускает "Речи верующего" – книгу, где в форме притч и символических иносказаний проповедует идеи христианского социализма и сострадание к угнетенному народу. Тот факт, что Нодье "вступился" именно за Ламенне (пусть на почве сугубо библиофильской), доказывает, что в свои 56 лет, несмотря на "стариковское" брюзжание, он был открыт и сугубо новым веяниям.

Сколько стоят редкие книги?

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1837, № 13, 17, 20.

Начало первой из трех статей под общим названием "Сколько стоят редкие книги?" в нашем издании опущено, поскольку к теме "Нодье-библиофил" оно прямого отношения не имеет и посвящено преимущественно выпадам писателя против Июльской монархии.

С. 150. *...украшенная головой буйвола или сиреной...* – Как поясняет Нодье в "Заметках об одной небольшой библиотеке", с 1629 г. Эльзевиры помещали перед началом предисловий, посвящений или текста книг заставку, изображающую голову буйвола, а начиная с Саллюстия 1634 г. (или чуть раньше) ввели в обиход другое изображение – сирену.

С. 152. *...я не желаю объявлять их ни врагами революции...* – Во время Великой французской революции использование гербов где бы то ни было, в том числе и на переплетах книг, было запрещено.

Малое экю – старинная французская монета, равная 3 ливрам (в отличие от простого экю, равного 6 ливрам).

..саламандра, двойной полумесяц.. – Саламандра в огне с надписью "В нем живу и его гашу" была изображена на гербе французского короля Франциска I, украшавшем, в частности, и принадлежавшие ему книги; вензель в виде переплетённых букв H и D (начальных букв имен Генриха II – Henri – и его возлюбленной Дианы де Пуатье) украшал стены в покоях короля Генриха II.

...череп (знак одного мрачного и ныне распущенного ордена)... – По-видимому, контаминация двух исторических фактов; орден черепа с соответствующей эмблемой был основан в 1652 г. в княжестве Вюртембергском; череп же как своего рода "экслибрис" фигурирует на книгах французского короля Генриха III, который снабжал свои книги этим изображением и надписью Memento mori ("помни о смерти") в память о своей умершей возлюбленной Марии Клевской, принцессе де Конде.

..лилии – элемент герба королевской династии Бурбонов.

С. 154. *Монморанси* – древнейший французский род.

"Астрей" (1607–1628) – пасторальный роман О. д'Юрфе, предмет восхищения светских дам XVII в.; действие его происходит в древности на берегах реки Линьон (в том же краю, где прошла юность автора); среди персонажей – пастухи и пастушки, жрецы-друиды и лесные нимфы.

С. 155. *...отца того несчастного де Ту...* – См. примеч. к т. 2, с. 40.

С. 157. *Мой фрак, как я вам благодарен!* – Первая строка послания Мишеля Жана Седена (1719–1797) "К моему фракку" (1752).

Канты – края переплета, выступающие за обрезы книжного блока.

Каптал – см. примеч. к т. 2, с. 88.

Отстав – полоска плотной бумаги или картона, наклеиваемая на корешковую часть переплетного материала для придания корешку прочности и упругости.

С. 158. *...Ангеррану? Буайе с буквой r или с буквой t на конце?* – На рубеже XVII–XVIII вв. во Франции работали как минимум три переплетчика по фамилии Ангерран: Этьен Луи и Жан Ангерраны (Anguerand) и Пьер Ангерран (Enguerrand) и целый ряд переплетчиков по фамилии Воуе или Vouet, в частности Люк Антуан Буайе (Vouet), Этьен Буайе (Vouet) и его сын Бертран.

Иудей Апелла – персонаж Горация (Сатиры, I, 5, 100), олицетворение легковерия.

...как писалось имя знаменитейшего из них... каким ремеслом он занимался... – Эти сведения впоследствии были уточнены: на книгах из библиотеки графа Ломени де Бриенна, распроданной его сыном в Лондоне в 1724 г., сохранились по-французски и по-латыни надписи, извещающие, что книги эти переплетены "аббатом Дю Сеем" (Du Seuil). Имя Десея в истории переплетного искусства особенно знаменито потому, что "переплетами à la Десей" стали уже после его смерти называть переплеты, появившиеся еще до начала его деятельности, в XVII в. (рамка с четырьмя ромбовидными виньетками по углам) и имевшие большой успех. Мы сохраняем написание "Десей" как наиболее часто встречающееся у Нодье.

В.Гоффкур, ученик часовщика, затем дипломат, дружил с Ж.-Ж.Руссо и энциклопедистами; в Монбрийяне (неподалеку от Женевы) он основал типографию, где печатал книги очень малым тиражом и сам переплетал их; свой "опыт" он обобщил в "Трактате о переплетах" (1762).

С. 159. ...в каталоге господина Текне... – Имеется в виду перечень продающихся у Текне книг, который печатался в каждом номере журнала "Бюллетен дю библиофиль".

Юным читательницам

Впервые: как предисловие к сборнику "Книга для юных, избранная проза и стихи лучших французских писателей, древних и новых" (1834).

С. 163. ...из басни Лафонтена... – Лафонтен. Басни, XII, 20.

Любитель книг

Впервые: "Французы, нарисованные ими самими", 1841, т. 3.

Как и все другие эссе, вошедшие в состав сборника "Французы, нарисованные ими самими" (1840–1841, т. 1–5), "Любитель книг" написан в популярном в 1830–1840-е гг. жанре "физиологического очерка".

С. 168. *Аорист, претерит* – глагольные формы.

М.Кордые – автор "Школьных бесед в четырех книгах" (1563) – учебника латинского языка для детей; *Ж.Денотер* – автор "Грамматических комментариев" (1537), также служивших для обучения латыни.

...неумолимого издателя... – Сборник "Французы, нарисованные ими самими" издавал Леон Кюрмер (1801–1870).

Рисунок окончен... – гравюра, изображающая библиофила, роющегося в старых книгах; она предвворяет очерк Нодье в сборнике.

Матье Лансберг издавал в начале XVII в. "Льежский альманах" (самое старое из известных изданий – 1635), где помещал предсказания погоды и происшествий на наступающий год, а также различные знахарские рекомендации; издание было украшено гравюрами на дереве. Альманах Лансберга, выходявший ежегодно, стал прообразом многочисленных европейских альманахов такого рода.

С 170. ...*как мечтал Вергилий*. – Ошибка или мистификация Нодье; у Вергилия этой детали нет (сообщено М.Л.Гаспаровым).

...*драгоценной шкатулкой Дария*... – См. примеч. к т. 2, с. 78.

Герб с саламандрой... *Генрих II доверил тайну своей любви*... – см. примеч. к т. 2, с. 152.

О *Монтороне* см. примеч. к т. 2, с. 86; о *Кревенне* – примеч. к т. 1, с. 165.

С. 173. *Гермес Трисмегист* ("Трижды величайший") – модификация греческого бога Гермеса, возникшая в поздней античности; Трисмегист отождествлялся с египетским богом письма Тотом и считался покровителем оккультных и герметических (доступных только посвященным) наук.

...*начинаются в лучшем случае с Вольтера*... – Частые у Нодье иронические выпады против Вольтера объясняются тем, что в Вольтере Нодье видел воплощение просветительского мышления, которое, борясь против "предрассудков" и "суеверий", невольно отождествляет с ними все прошлое цивилизации, всю ее историю. Самого Вольтера – мыслителя и историка – в глазах Нодье нередко заслоняли упрямые и не слишком образованные "вольтерьянцы", которых впоследствии блистательно изобразил в лице аптекаря Оме Г.Флобер в "Госпоже Бовари".

...*сжег бы Александрийскую библиотеку*... – см. примеч. к т. 1, с. 41.

Тюркаре – богатый откупщик, персонаж одноименной комедии А.Р.Лесажа (1709).

С. 174. ...*неумолимое "нет"*... *в лицо поэту Менару*... – Когда кардинал Ришелье отказал Ф.Менару в денежной помощи, о которой тот просил, Менар описал в стихах, как в загробном царстве Франциск I спросит у него, Менара, какую помощь оказал ему Ришелье... Слушая чтение нового сочинения Менара, Ришелье в этом месте воскликнул: "Никакую!" В ответ на это Менар сочинил сонет, приведенный Нодье в "Вопросах литературной законности" (наст. изд., т. 1, с. 191).

С. 175. ...*бабочек и марионеток*... – Бабочки – предмет многолетнего и страстного интереса Нодье-энтомолога (в статье 1837 г. "Пиранези" он вспоминал, как однажды в горах чуть

не погиб, преследуя бабочку необычайной красоты и редкости); марионетки, которым Нодье посвятил обширное одноименное эссе (1842–1843) – другой предмет его увлечения; он обожал кукольный театр, поскольку видел в нем воплощение творческой силы народа, не испорченной влиянием лживой “городской”; буржуазной цивилизации.

...благородный товарищ по несчастью... – Очевидно, имеется в виду пребывание в тюрьме Сент-Пелажи в конце 1803 – начале 1804 г. (см. во вступ. статье, с. 7).

Выслушайте его рассказ... – Следующая ниже цитата взята из книги “Шевреана, или Различные мысли об истории, учености и морали” (1700). Последние годы жизни Шевро провел в г. Лудене.

С. 176. *...назвал самым счастливым человеком на земле Сулла...* – См.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Сулла, XXXIV.

С. 177. *...обнаружить на костном покрове... шишку коллекционирования...* – Имеется в виду популярная в начале XIX в. френология – наука о связи между формой черепа и умственными способностями человека.

С. 178. *Римский король* – сын Наполеона I, получивший этот титул сразу после своего рождения (1811).

...каменные стены, сложенные циклопами... – По преданию, монументальные сооружения из каменных плит, существующие в Древней Греции с микенского периода (XV–XIII вв. до н.э.) были сооружены одноглазыми великанами – циклопами.

Ж.-Б.-А.Леба руководил транспортировкой в Париж и установкой на площади Согласия Луксорского обелиска, который подарил Франции вице-король Египта (1833).

С. 179. *Пелион и Осса* (греч. миф.) – горы, которые титаны, желая взобраться на небо, пытались взгромоздить на Олимп.

Болландисты – последователи бельгийского иезуита Жана Болланда (1596–1665), издававшие “Деяния святых” – сборники житий всех святых в календарной последовательности; с 1643 по 1794 г. вышло 53 тома ин-фолио. “О подражании Иисусу Христу” – см. примеч. к т. 2, с. 17.

С. 180. *...засушенный барвинок... сорвал... в Шарметтах...* – Нодье имеет в виду знаменитый эпизод из 6-й книги “Исповеди” Ж.-Ж.Руссо, который часто приводят как пример аффективной памяти: однажды в Шарметтах, поместье своей возлюбленной г-жи де Варанс, Руссо в ее присутствии видел барвинок; прошло три десятка лет; прогуливаясь со своим другом Дюпейру, Руссо снова увидел барвинок, и этот “памятный знак” пробудил в нем воспоминания об ушедшем счастье.

О *"Теагене и Хариклее"* см. примеч. к т. 1, с. 99 и 155, о *словаре Барбье* – примеч. к т. 1, с. 164.

О *"Проученном педанте"* *Сирано де Бержерака* и заимствовании *Мольера* см. в примеч. к т. 1, с. 88.

С. 183. *..мух-однодневок с берегов реки Гипанис...* – см. примеч. к т. 1, с. 39.

"Рассуждение о выборе книг" Г.Пеньо

Впервые: Журналь де Деба, 24 мая и 10 августа 1817 г.

Этьенн Габриэль Пеньо был одним из крупнейших французских библиографов и историков книги первой половины XIX в.; его перу принадлежат такие фундаментальные труды, как *"Библиологический толковый словарь"* (1802–1804, т. 1–3), *"Критический, литературный и библиографический словарь книг, приговоренных к сожжению, уничтоженных или искалеченных цензурой"* (1806, т. 1–2) и многие другие. *"Рассуждение о выборе книг"*, первому изданию которого посвящена данная рецензия Нодье, было переиздано в 1823 г. под названием *"Учебник библиофила, или Рассуждение о выборе книг"*; в связи с выходом второго издания Нодье повторно напечатал свою рецензию в журнале *"Пропагатор"* (1823, т. 1).

С. 186. *"О подражании Христу"* – см. примеч. к т. 2, с. 17.

С. 187. *...труд на эту тему...* – В 1810 г. Пеньо выпустил *"Указатель занимательных и поучительных специальных библиографий, содержащий описания: 1) произведений, выпущенных ограниченным тиражом; 2) книг, напечатанных на цветной бумаге; 3) книг с гравированным текстом; 4) сборников, именуемых "ана"* (см. об этом термине примеч. к т. 2, с. 9).

С. 190. О *"Письмах к провинциалу"* см. примеч. к т. 1, с. 151.

"Подражания псалмам" шотландского поэта *Д.Бьюкенена*, писавшего на латыни, вышли в 1566 г.

С. 191. Ода *Ронсара "Канцлеру де Лопиталю"* написана в 1552 г.

"Об обязанностях короля" – труд *Фенелона*, написанный им для дофина, внука Людовика XIV, и содержащий проповедь религиозной терпимости и критику жестко абсолютистской политики. Впервые издан в 1734 г. в Амстердаме (вместе с *"Приключениями Телемака"*) племянником автора, маркизом де Фенелоном, причем министр Флери потребовал немедленно уничтожить тираж, ибо счел советы Фенелона королям слишком дерзкими. Второе, отдельное издание книги вышло в 1774 г. по приказу

Людовика XVI, чье пристрастие к этой книге резко контрастирует с его политикой, доведшей Францию до революции.

...было замечено, что нет человека... который бы не нашел в Священном писании... – Это замечание было высказано Ф.Р. Шатобрианом в его книге "Гений христианства" (1802; ч. 2, кн. 5, гл. 1).

С. 192. *...любовных пошлостей Дора...* – Творчество К.-Ж. Дора, одного из самых плодотворных поэтов XVIII в. – характерный образец французской "легкой поэзии" XVIII в., риторической и холодной.

С. 193. *...издания Валара и Бозе...* – Французский перевод книги "О подражании Иисусу Христу", выполненный Н.Валаром, вышел в 1759 г., перевод Н.Бозе – в 1788 г.

...с его изданием Горация... – Гораций в издании Валара вышел в 1770 г. Комментарии к Горацию английского филолога Д.Бонда впервые вышли в 1606 г. и выдержали более 40 переизданий. Бекстер издал Горация в 1701 г.; "Оды и эподы" Горация в издании Митшерлиха вышли в 1800–1801 гг.

...уж не из-за комментариев ли Вольтера? – Скептические комментарии деиста Вольтера к размышлениям Паскаля зачастую страдают необъективностью. Шатобриан назвал "Мысли" с вольтеровскими комментариями "гордым памятником времени и человеческому гению, у подножия которого араб-кочевник построил свою жалкую хижину".

С. 194. *...сборник, составленный Ветстейном в 1691 г...* – Историю изданий пьесы Мольера "Каменный гость" см. подробнее в примеч. к т. 1, с. 171. Нодье не совсем точен: амстердамский издатель Анри Ветстейн напечатал полный текст "Каменного гостя" не в 1691 г., а в 1683 г.

"Театр Шиллера" в переводе *Ж.-А.-Ф.Ламартельера* вышел в 1799 г. (т. 1–2).

"Абелино, великий разбойник" (1793) – роман швейцарского писателя Генриха Цшокке, превращенный Ламартельером в пьесу.

Пьеса *Ламартельера "Роберт, предводитель разбойников"* вышла в 1792 г.; в статье "Интеллектуальное и литературное движение при Директории и Консульстве" (1835) Нодье называет ее и "Женитьбу Фигаро" Бомарше двумя театральными произведениями, приблизившими революцию.

...перевод г-на де Бонвиля... – Нодье был дружен с Бонвилем; выразительный портрет этого литератора и описание ужина у него в обществе американского просветителя Т.Пейна и польского революционера Т.Костюшко Нодье дал в своих

”Воспоминаниях о Революции и Империи” (глава ”Парижские тюрьмы в эпоху Консульства”, 1829).

Двенадцатый том ”Нового немецкого театра” *Бонвиля* и *Фриделя* вышел в 1785 г.

С. 195. О *Клотильде де Сюрвиль* см. наст. изд., т. 1, с. 132–136 и т. 2, с. 59–61.

...*все французские книги во вкусе Лафонтена...* – Перечисленные Нодье поэты развивали шутивную, разговорную традицию во французской поэзии, наиболее полно выразившуюся в стихотворных сказках Лафонтена.

...*Бернар, Берни, Беркен...* – Названные поэты – представители жеманной легкой поэзии XVIII в. (см. примеч. к т. 2, с. 192). Нодье противопоставляет им средневековых поэтов – с его точки зрения, гораздо более естественных и народных.

”Жиль Блаз” – ”История Жиль Блаза из Сантьяны” (1715–1735), плутовской и нравоописательный роман А.Р.Лесажа; ”Том Джонс” – ”История Тома Джонса, найденыша” (1749), роман Г.Филдинга; ”*Кларисса Гарлоу*” (1747–1748) – роман С.Ричардсона. ”Сказки” *А.Гамильтона* (опубл. 1730) пародируют канон литературной сказки, сложившийся во французской литературе начала XVIII в. под влиянием ”Тысячи и одной ночи”, и доводят традиционные сказочные ситуации до абсурда.

Ж.-П.Флориан выпустил свой перевод (а точнее, переложение, и притом неполное) ”*Дон-Кихота*” в 1799 г.; несмотря на многочисленные недостатки, перевод пользовался в европейских странах в начале XIX в. большей популярностью (по нему, в частности, выполнен русский перевод В.А.Жуковского, вышедший в 1804–1806 гг.). О другом французском переводе ”*Дон-Кихота*” см. в наст. изд., т. 2, с. 79.

”История Александра Великого” *Квинта Курция* в переводах *В.Миньо* и *Н.Бозе* вышли одновременно – в 1781 г.; перевод *Вожла* – в 1646 г.

С. 196. *А.-Н.Амло де ла Уссе* в 1686 г. выпустил антологию отрывков из *Тацита* под названием ”Мораль”, а в 1690 г. – перевод ”Анналов”. *Ж.-Ф.-Р. де ла Блетри* перевел ”Германию” (1755) и ”Анналы” (1768); если первый из его переводов современники оценили достаточно высоко, то второй вызвал из-за своего скверного стиля немало насмешек (в том числе эпиграмму *Вольтера*).

”*Свод гражданского права*”, или ”Кодекс Юстиниана” – систематизированный свод римского права, составленный при византийском императоре Юстиниане (VI в.) и повлиявший на развитие феодального и буржуазного права.

"*Логика Пор-Руаяля*, или Искусство мыслить" (1662) А. Арно и Н. Николая тесно связана с другим трудом, имеющим более непосредственное отношение к науке о языке, о которой ведет речь Нодье, – "Всеобщей грамматикой, или Грамматикой Пор-Руаяля" (1660), написанной А. Арно и К. Лансло. Обе книги созданы мыслителями-янсенистами, представителями "оппозиционного" течения во французском католицизме XVII в., отличавшегося нравственной бескомпромиссностью и четкостью логического мышления.

"*Методы*" Лансло – учебники латыни (1644), греческого (1655), итальянского и испанского (1660) языков, которые К. Лансло выпускал под названием "Новые методы для изучения..."

О библиографии *Б. Гамбы* см. примеч. к т. 1, с. 170.

Флорентийская *Академия Круска* была основана в 1582 г.; первое издание словаря, составленного ее членами, вышло в 1612 г.; благодаря ему флорентийский диалект был канонизирован в качестве литературного языка.

С. 197. *Собрание французских классиков... выпустил 2-й Дидо...* – Франсуа Амбруаз Дидо выпустил в 1780-е гг. такое собрание в трех форматах: в 18-ю, 8-ю и 4-ю доли листа.

С. 198. *Ветстейновский Гомер...* – А. Ветстейн выпустил "Сочинения" Гомера на греческом и латыни в 1707 г. в Амстердаме (т. 1–2, 12°).

М. Васкозан издал "Сравнительные жизнеописания" *Плутарха* в знаменитом переводе Ж. Амико (1567, т. 1–6) и его трактаты, также в переводе Амико (1574, т. 1–7).

Андре Дасье выпустил перевод Аристотеля (1692), Платона (1699) и Плутарха (1721); *Ж. Гру* – перевод Платона (1763–1770, т. 1–6).

Сочинение *Диогена Лаэртского* "О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов" вышло в 1758 г. в Амстердаме во французском переводе Ж. Ж. Шофпье (т. 1–3).

"*Трактат об учении*" *Ш. Роллена*, классический труд по педагогике, вышел в 1726 г.

"*Век Людовика XIV*" (1751), "*История Карла XII*" (1731) – исторические труды Вольтера.

...*Делиев перевод "Георгик"* – ср. наст. изд., т. 2, с. 79, где оценка этого перевода гораздо более сдержанна.

С. 199. *...я поспешил исполнить их желание...* – Данная статья первоначально была напечатана в двух номерах "Журналь де Деба"; Нодье выполнил пожелания своих советчиков во второй части статьи.

С. 200. *...новаторы в духе Омара...* – См. примеч. к т. 1, с. 41.

Эти двое звались г-н Шарден и г-н Ренуар. – Шарль Шарден, известный собиратель книг и редких рукописей, в конце 1810-х гг. был "патриархом" французских коллекционеров. Об *А.О.Ренуаре* см. подробнее в преамбуле к статье "Анналы типографии Альдов"; во время Революции он, как и Шарден, сочувствовал радикальным идеям, однако выступал против злоупотреблений; его деятельность в этом направлении и, в частности, брошюра "Замечания нескольких патриотов о необходимости охранять памятники литературы и искусства" способствовали принятию соответствующего декрета от 4 брюмера II года Революции (25 октября 1793 г.).

С. 202. *Библиатрия* (от греч. *biblion* – книга; *iatrike* – медицина) – наука о реставрации книг (слово ввел в обиход филолог-классик Ж.Ф.Буассонад).

С. 202–204. *...поступок Александра.. шкатулке Дария...* – см. примеч. к т. 2, с. 78.

С. 204. О распродаже библиотеки *Ю.Маккарти* см. примеч. к т. 1, с. 47.

...превосходные работы господ Симье, Бозериана... – Библиофил Жакоб (П.Лакруа), перепечатавший данную статью Нодье в журнале "Бюллетен дю библиофиль" в 1877 г., сопроводил этот дифирамб переплетчикам первой четверти XIX в. примечанием, из которого явствует, что полстолетия спустя все они уже вышли из моды и коллекционеры заменяют их переплеты новыми, более "престижными".

С. 204. *...Гомера в издании Нерли...* – См. примеч. к т. 1, с. 45.

С. 205. *...счет идет на линии.* – Линия – старинная мера длины, равная 1/12 дюйма.

"Анналы типографии Альдов" г-на Ренуара

Впервые: Тан, 5 мая, 1835; Бюллетен дю библиофиль, 1835, № 15.

Автор рецензируемой Нодье книги, Антуан Огюстен Ренуар, сын фабриканта тканей, унаследовал профессию отца, но с 1794 г. стал заниматься изданием, продажей и коллекционированием книг и вскоре полностью посвятил себя любимому делу. Ренуар подготовил превосходные издания многих латинских авторов, выпустил отличные издания французских классиков (Паскаль, Ларошфуко, Вольтер и т.д.); его издательская марка (якорь с сидящим на нем петухом – символ надежности

и бдительности) пользовалась большим уважением. Издавал Ренуар и литературу по библиографии и библиофилии (так, у него часто печатался Г.Пеньо). В 1834 г. Ренуар передал свою лавку сыну Жюлю.

Ренуар собрал великолепную коллекцию книг, четырехтомный каталог которой выпустил в 1819 г.; второй каталог ренуаровского собрания был издан в 1853 г., а распродажа коллекции Ренуара, состоявшаяся после смерти владельца, в 1854 г., принесла наследникам более 200 тысяч франков.

Книга "Анналы типографии Альдов, или История трех Мануциев" впервые вышла в 1803 г., второе издание появилось в 1812 г., а третье, которому и посвящена статья Нодье, – в 1834 г. Основа книги – каталог всех альдовских изданий с подробнейшими комментариями (в связи с каждым названием Ренуар рассказывает о других изданиях того же автора, о самом этом авторе, описывает внешний вид того конкретного экземпляра, который он держал в руках), кроме того, в книгу входят жизнеописания основателя издательской фирмы Альда Мануция Старшего, его сына Павла Мануция и внука – Альда Младшего, а также многочисленные указатели. Ренуар выполнял работу первопроходца; не случайно современный исследователь альдин В.В.Лазурский называет его "старейшим биографом Альда".

С. 207. *...как были первые типографы.* – Мысль Нодье повторяет современный исследователь: "... и они сами <старые мастера>, и большинство их помощников, вплоть до наборщиков, владевших древними языками и самостоятельно правивших корректуру порученных им текстов, были интеллигентными людьми, получившими гуманитарное университетское образование" (Лазурский В.В. Альд и альдины. М., 1977, с. 71).

Кодекс – форма книги, многие века существовавшая наряду со свитком; блок сфальцованных листов бумаги или пергамента, скрепленных в корешке и помещенных в обложку; старейшие из сохранившихся кодексов относятся ко II в. н.э., наибольшее распространение эта форма получила к IV в.

С. 209. О *Н.Йенсоне* см. примеч. к т. 1, с. 169. *Франческо из Болоньи*, именовавшийся так по месту рождения (настоящая фамилия его была Гриффо), профессиональный "ваятель литер"; создал все шрифты, которыми напечатаны книги, вышедшие в "Доме Альда" при жизни Альда Старшего; *Клод Гарамон*, французский резчик и литейщик шрифтов, создал латинские шрифты для знаменитого типографа Робера Этьенна; Гарамон первым отделил словолитню от типографии, основав отдельную отрасль промышленности.

Х.Плантен получил от испанского короля титул "королевского печатника" и исключительное право печатать литургические книги для всех стран, находившихся под властью испанской монархии, за издание в 1580 г. Библии на нескольких языках (древнееврейском, халдейском, греческом и латыни).

Франциск I в 1539 г. назначил *Р.Этьенна* "королевским печатником" по изданию книг на латыни и древнееврейском языке, а в 1545 г. прибавил к ним и книги на древнегреческом; король взял Этьенна под свою защиту, когда богословы напали на него за филологическую критику Библии.

С. 212. *...односложные эпитафии...* – Эпитафии во французской литературе, особенно в поэзии, вошли в моду в эпоху романтизма; апогей их использования приходится как раз на 1820–1830-е гг., а в конце 1830-х гг., по наблюдению знатока этой эпохи Л.Сеше, они почти полностью исчезают из поэзии.

С. 213. *...свое блистательное предприятие...* – Альд Старший основал свою типографию в 1494 г.; с 1515 по 1529 г. дело вел его тесть и компаньон Андреа Торрезани, в 1533–1574 гг. издательский дом возглавлял Павел Мануций, а в 1574–1597 – Альд Младший.

Антиквой называется шрифт, созданный на основе строчных букв шрифта, которым написаны многие тексты древних авторов, дошедшие до эпохи Возрождения в манускриптах времен Карла Великого (так называемый "каролингский минускул", которым писали французские писцы VIII–IX вв. и подражавшие им писцы и гуманисты Кватроченто). С первых шагов книгопечатания в Италии установилась традиция набирать антиквой латинские и итальянские тексты. Фр.Гриффо награвировал Альду прекрасную антикву венецианского типа, но подлинным открытием стал *латинский курсив* Гриффо, имитирующий почерк итальянских писцов XV в. Курсивный шрифт был мелким и убористым, поэтому он позволял уместить обширные тексты в книгах небольшого формата и делать книгу более удобной в пользовании и более дешевой.

С. 214. *...создателем ин-октаво...* – Описание революции в книжном деле, произведенной появлением целой "коллекции" (говоря современным языком, серии) книг небольшого формата, восходит у Нодье к книге Ренуара: "Можно представить себе тот энтузиазм, с каким были встречены издания, которые давали так много содержания в таком небольшом формате и стоили так дешево. С каким удовольствием любознательный человек, друг литературы, должен был встретить появление этих прелестных ин-октаво, этих Вергилиев и Горацийев, содержащихся

в небольшой книжечке, которую отныне он мог брать с собой в карман на прогулку и в путешествие и за которую он заплатил лишь немногим больше наших двух франков. Десять-двенадцать этих книжечек обходились примерно во столько же, во сколько и один из огромных томов, бывших до этого единственной пищей библиотек” (цит. по: Лазурский В.В. Указ. соч., с. 110). Книги маленького формата появлялись и до Альда, но лишь как разрозненные исключения, Альд же первым ”наладил серийное производство книг карманного формата и стал продавать их по доступной цене” (там же, с. 112), а очень скоро флорентиец Филиппо Джунта и лионские печатники стали копировать эти маленькие альдины. Средний формат альдовского ин-октаво – 95 или 100 на 155 мм; подробнее см.: Лазурский В.В. Указ. соч. С. 134, примеч. 63.

С. 215. *...украшены альдовским якорем...* – Якорь с обвившимся вокруг него дельфином – эмблема, которую Альд применял с 1502 г. с чисто практической целью – охранить себя от подделок; эмблема эта имела значение: ”спешите медленно”.

С. 215–216. Книга *М.Мэтгера* ”История Этьеннов” вышла в 1713 г. (т. 1–2); книга *А.-М.Бандини* ”О флорентийской типографии Джунта” – в 1791 г. (т. 1–2).

С. 216. ”Неизданные письма” Павла Мануция... – Эту книгу Ренуар выпустил, как и третье издание ”Анналов типографии Альдов”, в 1834 г.

”Учебник книгопродавца и любителя книг” Ж.Ш.Брюне

Впервые: Бюллетен дю библиофиль, 1843.

Первое издание ”Учебника” Брюне в 3 томах вышло в 1810 г., второе (в 4 томах) – в 1814 г., третье (также в 4 томах) – в 1820 г.; четвертое, пятитомное, издание, при подготовке которого Брюне использовал свои ”Новые библиографические разыскания”, опубликованные в 1834 г. (т. 1–3), вышло в 1842–1844 гг. В одной из статей 1835 г. Нодье назвал Жака Шарля Брюне ”ученым, который, больше, чем кто бы то ни было из людей нынешнего столетия, способствовал прогрессу библиографической науки”. Нодье откликнулся рецензией не только на четвертое, но и на второе издание ”Учебника” (эта рецензия была опубликована в газете ”Журналь де Деба” 19 декабря 1814 г. и 3 февраля 1815 г.).

С. 222. Книга *Лакруа дю Мена* называлась ”Библиотека сьера де Лакруа дю Мена, или Всеобщий каталог всевозможных авторов, писавших на французском языке в течение последних пяти

столетий”, о книге Дювердые – см. примеч. к т. 1, с. 91; в отличие от первой, она вышла не в 1584, а в 1585 г.; под названием “Французские библиотеки Лакруа дю Мена и Дювердые” обе книги были переизданы в 1772–1773 гг. Риголе де Жювиньи.

...*зрозное пророчество Анри Этьенна...* – Имеются в виду “Два диалога о новом французском языке, италянизированном и заново костюмированном <...> о некоторых нынешних “куртизанизмах” и некоторых куртизанских странностях” (1578), направленные против слащавого языка придворных Екатерины Медичи. Нодье очень высоко ценил это сочинение; многие взгляды А.Этьенна, в частности защита архаизмов и неприятие неологизмов и заимствований, были ему близки.

С. 223. *Буало проклял их...* – Буало считал, что подлинная французская литература начинается с Малерба, а средневековую и ренессансную словесность, которую так высоко ставил Нодье, оценивал скептически.

...*за образцами отбора она обратилась...* – Обсуждая принципы построения своего словаря, члены Французской академии вначале хотели приводить в словарных статьях примеры из литературных произведений, однако после долгих споров отказались от цитат в пользу специально придуманных ими самими примеров.

...*обнародовал свои обширные разыскания неутомимый Бейль...* – Имеется в виду “Исторический и критический словарь” П.Бейля (1695–1697, т. 1–4).

...*труд, известный под названием “Маскюрат”...* – Имеется в виду диалог Г.Нодье “Суждение обо всех сочинениях, направленных против кардинала Мазарина...” (1649) – обзор памфлетов против кардинала; Нодье называет диалог именем одного из собеседников.

Габриэль Мартен, составивший каталоги 148 книжных собраний, ввел в обиход классификацию книг по пяти разделам: теология, право, наука и искусство, изящная словесность и история; он не был ее изобретателем, но лишь усовершенствовал систему, которую придумал иезуит Жан Гарнье, составляя каталог библиотеки Клермонского коллежа (1678), и несколько упорядочил П.Маршан в каталоге библиотеки Жоашена Фотье (1709).

С. 224. ...*изменили его орфографию...* – См. примеч. к т. 1, с. 40.

С. 225. *“Назидательная библиография, или Рассуждение об изучении редких и необычных книг” Г.-Ф.Дебюра* выходила в 1763–1768 гг. (т. 1–7); продолжением этого труда стал составленный Дебюром двухтомный “Каталог книг Л.-Ж.Генья (1769).

...*Кальдерона считали "ничтожным шутом"...* – Имеется в виду вольтеровский "Комментарий к Корнелю" (1764).

...*Шекспира – "пьяным дикарем"...* – Имеется в виду вольтеровское "Рассуждение о древней и новой трагедии" (1748), где "Гамлет" назван "бредом пьяного дикаря".

...*в "эпических циклах"...* – Эпические поэмы ("жесты"), возникшие в X в., в XII в. стали складываться в циклы; по нормам классицистической эстетики жанровое определение "эпопея" было совершенно неприложимо к этим произведениям средневековой словесности, научная публикация и изучение которых начались лишь в 1830-х гг.

Ж. де Лонуа опроверг своими историческими исследованиями так много католических легенд, что получил прозвище "го-нителя святых".

То был Дюкло... под именем Кайо. – О словаре Дюкло-Кайо см. примеч. к т. 2, с. 32; Брюне в 1802 г. выпустил "Дополнение" к этому словарю. Между прочим, именно об этой книге так страстно мечтал юный Нодье (см. во вступ. статье, т. 1, с. 5, цитату из его письма на эту тему).

С. 227. ...*четвертое, последнее издание...* – Брюне не остановился на этом издании и в 1860–1865 выпустил исправленный и дополненный "Учебник" (т. 1–6) в пятый раз.

С. 228. ...*Поля Контана, поэта-аптекаря из Пуатье...* – П. Контан, ботаник, основал в родном Пуатье музей естественной истории и ботанический сад, которым посвятил описательную поэму "Поэтический сад и музей Поля Контана" (1609); в пятом издании "Учебника" Брюне исправил ошибку, указанную Нодье; *Contant* пишется здесь с *t* на конце.

...*автором прелестной поэмы "Пчелы"...* – Поэма П. Контана в первом издании 1582 г., имевшемся у Нодье, называлась "Республика пчел", а во втором издании 1600 г. – "Пчелы и их королевство".

С. 229. ...*казавшаяся Скалигеру мучительнейшей из пыток...* – Нодье очень любил эти слова Жозефа (Иосифа) Скалигера и неоднократно их вспоминал.

Л.С. Сильвестр, издатель четвертого издания "Учебника", много помогал Брюне; он выверял даты и факты, вычитывал верстку; кроме того, именно ему принадлежит мысль включить в книгу издательские марки, которую Нодье так горячо хвалит ниже.

С. 230. ...*опубликовать в специальном труде...* – Сильвестр позднее выполнил пожелание Нодье: в 1853–1863 гг. отдельными выпусками выходила книга "Издательские марки, или

Сборник монограмм, шифров, заставок, эмблем, девизов, ребусов и виньеток издателей и типографов, работавших во Франции с 1470 г. до конца XVI в.”.

...а также весьма своеобразным маркам Вольфганга... – Издательской маркой Вольфганга был волк, ищущий мед в дупле, с надписью Quaerendo (Нодье считал эту картинку ”говорящим гербом” Вольфганга, ибо его фамилия по-голландски означает ”идуший, или бегущий, волк”). О самом Вольфганге историкам книги не известно ничего, кроме того, что в 1662–1693 гг. он выпускал книги небольшого формата, ничем не уступающие книгам Эльзевиров (на некоторых из них стоит его имя, на некоторых – марка с волком). Некоторые библиофилы считали эти книги изданиями Эльзевиров; Нодье в ”Заметках об одной небольшой библиотеке” спорит с этой точкой зрения и перечисляет виньетки, встречающиеся в книгах Вольфганга, но ни разу не попадающиеся у Эльзевиров: птица, сидящая на верхушке шеста с флажком; роза с двумя пчелами; белка на задних лапах, лиса, кот.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрантес Андош Жуно, герцог д' (1771–1813) – французский государственный деятель и полководец при Наполеоне I, 55.
- Август Октавиан (63 до н.э. – 14 н.э.) – римский император с 27 г. до н.э. I; 125; II, 78.
- Августин Аврелий (354–430) – христианский богослов I, 109.
- Авл Геллий (130–?) – римский писатель II, 35.
- Авсоний Децим Магн (ок. 310 – ок. 394) – римский поэт и ритор I, 89, 145; II, 191.
- Агессо Анри Франсуа д' (1668–1751) – французский государственный деятель, канцлер Франции, блестящий стилист I, 114.
- Адри Жан Фелициссим (?–1818) – французский библиограф, издатель Боккаччо, Фенелона, Лафонтена II, 18, 66.
- Айрленд Уильям Генри (1777–1835) – английский литератор, сочинитель псевдошекспировских произведений I, 129.
- Акций Луций (170 – ок. 85 до н.э.) – римский трагический поэт I, 123.
- Александр Македонский (356–323 до н.э.) II, 78, 84, 103, 170, 202.
- Алкуин Флакк Альбин (ок. 735–804) – англосаксонский ученый, советник Карла Великого II, 170–171.
- Алламан – голландский библиофил XVIII в. I, 164–165.
- Аллен Вильям – псевдоним полковника английской армии Сайласа Титуса (XVII в.) II, 25.
- Алмеловен Теодор Янсон ван (1657–1712) – голландский филолог I, 112.
- Алциониус (Алционио) Пьетро (1486–1527) – итальянский филолог I, 113; II, 52.
- Альберт Великий (наст. фам. фон Больштедт; 1193–1280) – немецкий ученый, физик и философ II, 38.
- Альберте де Систерон, провансальский поэт I, 114.
- Альд Старший – см. Мануций А.
- Альды – династия венецианских издателей XV–XVI вв. II, 197, 207–217.
- Альфьери Витторио (1749–1803) – итальянский поэт, создатель национальной классицистической трагедии I, 83, 146.
- Амаритон Жан (?–1590) – французский юрист и филолог II, 15.

- Амио Жак (1513–1593) – французский гуманист I, 98–99, 139, 155, 175; II, 79, 223.
- Амио, руанский книгопечатник XVII в. II, 38.
- Амло де ла Уссе Абраам Никола (1634–1706) – французский историк и переводчик II, 196.
- Ангерран, фамилия нескольких французских переплетчиков XVII–XVIII вв. II, 92, 158.
- Андреини Джанбатиста (1578–1650) – италийский поэт I, 97.
- Анна Австрийская (1601–1666) – французская королева с 1615 г. II, 171.
- Антигон Каристский (III в. до н.э.) – греческий писатель I, 166.
- Антоний Марк (ок. 83–30 до н.э.) – римский полководец I, 124.
- Аполлинарий Сидоний (ок. 430–480) – позднелатинский поэт, епископ г.Арвены (Клермон) II, 14–15.
- Аполлоний Дискол (II в.) – александрийский грамматик I, 166.
- Аполлоний Тианский, странствующий пифагореец I в. н.э. I, 125.
- Апулей (ок. 105 – после 170) – римский писатель, автор романа "Метаморфозы, или Золотой осел" II, 123.
- Ардуэн Жан (1646–1729) – французский историк и филолог, иезуит I, 122.
- Аретино Пьетро (1492–1556) – итальянский писатель I, 177.
- Аржелати Филиппо (1685–1755) – итальянский литератор II, 36.
- Ариосто Лудовико (1474–1533) II, 61, 79.
- Аристотель (384–322 до н.э.) II, 71, 126, 189.
- Аристофан (ок. 445 – ок. 385 до н.э.) II, 17.
- Артиньи Антуан Гаше, аббат д' (1706–1778) – французский литератор и библиограф II, 120.
- Арто, французский литератор XVII в. II, 121.
- Архилох (ок. 712 – после 648 до н.э.) – древнегреческий поэт I, 179.
- Асейи, шевалье де – псевдоним французского поэта Жака де Кайи (1604–1673) I, 95.
- Афтоний (IV в.) – греческий ритор I, 110.
- Бавий (I в. до н.э.) – римский поэт II, 80.
- Бадиус (Баде) Йоссе (1462–1535) – лионский книгопечатник фламандского происхождения II, 90, 207.
- Баиф Лазар де (ок. 1496–1547) – французский дипломат и литератор, отец Ж.-А. де Баифа I, 91.
- Баиф Жан Антуан де (1532–1589) – французский поэт, член "Плеяды" II, 14–15.
- Байе Адриен (1649–1706) – французский историк и литератор I, 100, 157.

- Баке, брюссельский книгопечатник XVII в. I, 171.
- Бальзак Жан Луи Гез, сеньор де (ок. 1595–1654) – французский писатель I, 141, 147; II, 190.
- Бальсдан Жан (?–1674) – французский литератор II, 17, 40.
- Балюз Этьенн (1630–1718) – французский историк и филолог, библиотекарь Кольбера II, 17, 25.
- Банаж де Боваль Анри (1656–1710) – французский литератор и адвокат I, 102.
- Бандини Анжело Мария (1726–1800) – итальянский археолог и филолог II, 216.
- Бандури Ансельм (ок. 1670–1743) – французский бенедиктинец итальянского происхождения; член Академии надписей, историк I, 105.
- Барбен, вдова – французская издательница, унаследовавшая дело своего мужа, знаменитого издателя Клода Барбена (ок. 1629–1698) II, 61, 64–66.
- Барбу – французский издательский дом, работавший в Лионе и Париже в XVI – нач. XIX в. II, 197.
- Барбье Антуан Александр (1765–1825) – французский библиограф I, 38, 103, 164–165; II, 10, 18, 32, 33, 37, 61, 66, 115, 120, 180.
- Барем Франсуа (ок. 1640–1703) – французский литератор, автор многочисленных книг по популярной арифметике, облегчающих коммерсантам математические вычисления II, 86.
- Барр Жозеф (1692–1764) – французский историк I, 111.
- Барри Рене (XVII в.) – французский литератор и историк, автор жизнеописания Людовика XIII II, 223.
- Барт Жан (1650–1702) – французский мореплаватель, корсар I, 125.
- Бартоло (1300 или 1313–1356) – итальянский юрист, автор многочисленных правоведческих сочинений I, 80.
- Бартолинус (Бартолини) Томмазо (1616–1680) – итальянский ученый, живший в Копенгагене, директор университетской библиотеки II, 51.
- Баскервилл Джон (1706–1775) – английский издатель II, 197.
- Бауэр Иоганн Якоб (1706–1772) – немецкий книгопродавец и библиограф I, 163; II, 50.
- Бассон Тома, французский книгопродавец XVII в. I, 87.
- Беверланд Адриен (1653–1712) – фламандский писатель, автор книг эротического содержания I, 169–170.
- Бейер Август (1707–1741) – немецкий пастор, библиограф II, 8, 50.
- Бейль Пьер (1647–1706) – французский философ и литературный критик I; 59, 85, 91, 106, 108, 156–157; II, 223.

- Бекстер Вильгельм (1650–1723) – английский филолог и антиквар II, 193.
- Белленден (или Беллентен) Вильгельм (нач. XVII в.) – шотландский литератор, живший в Париже I, 114.
- Беллероз Пьер Ле Мессье (?–1670) – французский актер, глава театра "Бургундский отель" II, 111.
- Беллини Джентиле (ок. 1429–1507) – итальянский художник, сын Я. Беллини I, 60.
- Беллини Джованни (ок. 1430–1516) – итальянский художник, сын Я. Беллини I, 60.
- Беллини Якопо (ок. 1400–1470) – итальянский художник I, 60.
- Бело Жан (XVI в.) – французский философ и алхимик, автор сочинений по хиромантии и оккультным наукам II, 38.
- Белон Пьер (ок. 1517–1564) – французский естествоиспытатель I, 99–100, 102.
- Бембо Пьетро (1470–1547) – итальянский писатель и теоретик литературы II, 76.
- Бентли Ричард (1661–1742) – английский филолог I, 125.
- Бержерон Никола (?– между 1584–1587) – французский историк, правовед, литератор II, 71.
- Беркен Арно (1747–1791) – французский писатель I, 133; II, 195.
- Бернар Жозеф, по прозвищу "Жангиль-Бернар" (в переводе с франц. "миленький Бернар"; 1710–1775) – французский поэт II, 195.
- Бернар Самюэль (1651–1739) – французский откупщик, баснословный богач II, 171.
- Берни Франсуа Жоашен де Пьер де (1715–1794) – французский государственный деятель и поэт II, 195.
- Бероальд де Вервиль (ок. 1558–1612) – французский литератор II, 123.
- Бессо Тибо, французский книгопродавец XVI в. II, 42.
- Биньон Жан Поль Жером, аббат (1662–1743) – французский библиотечкарь и библиофил II, 171.
- Бирон Шарль де Гонто, герцог де (ок. 1562–1602) – французский полководец I, 96; II, 40.
- Блетри Жан Филипп Рене де ла (1698–1772) – французский литератор, историк и переводчик II, 196.
- Блюэ д'Арбер Бернар (1566–1606) – французский литератор II, 132–139.
- Боз Клод Гро де (1680–1753) – французский археолог и нумизмат II, 129.
- Бозе Никола (1717–1789) – французский грамматик II, 193, 195.

- Бозериан Жан Клод (1762–1840) – французский переплетчик II, 204.
- Бозонне Антуан, французский переплетчик эпохи Реставрации II, 93, 159, 181.
- Боккаччо Джованни (1313–1375) I, 49, 61, 127, 175; II, 18, 76.
- Бомарше Пьер Огюстен Карон де (1732–1799) II, 119.
- Бонвиль Никола де (1760–1828) – французский литератор, публицист и переводчик II, 194.
- Бонд Джон (1550–1612) – английский врач и филолог II, 193.
- Бонифаций VIII (наст. имя и фам. Бенедетто Каэтани; 1235?–1303) – папа римский с 1294 г. I, 59.
- Бонне Шарль (1720–1793) – швейцарский естествоиспытатель и философ II, 198.
- Борромео Антонио Мария (1724–1813) – итальянский литератор и библиофил II, 102.
- Боссюэ Жак Бенинь (1627–1704) – французский теолог и философ I, 110, 150–152; II, 117, 155, 198.
- Бошар Самюэль (1599–1667) – французский теолог-протестант, пользовавшийся у современников славой знатока естественных наук, толкуемых применительно к Библии II, 17.
- Бра де Бургевиль Шарль де (1504–1593) – французский археолог и писатель I, 175.
- Браге Тихо (1546–1601) – датский астроном II, 98.
- Брадель Алексис Пьер, французский переплетчик конца XVIII в. II, 67.
- Брервуд Эдвард (1565–1613) – английский ученый, философ и математик I, 107.
- Бриассон, французский книгопродавец XVIII в. I, 191.
- Бриндли Джон (?–1758) – английский издатель II, 197.
- Бруно Джордано (1548–1600) – итальянский философ и поэт I, 88; II, 71, 105.
- Брут Марк Юний (ок. 85 – 42 до н.э.) – римский политический деятель-республиканец I, 124; II, 80, 182.
- Брут Луций Юний (VI в. до н.э.) – полубогатый римский герой, в 510–509 гг. до н.э. установивший в Риме республиканский строй I, 126.
- Бруто Джованни Микеле (1515–1594) – итальянский историк и филолог I, 94.
- Бруне Жак Шарль (1780–1867) – французский библиограф, I, 164; II, 8, 10, 32, 46–47, 53, 61–62, 101, 110, 124, 130, 218–230.
- Брюскамбиль (наст. фам. Делорье; ?–1634) – французский актер, член труппы "Бургундского отеля", автор нескольких сборников остроумных изречений I, 125.

- Брюэйс Огюстен Давид де (1640–1723) – французский драматург I, 120.
- Буайе, фамилия нескольких переплетчиков конца XVII–XVIII вв. II, 92, 158, 204.
- Буало-Депрео Никола (1636–1711) I, 83, 141, 143, 149, 153, 180, 224; II, 90, 111, 117, 118, 140, 148, 223.
- Буйонский Анри де Ла Тур д'Овернь (1555–1623) – французский военачальник, маршал Франции II, 136.
- Буланже Никола Антуан (1722–1759) – французский литератор I, 128.
- Булар Антуан Анри (1754–1825) – французский юрист и библиофил I, 39; II, 178–179.
- Буленвилье Анри де, граф де Сен-Сер (1658–1722) – французский историк и литератор I, 173.
- Буллонь Бон Старший (1649–1717) – французский художник I, 140.
- Бунау Генрих, граф фон (1697–1762) – немецкий историк и государственный деятель II, 51.
- Бурбон Никола Младший (1547–1644) – французский поэт, сочинявший на латыни II, 190.
- Бурбон-Конде Луиза Франсуаза, герцогиня де (1673–1743) – дочь Людовика XIV и маркизы де Монтеспан II, 9–11.
- Бурдалу Луи (1632–1704) – французский проповедник II, 198.
- Бурламак Франсуа Шарль де (1739–1863) – французский генерал и библиофил II, 23.
- Бурмон Луи де (1773–1846) – французский военачальник I, 35.
- Бьюкенен Джордж (1506–1582) – шотландский историк и поэт II, 190.
- Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ I, 107; II, 57, 71, 105, 223.
- Бюсси-Рабютен Роже де (1618–1693) – французский литератор, мастер эпистолярного слога I, 103.
- Бюффон Жорж Луи Леклерк, граф де (1707–1788) – французский естествоиспытатель I, 120, 149, 154; II, 198, 225.
- Бушо Пьер Жозеф (1731–1807) – французский литератор, автор многочисленных сочинений по естественной истории I, 174.
- Вавассер Франсуа (1605–1681) – французский литератор и филолог I, 125.
- Валар Жозеф (1698–1781) – французский гуманист, автор сочинений по грамматике и переводов с древних языков II, 193.
- Валенкур Жан Батист Анри дю Труссе де (1653–1730) – французский литератор, друг Расина и Буало II, 6.

- Валерий Максим (I в.) – римский историк II, 35, 215.
- Валле Жоффруа (?–1573) – французский литератор и философ I, 163.
- Вандербург Мартен Мари Шарль де Буден де (1765–1827) – французский моряк и литератор II, 59–60.
- Ван Прат Жозеф Базиль Бернар (1754–1837) – бельгийский эрудит и библиограф, хранитель отдела печатных книг королевской библиотеки в эпоху Реставрации, автор каталога книг, напечатанных на веленовой бумаге II, 101.
- Варий Луций (I в. до н.э.) – римский поэт I, 123; II, 80.
- Варрон Марк Теренций (116–27 до н.э.) – римский писатель и ученый I, 123.
- Васкозан Мишель (?–1576) – французский издатель и книгопечатник II, 198.
- Веджо Мафео (1406–1458) – итальянский поэт и гуманист I, 138.
- Вейсс Шарль (1779–1865) – французский литератор и библиограф, друг детства Нодье, как и он, родившийся и выросший в Безансоне I, 80–82; II, 8, 50.
- Вергилий Марон Публий (70–19 до н.э.) I, 40, 45, 83, 86, 88, 117, 122, 128, 143, 147, 176, 179; II, 8, 79, 88, 103; 157, 170, 179, 198, 211, 215.
- Вегштейн Жан Анри (1649–1726) – амстердамский книгопечатник и издатель II, 194, 198.
- Вешель Христиан, книгопечатник и издатель немецкого происхождения, работавший в Париже в 1527–1554 гг. I, 161.
- Вешель Андре (1510–1581) – французский книгопечатник, сын Х.Вешеля I, 161.
- Вида Марко Джироламо (1490–1566) – итальянский поэт, сочинявший на латыни I, 138.
- Вийон Франсуа (1431 или 1432–?) I, 180; II, 195.
- Вине Эли (1509–1587) – французский филолог и литератор I, 127.
- Винтер – см. Опорин И.
- Витрувий (I в. до н.э.) – римский архитектор II, 127.
- Вожла Клод Фавр сеньор де (1585–1650) – французский лингвист II, 195.
- Вольтер (наст. имя Мари Франсуа Арузэ; 1694–1778) I, 47, 86, 87, 95–96, 98, 108, 110–111, 121, 133, 138, 147, 156, 171, 185–186, 188–214; II, 18, 68, 115, 116, 139–141, 145, 173, 192, 193, 198, 225.
- Вольф Георг, немецкий книгопродавец XVII в. II, 49.
- Вольфганг Абрахам, голландский книгопечатник, выпускавший книги в 1662–1683 гг. II, 230.

- Вотр Симон (?–после 1520) – французский книгопродавец II, 143.
- Вуазен Феликс (1794–1872) – французский врач-психиатр II, 132.
- Вуатюр Венсан (1597–1648) – французский поэт I, 141; II, 144, 195.
- Гаген Робер (ок. 1425–1502) – французский историк и дипломат, приобретший в Европе для королевской библиотеки множество ценных рукописей II, 76.
- Гайяр Антуан (первая пол. XVII в.) – французский поэт II, 138–139.
- Галилей Галилео (1564–1642) II, 98.
- Галио дю Пре, французский издатель и книгопродавец, владелец университетской книжной лавки в 1512–1560 гг. I, 39; II, 90.
- Гамба Бартоломео (1766–1841) – итальянский библиограф I, 170, 175; II, 102, 196.
- Гамильтон Антуан (1646–1720) – французский писатель ирландского происхождения II, 195.
- Гамильтон Мэри (1737–1815) – шотландская писательница I, 98.
- Гара Пьер Жан (1764–1823) – французский певец I, 34.
- Гарамон Клод (1480–1561) – французский резчик и литейщик шрифтов II, 209.
- Гаскон (или Гакон) – французский переплетчик, работавший в 1540–1560 гг. II, 92, 158.
- Гассенди Пьер (наст. фам. Гассан; 1592–1655) – французский философ-сенсуалист I, 161.
- Гвидо – Рени Гвидо (1575–1642) – итальянский художник I, 140, 142, 152.
- Гевелий Ян (1611–1687) – польский астроном II, 51.
- Гелиодор (III в.) – греческий писатель I, 99, 118, 155; II, 17, 180.
- Гено де Монбельяр Филибер (1720–1785) – французский естествоиспытатель I, 120.
- Генрих II (1519–1559) – французский король с 1547 г. II, 45, 85, 152, 171.
- Генрих III (1551–1589) – французский король с 1574 г. II, 85.
- Генрих IV (1553–1610) – французский король с 1589 г. II, 136.
- Генрих VIII (1491–1547) – английский король с 1509 г. II, 40.
- Генья Луи Жан (1697–1768) – французский библиофил II, 129.
- Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 до н.э.) – древнегреческий историк I, 122.
- Гершель Уильям (1738–1822) – английский астроном I, 134.
- Гесиод (VIII–VII в. до н.э.) – древнегреческий поэт II, 119.

- Гесслен Жан, французский книгопечатник XVII в. II, 113.
- Геце Иоганн Христиан (1692–1749) – немецкий теолог и библиограф, переводчик с итальянского II, 36.
- Гизы – дворянский род, игравший важную роль в политической жизни Франции в XVI в. II, 171.
- Гийон де Сардьер Дени (?–1758) – французский библиофил II, 23.
- Гиппократ Косский (ок. 460–377 до н.э.) – древнегреческий врач, автор многочисленных медицинских трактатов II, 125, 196.
- Гоббс Томас (1588–1679) – английский философ-материалист I, 160, 162, 168.
- Гомбервиль Марен Ле Руа де (1600–1674) – французский поэт и романист; член Французской академии II, 116.
- Гомер I, 45, 83, 122, 131, 143, 147, 152; II, 49, 75, 78, 84, 101, 103, 134, 170, 190, 202, 204, 215.
- Гор Жан дю, французский книгопродавец XVII в. II, 109.
- Гораций (полн. имя Квинт Гораций Флакк; 65–8 до н.э.) I, 39, 46, 83, 122, 130, 131, 138; II, 18, 75, 79, 80, 82, 88, 121, 126, 134, 157, 158, 176, 182, 190, 193, 202, 215, 229.
- Гоффкур Венсан Капронье де (1691–1766) – французский библиофил II, 158.
- Гоше Шарль Этьенн (1740–1804) – французский гравер-портретист II, 15.
- Гранже, издатель XVII в. I, 178.
- Гратароли Гильельмо (1510–1568) – итальянский врач II, 71, 105.
- Грекур Жан Батист Жозеф Виллар аббат де (1683–1743) – французский поэт, автор скабрёзных стихотворений II, 9–10.
- Гренвиль Жан Батист Франсуа Ксавье Кузен де (1746–1805) – французский писатель I, 130.
- Грендорж Андре (1616–1676) – французский врач, естествоиспытатель и философ I, 174.
- Грессе Жан Батист Луи (1709–1777) – французский поэт I, 129; II, 46.
- Гримани Антонио (1436–1523) – итальянский полководец, с 1521 г. дож Венеции I, 72–73.
- Гриффо Франческо (ок. 1450 – ок. 1518) – итальянский гравер-пуансонист II, 209.
- Гролье де Сервье Жан (1479–1565) – французский финансист, дипломат и библиофил I, 42; II, 20, 22, 86, 93, 154, 171.
- Грослей Пьер Жан (1718–1785) – французский писатель и знаток древностей II, 18.

- Гру Жан (1731–1803) – французский иезуит, религиозный писатель и переводчик II, 198.
- Грютхуиз – Луи де ла Грютхуз, наместник Голландии при бургундском герцоге Карле Смелом (1433–1477, правил с 1467 г.) II, 170–171.
- Гуд, французский книгопечатник XVII в. II, 42.
- Гурмон Жиль де (ок. 1480 – ок. 1533) – французский издатель и книгопечатник; работал вместе с братьями Робером и Жаном, завещал свое дело сыновьям Жану и Франсуа II, 90.
- Гутенберг Иоганн (ок. 1399–1468) – немецкий изобретатель книгопечатания I, 158–159; II, 75, 76, 125, 173, 212.
- Гуттар, французский библиофил XVIII в. I, 166.
- Гюйгенс Христиан (1629–1695) – голландский математик, физик, астроном I, 134.
- Гюйе Франсуа (1575–1655) – французский филолог и поэт (сочинял на латыни) II, 17, 212.
- Гюйно Балтазар (кон. XVII в.) – французский литератор, поклонник и комментатор М.Нострадамуса II, 45.
- Давен Франсуа (?–1662?) – французский литератор-мистик II, 49.
- Д’Аламбер Жан Лердн (1717–1783) I, 105–106; II, 70, 86, 105, 134.
- Дальгарно Джордж (ок. 1627–1687) – английский филолог II, 51.
- Дамилавиль Этьенн Ноэль (ок. 1721–1768) – французский литератор I, 128.
- Данкур Флориан Картон (1661–1725) – французский актер и комедиограф I, 119–120.
- Данте Алигьери (1265–1321) II, 76, 79, 215.
- Дарий III – персидский царь в 336–330 гг. до н.э. II, 78, 84, 103, 170, 204.
- Дасье Андре (1657–1722) – французский филолог, переводчик с древних языков II, 198.
- Дебарро Жак Валле, сьер де (1602–1673) – французский государственный деятель, вольнодумец и атеист, племянник Ж.Валле II, 145.
- Деборд (Бордезиус) Анри, амстердамский книгопечатник и издатель кон. XVI – нач. XVIII в. II, 12.
- Дебюр Гийом Франсуа (1731–1782) – французский библиограф и книгопродавец I, 163; II, 225.
- Дезульер Антуанетта дю Лижье де Лагард (1637–1694) – французская поэтесса I, 117, 191.
- Декарт Рене (1596–1650) II, 98, 141.

- Делиль Жак, аббат (1738–1813) – французский поэт I, 96, 215–216; II, 198.
- Деметрий Критский (XIV в.) – греческий богослов II, 76.
- Демокрит (ок. 460 – ок. 370 до н.э.) – древнегреческий философ II, 125.
- Демон, амьенский литератор XVI в. II, 45–49, 130–131.
- Демутье Шарль Альбер (1760–1801) – французский поэт II, 195.
- Денизо Никола (1515–1559) – французский поэт I, 127.
- Деперье Бонавантюр (ок. 1510 – кон. 1543?) – французский писатель I, 127, 163; II, 122.
- Депотер Жан (ок. 1460–1520) – фламандский лингвист II, 168.
- Депрео – см. Буало-Депрео Н.
- Депрео де Ла Фондамин Симиен (XVIII в.) – французский литератор I, 129.
- Дером Жак Антуан (ок. 1696–1760) – французский переплетчик I, 40.
- Дером Никола Дени (1731–1788) – французский переплетчик, сын Ж.-А. Дерома, самый знаменитый из династии Деромов, включавшей четырнадцать мастеров переплетного дела I, 40; II, 25, 34, 39, 43, 92–93, 151, 158, 159, 204.
- Десей Огюстен (1673–1746) – французский переплетчик I, 50; II, 23, 92, 158, 204.
- Дефе Жиль, французский библиофил II, 22.
- Дефо Даниэль (1660–1731) II, 195.
- Джакомелли Алессандро Батиста, итальянский литератор XV в. I, 99.
- Джолити ди Феррари Габриэло, итальянский книгопечатник XVI в. II, 34.
- Джонсон Сэмюэл (1709–1784) – английский моралист, критик, лексикограф I, 130.
- Джордано Лука (1632–1705) – итальянский художник I, 140, 152.
- Джогто ди Бондоне (1266 или 1267–1337) – итальянский художник I, 60.
- Джунта, семейство флорентийских и венецианских книгопечатников XVI в. II, 215, 216.
- Диаманте Хуан Батист (1625–1681) – испанский драматург I, 84.
- Дибдин Томан Фрогнолл (1776–1847) – английский библиофил и библиограф II, 22, 86.
- Дидо, династия французских книгопечатников и издателей XVIII – первой пол. XIX в. II, 215.
- Дидо Франсуа Амбруз (1730–1804) – французский издатель II, 197.

- Дидро Дени (1713–1784) I, 105–106, 111; II, 48, 117, 134.
- Диоген Лаэртский (нач. III в.) – историк древнегреческой философии I, 123; II, 198.
- Диоген Синопский (ок. 400 – ок. 325 до н.э.) – древнегреческий философ-киник, известный экстравагантным образом жизни II, 125.
- Диоскорид (I в.) – греческий врач и ботаник II, 70.
- Додсли Роберт (1703–1764) – английский литератор и книгопродавец II, 66.
- Доле Этьенн (1509–1546) – французский книгопечатник, гуманист I, 91, 106–107, 165.
- Дора Жан (1508?–1588) – французский поэт, член "Плеяды" II, 191.
- Дора Клод Жозеф (1734–1780) – французский поэт I, 96, 214–215; II, 192.
- Дофин – Людовик Бургундский (1682–1712), сын Людовика XIV II, 9–10.
- Дуаренус (Дуарен) Франсуа (1509–1559) – французский юрист, автор труда о плагиаторах и компиляторах, (1592) I, 91.
- Дуглас Джек (XVIII в.) – английский филолог II, 190.
- Дю Бартас Гийом де Салюст (1544–1590) – французский поэт I, 134.
- Дюбрель Жак (1528–1614) – французский историк II, 112.
- Дюваль Дени, французский книгопечатник XVI в. II, 39.
- Дювер Гийом (1556–1621). – французский моралист и политический деятель II, 223.
- Дювердые Ангуан (1544–1600) – французский литератор и библиограф I, 91, 113; II, 222.
- Дюкло Шарль, Пино (1704–1772) – французский литератор II, 225–226.
- Дюлор Жак Ангуан (1735–1835) – французский археолог и историк, автор семитомной "Физической, гражданской и нравственной истории Парижа" (1821–1822) II, 112.
- Дюме Луи (?–1681) – французский литератор I, 172.
- Дюпейру Пьер Александр (1729–1794) – французский литератор, друг Ж.-Ж.Руссо II, 180.
- Дюпен Андре Мари Жан Жак (1783–1865) – французский правовед и государственный деятель II, 101.
- Дюран Давид (ок. 1680–1763) – французский протестант, пастор II, 18.
- Дю Рийе Пьер (1606–1658) – французский драматург и переводчик I, 87, 188.
- Дюрю, французский переплетчик первой трети XIX в. II, 61.

- Дю Тийо Жан Батист Люкот (1668–1750) – французский антиквар и историк I, 102–104.
- Евгений Савойский-Кариньян, принц (1663–1736) – австрийский фельдмаршал, библиофил I, 55.
- Евклид (III в. до н.э.) II, 189.
- Еврипид (485/484 или 480–460 до н.э.) I, 91; II, 17, 215.
- Евсевий Кесарийский (между 260 и 265 – 338 или 339) – римский церковный писатель I, 166.
- Екатерина II (1729–1796) – русская императрица с 1762 г. II, 148.
- Жайо (наст. имя и фам. Жан Батист Рену де Шовинье; ок. 1710–1780), французский географ, автор пятитомного "Критического, исторического и топографического изыскания о городе Париже" (1772) II, 112.
- Жак Младший, амстердамский книгопечатник XVII в. II, 39.
- Жакото Жозеф (1770–1840) – французский педагог II, 72.
- Жаме Лион (нач. XVI в. – ок. 1561) – французский поэт, друг К. Маро II, 11.
- Жаме Младший Франсуа Луи (1710–1778) – французский библиофил II, 9–13, 20.
- Жаме Пьер Шарль (1701–1780) – французский литератор и филолог, брат Ф.Л. Жаме II, 12.
- Жамере-Дюваль Валентен (1695–1775) – французский философ, историк и нумизмат II, 134.
- Женгене Пьер Луи (1748–1816) – французский историк литературы и критик I, 77.
- Жиль Пьер (1490–1555) – французский естествоиспытатель и путешественник, уроженец Альби I, 99–100, 102.
- Жильбер Клод (1652–1720) – французский литератор I, 163.
- Жильбер Никола Жозеф Лоран (1750–1780) – французский поэт II, 49.
- Жинен, французский переплетчик, работавший в 1830–1840-е гг., придворный переплетчик Луи-Филиппа II, 9, 15, 31, 34, 39, 44, 93.
- Жирардо де Префон Поль (XVIII в.) – французский торговец лесом, библиофил II, 20, 23, 25, 171.
- Жиро, аббат, французский литератор XVII в. II, 115.
- Жироде-Триозон Анн Луи (1767–1824) – французский художник II, 59, 140.
- Жосс П., гаагский книгопечатник XVIII в. I, 192.
- Жоффрен (урожд. Роде) Мари Тереза (1699–1777) – хозяйка

- парижского литературного салона, покровительница энциклопедистов II, 86.
- Жубер Никола (кон. XVI – нач. XVII в.) – французский комический актер, шут и камердинер Генриха IV II, 133.
- Заме Себастьян (1549–1614) – французский финансист II, 171.
- Заратуштра (между X и первой пол. VI в. до н.э.) – пророк и реформатор древнеиранской религии I, 122.
- Зоил (IV в. до н.э.) – греческий софист II, 80.
- Иоанн XXII (наст. имя и фам. Жак Дуэз; 1245–1334) – папа римский с 1316 г. I, 60.
- Иосиф Флавий (37 – после 100) – иудейский историк I, 137.
- Ификрат (415–353 до н.э.) – афинский полководец I, 217.
- Йенсон (Жансон) Никола (ок. 1420–1480) – книгопечатник, издатель и мастер-шрифтовик французского происхождения, в 1470–1480 гг. работавший в Венеции I, 169; II, 209.
- Кайо Андре Шарль (1731–1798) – французский литератор II, 32, 226.
- Кальдерон де ла Барка Педро (1600–1681) – испанский драматург I, 84, 146, II, 225.
- Кальме Огюстен (1672–1757) – французский бенедиктинец, знаток древностей II, 13.
- Камознс Луиш ди (1524 или 1525–1580) – португальский поэт II, 79.
- Кампанелла Томмазо (1568–1639) – итальянский философ I, 173.
- Кампистрон Жан Гальбер де (1656–1723) – французский драматург I, 155.
- Камю Амран Гастон (1740–1804) – французский юрист, литератор и политический деятель II, 101.
- Канай Жан де (1594–1670) – французский иезуит, литератор II, 115.
- Канж Шарль дю Фресн, сеньор де (1610–1688) – французский лексикограф и историк I, 166; II, 46.
- Капеллус Родольф, немецкий библиотекарь и литератор XVII в. II, 49–52.
- Капилупи Лелио (1498–1560) – итальянский поэт, сочинявший на латыни I, 89.
- Кардано Джероламо (1501–1576) – итальянский врач, математик и философ I, 167; II, 124.

- Карл Великий (742–814) – франкский король с 768 г., император Запада с 800 г. II, 111, 171, 210.
- Карл I (1600–1649) – английский король с 1625 г. II, 40.
- Карл VI (1368–1422) – французский король с 1380 г. II, 70.
- Карл XII (1682–1718) – шведский король с 1697 г. I, 111; II, 198.
- Карон Пьер Симон (1763–1806) – французский коллекционер и издатель развлекательных сочинений гривуазного содержания I, 175; II, 24–26.
- Каррьон Луи (1547–1595) – французский юрист и знаток древностей II, 14.
- Кассень (или Кассань) Жак, аббат (1636–1679) – французский литератор I, 86, 186.
- Кассий Гай Лонгин (?–42 до н.э.) – римский политический деятель, республиканец I, 124; II, 182.
- Кастиль-Блаз Франсуа Анри Жозеф (1784–1857) – французский композитор и литератор I, 96.
- Кастильоне Бальдассарре (1478–1529) – итальянский писатель, автор трактата "Придворный" II, 76.
- Кастро Гильен де (1569–1631) – испанский драматург I, 84.
- Кастро Паоло да (кон. XIV в. – 1447 или 1457) – итальянский юрист II, 191.
- Катон Старший, или Цензор (234–149 до н.э.) – римский государственный деятель, поборник патриархальных нравов I, 124.
- Катон Младший, или Утический (95–46 до н.э.) – римский политический деятель, республиканец I, 221.
- Катулл Гай Валерий (ок. 87 – ок. 54 до н.э.) – римский поэт I, 169–170; II, 79, 215.
- Квинт Курций (I в.) – римский историк I, 138; II, 195.
- Квинтилиан Марк Фабий (ок. 35 – ок. 96) – римский теоретик ораторского искусства II, 126.
- Келер, французский переплетчик первой трети XIX в. II, 66, 93, 159.
- Кервер Тильман, французский книгопечатник XVI в. II, 29.
- Кино Филипп (1635–1688) – французский драматург II, 118.
- Кир II Великий (?–530 до н.э.) – первый царь древнеперсидского государства Ахеменидов I, 125.
- Клавдиан Клавдий, позднелатинский поэт, писавший в 395–400 гг. I, 145.
- Кларк Сэмюэл (1675–1729) – английский философ и теолог I, 156.
- Клеман Давид (?–1760) – французский пастор, живший в Германии, библиограф I, 47, 100, 163; II, 8, 36.

- Клосс, французский переплетчик 1830-х гг. II, 159.
- Кникнакий (наст. имя и фам. Ян Цецилий Фрей; ок. 1580–1631) – швейцарский врач и литератор I, 51.
- Кокийяр Гийом (ок. 1421 – ок. 1490) – французский поэт, автор стихов, зачастую носящих скабрёзный характер II, 195.
- Колен Александр Мари (1798–1875) – французский художник II, 59.
- Колин Симон де (? – ок. 1547) – французский книгопечатник, компаньон и преемник Анри Этьенна II, 85.
- Коломбьер – Вюльсон Марк, сеньор де Ла Коломбьер (кон. XVI в. – 1658) – французский литератор, знаток геральдики II, 42.
- Коломьес Поль (1638–1692) – французский историк и библиограф I, 91.
- Колонна Стефано, итальянский дворянин кон. XIII – нач. XIV в. I, 60.
- Колонна Шарра, итальянский дворянин кон. XIII – нач. XIV в., брат С. Колонны I, 59–60.
- Колумб Христофор (ок. 1451–1506) II, 70.
- Колумна (Колонна) Франциск (Франческо; 1444–1467 или 1433–1527) – итальянский монах-доминиканец I, 51–77, 168; II, 126–127, 131.
- Кольбер Жан Батист (1619–1683) – французский государственный деятель, министр финансов с 1665 г. II, 155, 171.
- Кольте Гийом (1598–1659) – французский поэт I, 117–118; II, 147.
- Кольте Клодина, французская поэтесса, жена Г. Кольте I, 117–118.
- Коммин Филипп де (1447–1511) – французский государственный деятель и историк I, 93.
- Кондорсе Мари Жан Антуан Никола де Карита, маркиз де (1743–1794) – французский философ II, 193.
- Кондт, голландский издатель кон. XVII – нач. XVIII в. II, 65.
- Констан Пьер (1560–?) – французский поэт и юрист II, 228.
- Контан Поль (ок. 1570–1632) – французский поэт и ботаник II, 228.
- Конти Луиза Маргарита Лотарингская, принцесса де (1577–1631) – французская аристократка, сестра герцога Лотарингского II, 137.
- Кора Жан де (1513–1572) – французский юрист I, 91.
- Корбинелли Жан (1615–1716) – французский моралист I, 102–104.
- Кордье Матюрен (1479–1569) – французский лингвист II, 168.
- Кормье, парижский ресторатор XVII в. II, 111.

- Корнель Пьер (1606–1684) I, 44, 84, 86, 87, 92, 119, 146, 147, 160, 179, 182–185, 189; II, 17, 86, 112, 117, 137, 139–141, 223.
- Корнманн Генрих (?–1620) – немецкий юрист и литератор I, 51.
- Короко, французский книгопродавец XVIII в. II, 9.
- Корр Жан де (1540–1587) – французский священник и литератор I, 91.
- Коррозе Жиль (1510–1568) – французский поэт и историк, автор "Замечательнейших древностей и особенностей благородного и торжествующего города Парижа" (1533) II, 112.
- Кортхольт Кристиан (1633–1694) – немецкий теолог-протестант I, 160.
- Котт Луи (1740–1815) – французский метеоролог и естествоиспытатель, хранитель библиотеки Пантеона I, 45; II, 204.
- Коэфто Никола (1574–1623) – французский историк, моралист и теолог II, 223.
- Крапле Жорж Адриан (1789–1842) – французский издатель II, 90.
- Кребийон Проспер Жолио де (1674–1762) – французский драматург I, 119.
- Кревенна Пьетро Антонио (?–1792) – итальянский коммерсант и библиограф I, 163, 165; II, 171.
- Крез (595–546 до н.э.) – последний царь Лидии, баснословный богач I, 125.
- Креки де Бланшфор де Канаплъ Шарль I де (1567–1638) – маршал Франции II, 136.
- Крен Элизена де (XVI в.) – французская писательница I, 141.
- Крений Томас (1648–1728) – немецкий филолог I, 112.
- Кристина Шведская (1626–1689) – шведская королева в 1632–1654 гг., покровительница наук и искусств I, 162; II, 148, 196.
- Крозе Жозеф (1808–1841) – французский издатель и книгопродавец, библиофил I, 40; II, 90.
- Крофт Герберт (1751–1816) – английский литератор, с 1802 г. живший во Франции I, 130.
- Ксенофонт Афинский (ок. 430–355 или 354 до н.э.) – древнегреческий писатель и историк I, 150; II, 190.
- Ксеркс I, царь Персии в 486–465 до н.э. I, 39.
- Куйяр Ангуан, сьер дю Павийон (?–1575) – французский литератор II, 41.
- Куртанво Франсуа Сезар Летелль, маркиз де (1718–1781) – французский военный, ученый и путешественник II, 102.
- Куртеваль, французский переплетчик конца XVIII – начала XIX в. II, 204.
- Куртиль де Сандра Гасьен де (1644–1712) – французский книгопечатник и литератор I, 127.

- Курье Поль Луи (1772–1825) – французский писатель, публицист, филолог I, 139.
- Кутель Антуан (1627–1692) – французский поэт I, 117, 191.
- Кутелье Антуан Урбен (?–1724) – французский издатель и книгопродавец II, 197.
- Кьяри Пьетро (1711–1785) – итальянский писатель I, 52.
- Кюжас (Куяций) Жак (1522–1590) – французский юрист II, 98, 191.
- Ла Барр Луи Франсуа Жозеф де (?–1738) – французский литератор, член Академии надписей I, 105.
- Лаберий, римский всадник и литератор I в. до н.э. I, 216–217.
- Лабрюйер Жан де (1645–1696) I, 108, 151, 159; II, 84, 147.
- Лабудри Жан де (1776–1849) – французский литератор, с 1804 г. священник I, 39.
- Лавальер Луи Сезар, герцог де (1708–1780) – французский библиофил I, 47, 163–165; II, 102, 171.
- Лавока Шарль (1790–1854) – французский издатель I, 39.
- Лакруа дю Мен Франсуа Грюде, сьер де (1552–1592) – французский библиограф I, 127; II, 222.
- Ламартельер Жан Анри Фердинанд (1761–1830) – французский литератор и переводчик II, 194.
- Ламбен Дени (1516–1572) – французский филолог, знаток древностей I, 94.
- Ламенне Фелисите Робер де (1782–1854) – французский философ, теолог, публицист II, 148–149.
- Лами Бернар (1640–1715) – французский философ I, 173.
- Ламоннуа Бернар де (1641–1728) – французский литератор и библиограф I, 91, 113, 127, 161–162, 174; II, 18, 212, 223.
- Ламотт – Удар де Ламотт Антуан (1672–1731) – французский поэт, драматург, литературный критик I, 96, 121.
- Ламот Ле Вайе Франсуа де (1588–1672) – французский философ-вольномудец I, 84–85, 108; II, 189.
- Ламуаньон Гийом де (1617–1677) – французский государственный деятель, меценат и библиофил II, 171.
- Ламуаньон Кретьен де (1644–1709) – французский государственный деятель, библиофил, сын Г. де Ламуаньона II, 171.
- Лангле-Дюфрена Никола (1674–1755) – французский литератор и историк I, 174; II, 130.
- Ланглес Луи Матье (1763–1824) – французский ориенталист II, 102.
- Ланглау Дени, французский книгопечатник XVII в. II, 43.
- Ландо Гортензио (XVI в.) – итальянский врач и литератор II, 36–37.

- Ландон Шарль Поль (1760–1826) – французский художник и литератор, автор двухтомного "Описания Парижа и его зданий" (1809–1819) II, 112.
- Ландье Эдуард, французский литератор начала XIX в. I, 114–117.
- Лансберг Матье (XVII в.) – издатель "Льежского альманаха" II, 168.
- Лансло Антуан (1675–1740) – французский археолог, член Академии надписей II, 10, 13, 102.
- Лансло Клод (ок. 1615–1695) – французский религиозный деятель и лингвист, янсенист II, 196.
- Ланфан Жак (1661–1728) – французский теолог-протестант, библиограф и литературный критик I, 171.
- Ла Попелиньер (правильно: Ла Пупелиньер) Александр Жан Жозеф Ле Риш де (1691–1762) – французский откупщик и меценат II, 86.
- Ларошфуко Франсуа герцог де (1613–1680) I, 102–104, 160; II, 192.
- Ласкарис Иоанн Андрей (?–1535) – греческий ученый-эллинист, живший в Италии и во Франции II, 76.
- Латур, французский библиофил II, 180.
- Латуш Анри де (наст. имя и фам. Ясент Табо; 1785–1851) – французский поэт, драматург и романист II, 194.
- Лафайет Мари Мадлен Пьош де ла Вернь графиня де (1634–1693) – французская писательница I, 118.
- Лафонтен Жан де (1621–1695) I, 97, 107, 121, 126, 129, 148, 151, 156; II, 18, 54, 84, 117, 119, 134, 143, 163, 192, 195, 223.
- Леба Жан Батист Аполлинер (1797–1873) – французский инженер II, 178.
- Лебеф Жан, аббат (1687–1760) – французский литератор, автор "Истории города Парижа и всей Парижской епархии" (1754) I, 99; II, 112.
- Лев X (наст. имя и фам. Джованни Медичи; 1475–1521) – папа римский с 1513 г., покровитель искусств I, 141; II, 75.
- Легран Марк Антуан (1673–1728) – французский актер и драматург I, 88.
- Ледигьер Франсуа де Бонн, герцог де (1543–1627) – маршал и коннетабль Франции II, 136.
- Ле Дюша Жакоб (1658–1735) – французский филолог и знаток древности I, 174; II, 12.
- Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) II, 57, 224.
- Лелий Гай Мудрый (185 – ок. 115 до н.э.) – римский государственный деятель, консул 140 г. до н. э. I, 118.
- Лелон Жак (1665–1721) – французский историк и библиограф II, 102.

- Лемакрье Жан Батист (1697–1760) – французский литератор I, 47–48.
- Лене Александр (ок. 1650–1710) – французский поэт, сочинитель вакхических песен и эпиграмм II, 13.
- Ленобль Эташ, барон де Сен-Жорж и де Тандьер (1643–1711) – французский литератор I, 180.
- Леонардо из Удине (наст. имя и фам. Леонардо ди Маттео) – итальянский проповедник XV в. I, 168.
- Ле Рагуа Клод, аббат (?–1685) – духовник маркизы де Ментенон, воспитатель герцога дю Мэна II, 53–54.
- Леритье де Брютель Шарль Луи (1746–1800) – французский ботаник II, 102.
- Лериш (ок. 1730 – после 1790) – французский юрист и литератор II, 23.
- Леру, французский литератор начала XVIII в. II, 45.
- Леруа (Региус) Луи (нач. XVI в. – 1577) – французский литератор I, 107; II, 105.
- Леруж Андре Жозеф Этьенн (1766–1833) – французский лингвист и библиофил II, 96.
- Лесаж Ален Рене (1668–1747) – французский писатель II, 174, 195.
- Лесюир Робер Мартен (1737–1815) – французский писатель I, 140.
- Лесюэр Эташ (1617–1655) – французский художник I, 140.
- Лети Грегорио (1630–1701) – итальянский историк и писатель, протестант I, 156.
- Ливий Тит (59 до н.э. – 17 н.э.) – римский историк I, 61, 123, 138, 155; II, 80.
- Лигарий Квинт, римский государственный деятель I в. до н.э., противник Цезаря в гражданских войнах I, 82.
- Ликофрон (III в. до н.э.) – древнегреческий поэт и грамматик II, 13, 49.
- Лионн Юг де, маркиз де Берни (1611–1671) – французский государственный деятель, доверенное лицо кардинала Мазарини, затем министр без портфеля при Людовике XIV II, 142, 147.
- Липпи Лоренцо (1606–1664) – итальянский художник и поэт I, 170.
- Лирон Жан (1665–1749) – французский знаток древности и библиотечкарь I, 100.
- Лисид Тарентский (кон. VI – первая пол. V в. до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Пифагора I, 126.
- Лихтенберг Иоганн (ок. 1458–?) – немецкий астролог и предсказатель II, 43.

- Ломейер Иоганн (1636–1699) – голландский историк и филолог I, 100.
- Лонг (кон. II – нач. III в.) – древнегреческий писатель I, 99, 139, 175; II, 79.
- Лонжевиль Дезире де (кон. XVIII – нач. XIX в.) – французский дворянин, друг Ж.-Э. де Сюрвиля II, 60.
- Лонжевьер Илер Бернар де Роклейн, барон де (1659–1721) – французский поэт и драматург, библиофил II, 20.
- Лонуа Жан де (1603–1678) – французский теолог II, 225.
- Лопиталь Мишель де (ок. 1504–1573) – французский политический деятель, канцлер Франции в 1560–1568 гг. II, 191.
- Лотарингский Карл, герцог де Гиз (1571–1640) – сын главы “Лиги” герцога Генриха де Гиза, брат принцессы де Конти II, 137.
- Лотриан Ален, парижский книгопечатник первой пол. XVI в. II, 143.
- Лоттен Огюстен Мари (1726–1793) – французский литератор и книгопечатник, книгопродавец дофина, будущего короля Людовика XVI II, 27–28.
- Лоурих Джованни итальянский литератор XVIII в. I, 51–77.
- Луар Никола Пьер (1624–1679) – французский художник I, 141.
- Лукан Марк Анней (39–65) – римский поэт I, 61, 143, 146.
- Лукиан (ок. 120 – ок. 190) – древнегреческий писатель II, 189, 215.
- Лукман, легендарный арабский мудрец, которому приписывают сочинение сборника басен I, 125.
- Лукреций (полн. имя Тит Лукреций Кар; ок. 98 – 55 до н.э.) – римский поэт I, 134, 216; II, 79.
- Людовик XIV (1638–1715) – французский король с 1643 г. II, 9, 10, 31–33, 39, 45, 78, 143, 198.
- Людовик XV (1710–1774) – французский король с 1715 г. II, 27–28.
- Людовик XVI (1754–1793) – французский король в 1774–1792 гг. II, 26–29, 191.
- Люи, французский адвокат XVI в. I, 99.
- Люин Шарль, маркиз д’Альбер, герцог де (1578–1621) – французский аристократ, фаворит Людовика XIII, брат О. де Шольна II, 142.
- Лютер Мартин (1483–1546) II, 76.
- Мабли Габриэль Бонно де (1709–1785) – французский философ и историк, представитель утопического коммунизма I, 111.

- Мазарини Жюль, кардинал (1602–1661) – французский политический деятель, с 1643 г. первый министр II, 171.
- Мазуччо Салернитанец (наст. имя и фам. Томмазо Гуардати; между 1410 и 1415–1475) – итальянский писатель I, 126.
- Майерн Луи Тюрке де (ок. 1550–1618) – французский литератор II, 105.
- Макиавелли Никколо (1469–1527) – итальянский историк и писатель I, 155; II, 79, 191.
- Маккавей Иуда (ок. 200 – 160 до н.э.) – иудейский военачальник I, 92.
- Маккарти Рей Юстин, граф (1744–1811) – шотландский библиофил, живший во Франции I, 47; II, 129, 204.
- Макробий Амвросий Феодосий (V в.) – латинский писатель и грамматик ранневизантийской эпохи I, 88.
- Макферсон Джеймс (1736–1796) – шотландский писатель, создатель "Поэм Оссиана" I, 131–132; II, 60.
- Малерб Франсуа де (1555–1628) – французский поэт I, 134, 190; II, 137, 195.
- Маллеспин, маркиза, возлюбленная провансальского поэта Альберте де Систерона I, 114.
- Мальбранш Никола (1638–1715) – французский философ и теолог II, 48.
- Мальман Клод, сеньор де Месанж (1653–1723) – французский литератор II, 120–121.
- Мандевиль Бернард (1670–1733) – английский писатель и философ I, 212–214.
- Мантенья Андреа (1431–1506) – итальянский художник I, 60.
- Мануций Альд Старший (1449–1515) – венецианский книгопечатник и издатель I, 53, 75; II, 76, 213, 215.
- Мануций Павел (Паоло; 1512–1574) – итальянский издатель и ученый, сын А. Мануция I, 113–114; II, 215, 216.
- Маньи – французский государственный деятель и литератор XVIII в., автор четырехтомного "Исторического словаря города Парижа" (1779, совместно с П.-Т.-Н.Юрто) II, 112.
- Маранзак (? – 1735) – шут дофина Людовика Бургундского II, 8–11, 20.
- Марешаль Жан, французский издатель XVI в. I, 41.
- Мариво Пьер Карле де Шамблен де (1688–1763) – французский романист и драматург I, 88, 139.
- Марино Джамбатиста (1569–1625) – итальянский поэт-маньерист I, 85.
- Мария Стюарт (1542–1587) – шотландская королева в 1542–1567 (фактически в 1561–1567) гг. I, 188.

- Марк Аврелий (121–180) – римский император (с 162 г.) и философ II, 68, 75.
- Маркассу Пьер де (1584–1664) – французский литератор I, 171.
- Марке Анна де, сестра Марии де Марке II, 30.
- Марке Мария де, возлюбленная П. де Ронсара II, 29–31.
- Марль С.-Л. (1795–ок. 1863) – французский лингвист II, 116.
- Мармонтель Жан Франсуа (1723–1799) – французский писатель I, 87; II, 86.
- Маро Клеман (1496–1544) – французский поэт I, 107, 192–193; II, 11, 195, 222.
- Мартен Габриэль (1679–1761) – французский книгопродавец и библиограф II, 129, 223, 225.
- Мартине, придворный гравер, иллюстратор книги “Историческое описание Парижа и его самых красивых памятников”, написанной Бегийе и Понселеном (1779–1781, т. 1–3) II, 112.
- Марциал (ок. 40 – ок. 104) – римский поэт II, 79, 215.
- Маршан Проспер (ок. 1675–1756) – французский библиограф I, 59, 163.
- Масений (Масен) Якоб (1606–1681) – немецкий поэт I, 97.
- Маскарон Жюль (1634–1703) – французский проповедник II, 198.
- Массийон Жан Батист (1663–1743) – французский проповедник I, 156; II, 192, 198.
- Матье Пьер (1563–1621) – французский поэт и историк I, 87.
- Маур Лелий, основатель Тревизо I, 62.
- Мевий, римский поэт I в. до н.э. II, 80.
- Медичи Лоренцо (1449–1492) – итальянский государственный деятель, правитель Флоренции, покровитель искусств I, 175.
- Меланхтон Филипп (1497–1560) – немецкий протестант, теолог и педагог, сподвижник Лютера II, 189.
- Мельци Газтано (1783–1852) – итальянский библиограф II, 102.
- Менаж Жиль (1613–1692) – французский эрудит, поэт и остроумец I, 94; II, 115, 116.
- Менандр (ок. 343 – ок. 291) – древнегреческий комедиограф II, 79.
- Менар Франсуа (1582–1646) – французский поэт I, 191; II, 174.
- Менке Иоганн Буркхард (1674–1732) – немецкий ученый, филолог и историк II, 52.
- Мено Мишель (ок. 1440–1518) – французский проповедник II, 14–15.
- Ментенон (урожд. д’Обинье) Франсуаза, маркиза де (1635–1719) – воспитательница детей Людовика XIV и маркизы де Монтеспан, затем фаворитка и, позже, морганатическая супруга короля II, 53–54.

- Меон Доминик Мартен (1748–1829) – французский библиофил и филолог II, 25.
- Мере Жан (1604–1686) – французский драматург I, 118–119.
- Мерсиус (Де Мер) Иоганн (1579–1639) – голландский филолог и историк I, 166, 178.
- Мерсье Луи Себастьян (1740–1814) – французский писатель, автор “Картины Парижа” (1790, т. 1–12) II, 48, 112.
- Мерсье Жюзиас, сьер де Борд и дю Гриньи (?–1626) – французский знаток древности, протестант II, 14–15.
- Мерсье де Сен-Леже Бартеlemi (1734–1799) – французский библиограф I, 163–165; II, 10, 18, 47, 228.
- Миддлтон Конис (1683–1750) – английский литератор и теолог I, 124.
- Микеланджело Буонарроти (1475–1564) I, 121.
- Мильтон Джон (1608–1674) I, 97, 143; II, 135.
- Миньо Венсан, аббат, французский литератор XVIII в. II, 195.
- Миныйя Пьер (1612–1695) – французский художник I, 140.
- Мирабо Жан Батист (1675–1760) – французский литератор I, 46–47, 128.
- Мирабо Оноре Габриэль Рикети, граф де (1749–1791) – деятель Великой французской революции II, 39, 182.
- Мирон (сер. V в. до н.э.) – древнегреческий скульптор I, 153.
- Митшерлих Кристоф Вильгельм (1760–1854) – немецкий филолог II, 193.
- Мишо Жозеф Франсуа (1767–1839) – французский историк и публицист II, 101.
- Мокью, французский библиофил XVIII в. I, 163.
- Моле Матье (1584–1656) – французский государственный деятель и правовед II, 171.
- Мольер (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен; 1622–1673) I, 83, 88, 97, 107, 141, 148, 171; II, 18, 88, 134, 141, 180, 194, 223.
- Момон Жан, французский литератор XVI в. I, 99.
- Монгольфье Жозеф Мишель (1740–1810) – французский фабрикант и изобретатель I, 37.
- Монен Эдуард дю, французский поэт XVI в. I, 134.
- Монкретьен Антуан, сьер де Ватвиль (1570–1621) – французский драматург I, 187–188.
- Монмерке Луи Жан Никола (1780–1860) – французский юрист и знаток древности I, 39.
- Монморанси, древнейший французский род II, 154.
- Монтень Мишель де (1533–1592) I, 40, 83, 86, 90, 108–110, 117, 155, 160, 180–182, 185, 216–223; II, 15, 68, 104, 134, 190, 192, 222.

- Монтескье Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред (1689–1755) I, 149, 155, 159; II, 198, 225.
- Монтрон Пьер дю Пиже (?–1664) – французский финансист и меценат II, 86, 171.
- Монтрей Матье, аббат де (1611–1691) – французский поэт II, 115.
- Мопертюи Пьер Луи Моро де (1698–1759) – французский геометр, философ и астроном I, 167.
- Морелле Андре (1727–1819) – французский литератор, сотрудник "Энциклопедии" II, 12, 18.
- Морен Симон (?–1663) – французский мистик II, 49, 129–131.
- Морери Луи (1643–1680) – французский филолог и историк I, 106.
- Мори Жан Сиффейн (1746–1817) – французский религиозный деятель и оратор I, 96.
- Морлино Джероламо (XVI в.) – итальянский юрист и писатель, автор гривуазных новелл II, 24.
- Мотен Пьер (ок. 1566 – ок. 1610) – французский поэт II, 145.
- Мотте Пьер Антуан (1660–1718) – французский поэт и переводчик I, 180.
- Мозжан Адриан (вторая пол. XVII в.) – голландский книгопродавец II, 35, 65.
- Мэн Луи Огюст де Бурбон, герцог дю (1670–1736) – сын Людовика XIV и маркизы де Монтеспан II, 53.
- Мэн Анна Луиза Бенедикта де Бурбон, герцогиня дю (1676–1753) – жена Л.О. дю Мэна I, 191.
- Мэтгер Мишель (1668–1747) – французский библиограф и филолог, II, 102, 215.
- Мюре Марк Антуан (1526–1585) – французский литератор, филолог, поэт, сочинявший на латыни I, 94, 165; II, 14–15.
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт; 1769–1821) I, 35; II, 128.
- Нееф Питер Старший (1570–1651) – фламандский художник I, 141.
- Немурский Анри де Савуа, герцог (1572–1632) – французский полководец II, 136.
- Неольм Жан, гаагский книгопечатник XVIII в. I, 192.
- Нерей Р.-Ж., французский литератор XVII в. I, 87, 186–187.
- Нерли, флорентийский книгопечатник и издатель XV в. I, 45; II, 204.
- Нерон (37–68) – римский император с 54 г. I, 138.
- Низолиус (наст. имя и фам. Марио Низолио; ок. 1498 – ок. 1566) – итальянский литератор I, 107.

- Нисерон Жан-Пьер (1685–1738) – французский библиограф I, 100.
- Ноде Габриэль (1600–1653) – французский библиограф I, 171–172; II, 223.
- Нодо Франсуа, французский литератор XVII в. I, 138.
- Нострадамус Жан (?–1590) – французский литератор и государственный деятель I, 114.
- Нострадамус Мишель (1503–1566) – французский врач и астролог II, 40–41, 44–45.
- Ноурс Джон, английский издатель XVIII в. I, 212.
- Нозль, французский переплетчик первой пол. XIX в. II, 204.
- Нума Помпилий, второй царь Древнего Рима в 715–673/672 гг. I, 122–123.
- Ньютон Исаак (1642–1727) II, 98.
- Обен Жак, французский книгопечатник XVII в. II, 109.
- Обер Ле Мир (1573–1646) – бельгийский иезуит, филолог и библиограф I, 100.
- Овидий (Публий Овидий Назон; 43 до н.э. – ок. 18 н.э.) II, 178, 215.
- Оже Луи Симон (1772–1829) – французский критик и литератор II, 121.
- Окинкур Шарль де Монши, маркиз д' (1599–1658) – маршал Франции II, 115.
- Октавиан – см. Август Октавиан.
- Омар (ок. 581–644) – второй калиф мусульман I, 41; II, 173, 200.
- Опорин Иоганн (1507–1568) – немецкий книгопечатник и филолог I, 177.
- Опсопеус Иоганн (1556–1596) – немецкий врач и эрудит II, 42.
- Оранский Мориц Нассауский, принц (1567–1625) – голландский полководец II, 136.
- Орлеанский Людовик, герцог (1703–1752) – французский государственный деятель, известный своей ученостью и благотворительностью I, 191.
- Орлеанский Филипп, герцог (1674–1723) – регент Франции в 1715–1723 гг. I, 175; II, 11.
- Оссиан, кельтский бард III в., под чьим именем выпускал свои поэмы Д.Макферсон I, 131–132.
- Отель Гийом дез (1529–1576) – французский поэт I, 140.
- Падлу Антуан Мишель (1685–1758) – французский переплетчик, самый знаменитый мастер из династии, состоявшей из тринадцати человек I, 50; II, 23, 39, 92–93, 158, 204.

- Пакувий Марк (ок. 220 – 130 до н.э.) – римский трагический поэт I, 123.
- Палисси Бернар (ок. 1510–1589 или 1590) – французский художник-керамист и естествоиспытатель I, 174.
- Панкук Шарль Жозеф (1736–1798) – французский книгопродавец и литератор I, 105–106.
- Папен Дени (1647–1714) – французский физик, математик, изобретатель II, 105.
- Парацельс (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493–1541) – швейцарский врач, химик и философ II, 41.
- Паризо Жан Патрокл, французский литератор XVII в. II, 49.
- Парис Полен (1800–1881) – французский библиограф II, 171.
- Парис Луи (1802–1887) – французский библиограф II, 171.
- Парнелл Томас (1679–1717) – английский поэт I, 193–198, 204.
- Парни Эварист Дезире Дефорж, виконт де (1753–1814) – французский поэт II, 145.
- Паскаль Блез (1623–1662) I, 108–110, 150–151, 156, 221–224; II, 49, 98, 106, 140, 190, 192, 193, 223.
- Паскье Этьенн (1529–1615) – французский юрист и государственный деятель II, 171.
- Пассар, французский букинист II, 181–182.
- Пассера Жан (1534–1602) – французский писатель и филолог, один из авторов "Менипповой сатиры" II, 190–191.
- Патен Ги (1602–1672) – французский врач и писатель, мастер эпистолярного стиля I, 172; II, 189.
- Патрю Оливье (1604–1681) – французский адвокат II, 148.
- Пазп Андре де (ок. 1547–1581) – бельгийский филолог, историк и теоретик музыки II, 71, 105.
- Пейре де Вальерас, провансальский поэт I, 114.
- Пеллетье Жак (Пеллетье из Манса; 1517–1582) – французский литератор, врач и математик I, 127.
- Пелликан, французский книгопродавец XVI в. II, 40.
- Пелиссон-Фонтанье Поль (1624–1693) – французский литератор I, 115.
- Пеллисье Гийом (1490–1568) – французский прелат и дипломат, знаток естественных наук I, 100–102.
- Пеньо Этьенн Габриэль (1767–1849) – французский библиограф и филолог II, 8–10, 52, 101, 124, 186–206.
- Перикл (ок. 490–429 до н.э.) – древнегреческий государственный деятель II, 78.
- Перро Шарль (1628–1703) – французский писатель II, 195.
- Персий Флакк Авл (34–62) – римский поэт-сатирик II, 79, 215.

- Петрарка Франческо (1304–1374) I, 61; II, 76, 81, 215.
- Петроний Гай (?–66) – римский всадник, приближенный Нерона, предположительно автор "Сатирикона" I, 138; II, 79.
- Петрус из Равенны (1448–1508 или 1509) – итальянский юрист II, 71.
- Пешмейя Жан (1741–1785) – французский писатель I, 111.
- Пиганьоль де Ла Форс Жан Эмар (1673–1753) – французский литератор, автор шеститомного "Описания города Парижа и его окрестностей" (1742) II, 112.
- Пигуше Филипп, французский книгопечатник, каллиграф и миниатюрист XVI в. II, 143.
- Пизани Леонора, венецианская аристократка XV в. I, 61.
- Пикколомини – Пий II (1405–1464), папа римский с 1458 г., гуманист, поэт, сочинявший стихи на латыни под именем Эней Сильвий I, 118.
- Пиксерикур Рене Шарль Гильбер де (1773–1844) – французский драматург и библиофил I, 44; II, 28.
- Пильпай (Бидпай) – легендарный индийский брахман, предполагаемый автор многих басен на санскрите, вошедших в "Панчатантру" (III–IV вв.) I, 125.
- Пипер Михаэль, немецкий книгопечатник XVII в. II, 50.
- Писистрат (до 600–528 или 527 до н.э.) – афинский тиран с 560 г. до н.э. I, 131.
- Питу Пьер (1539–1596) – французский юрист и литератор I, 112.
- Питу Франсуа (1543–1621) – французский юрист, брат П. Питу I, 112.
- Пифагор (вторая пол. VI в. – 497 до н.э.) I, 126.
- Плавт Тит Макций (сер. III в. – ок. 184 до н.э.) – римский комедиограф I, 83; II, 80.
- Плантен Кристоф (1514–1589) – французский книгопечатник, ученый и поэт, работавший в Антверпене и Лейдене II, 209.
- Плантены, издательский дом, действовавший в Антверпене в XVI–XIX вв. II, 215.
- Плануд, византийский писатель и ученый XIV в. I, 125–126.
- Платон (428 или 427 – 348 или 347 до н.э.) I, 150, 179; II, 68, 134, 175, 189.
- Плиний Младший (ок. 62 – ок. 114) – римский писатель II, 79, 215.
- Плиний Старший (ок. 24–79) – римский писатель и ученый I, 122; II, 189.
- Плутарх Херонейский (ок. 46 – ок. 127) I, 83, 98–99, 124, 156; II, 189, 190, 192, 198.
- Поджо – Браччолини Джан Франческо Поджо (1380–1459) – итальянский писатель, гуманист I, 134.

- Полициано (наст. фам. Амброджини) Анджело (1454–1494) – итальянский поэт, гуманист I, 91.
- Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де (1721–1764) – фаворитка Людовика XV II, 155.
- Понтье Огюстен (1756–1833) – французский врач и библиограф I, 175.
- Поп Александр (1688–1744) – английский поэт II, 81.
- Портер Джейн (1776–1850) – английская писательница I, 98.
- Постель Гийом (1510–1581) – французский писатель и ученый-ориенталист I, 165; II, 49, 127–129, 131.
- Пре Жан де, французский книгопечатник XVI в. II, 55.
- Преото Этьенн, французский книгопечатник XVI в. II, 45.
- Про Младший, французский книгопродавец XVIII в. I, 193.
- Проба Фалькония (или Фальтония), латинская поэтесса нач. V в. I, 89.
- Проперций Секст (ок. 50 – ок. 15 до н.э.) – римский поэт II, 215.
- Пти Жан, французский книгопечатник XVI в. II, 15.
- Птолеми (Лагиды), царская династия в эллинистическом Египте в 305–30 до н.э. I, 41; II, 78.
- Птолемей Клавдий (ок. 90 – ок. 160) – древнегреческий астроном, автор "Альмагеста", энциклопедии астрономических знаний древности, и "Географии" II, 189.
- Пуатье Диана де, герцогиня де Валентинуа (1499–1566) – возлюбленная французского короля Генриха II I, 192; II, 85, 152.
- Публий Сир (I в. до н.э.) – римский литератор I, 110.
- Пуссен Никола (1594–1665) – французский художник I, 141.
- Пюргольд П. (?–1830) – французский переплетчик I, 37; II, 93.
- Пютеанус – Клод Дюпюи (1545–1594), французский юрист и знаток древности II, 15.
- Рабле Франсуа (1494–1553) I, 34, 107, 141, 148, 180; II, 12, 44, 49, 98, 111, 122, 123, 128, 138, 140, 190, 195, 222.
- Ракан Онора де Бюэй, маркиз де (1589–1670) – французский поэт II, 195.
- Рамсей Андре Мишель, шевалье де (1686–1743) – французский литератор шотландского происхождения I, 110–111, 155.
- Расин Жан (1639–1699) I, 83, 86, 87, 92, 95, 107, 143, 147, 149, 155, 179, 186–187; II, 17, 53–55, 84, 88, 98, 117, 180, 212.
- Рафаэль Санги (1483–1520) I, 55, 57, 140–142; II, 158.
- Ревецки Шарль Эмерих Александр, граф (1737–1793) – венгерский дипломат и библиограф II, 102.
- Регул Марк Аттилий (?–250 до н.э.) – римский полководец I, 221.

- Рейналь Гийом Томас Франсуа, аббат (1713–1796) – французский историк I, 111.
- Рейнуар Франсуа Жюст Мари (1761–1836) – французский поэт, драматург, филолог I, 102.
- Ремортье Жаспар де, французский книгопродавец XVII в. II, 109.
- Ренар Луи, французский естествоиспытатель XVIII в. I, 177.
- Ренуар Антуан Огюстен (1765–1853) – французский издатель и библиограф I, 114–117, 139, 163–164; II, 8, 15, 17, 200, 207–217.
- Реньё Матюрен (1573–1613) – французский поэт II, 110, 195, 222.
- Реньё-Бретель, французский букинист XVIII в. I, 171.
- Реньяр Жан Франсуа (1655–1709) – французский драматург I, 117.
- Ретиф де Ла Бретонн (1734–1806) – французский писатель II, 49.
- Риве Лагранж, аббат (1683–1749) – французский бенедиктинец, автор девятитомной "Литературной истории Франции" (1733–1749) II, 18.
- Ригальиус (Риго) Никола (1577–1654) – французский филолог, библиотекарь и государственный деятель II, 39.
- Риголе де Жювиньи Жан Антуан (?–1788) – французский литератор I, 127.
- Риккобони (урожд. Лабора де Мезьер) Мари Жанна (1714–1792) – французская актриса и писательница I, 139.
- Рикотье Пьер (1673–?) – голландский теолог I, 156.
- Римский король – Франсуа Шарль Жозеф Наполеон Бонапарт, с 1815 г. герцог Рейхштадтский (1811–1832) – сын Наполеона II, 178.
- Ричардсон Сэмюэл (1689–1761) – английский писатель II, 195.
- Ришар, французский библиофил II, 23.
- Ришелье Арман Жан дю Плесси, герцог де, кардинал (1585–1642) II, 147, 155, 171, 174.
- Ришле Сезар Пьер (ок. 1631–1698) – французский лексикограф II, 120.
- Рок Даниэль де ла, французский литератор XVII в. II, 32.
- Рок Иасент Никола де ла, французский литератор XVII в. II, 32.
- Роклор Гастон Жан Батист, маркиз, потом герцог де (1617–1676) – французский военный и острослов I, 125.
- Роллен Шарль (1661–1741) – французский литератор и педагог II, 198.
- Романо Джулио (наст. фам. Пиппи; 1492 или 1499–1546) – итальянский художник I, 141.
- Ронделе Гийом (1507–1556) – французский врач и естествоиспытатель I, 100–102.

- Ронсар Пьер (1524–1585) I, 40, 134; II, 29–31, 83, 191.
- Ротру Жан де (1609–1650) – французский драматург II, 139.
- Ружу Прюданс Гийом де (1779–1836) – французский писатель и государственный деятель I, 136; II, 59–60, 195.
- Руссе Никола, французский книгопечатник XVII в. II, 24.
- Руссо Жан Батист (1671–1741) – французский поэт I, 86, 179, 185–186.
- Руссо Жан Жак (1712–1778) I, 111, 139–140, 149, 154–155, 156; II, 7, 18, 71, 180, 192, 198.
- Рюдбек Олав (1630–1702) – шведский естествоиспытатель II, 51.
- Сабатье де Кастр Антуан (1742–1817) – французский литератор I, 87, 105.
- Саварон Жан (1567–1622) – французский историк, юрист и государственный деятель II, 14–15.
- Савиньи Кристоф де (ок. 1540–1608) – французский знаток древности II, 71, 105.
- Саленгр Альбер Анри де (1694–1723) – французский литератор и библиограф I, 163, 174.
- Саллюстий (ок. 86–35 до н.э.) – римский историк I, 179; II, 215.
- Сальвьяти Кассандра (XVI в.) – дочь флорентийского банкира, возлюбленная П. де Ронсара I, 30.
- Саннадзаро Якопо (1455–1530) – итальянский поэт II, 76.
- Сантель Жан де (1630–1697) – французский поэт, сочинявший на латыни II, 18.
- Сарразен Жан Франсуа (1603–1654) – французский поэт I, 96, 149, 189; II, 116, 144.
- Сарто Андреа дель (1486–1530) – итальянский художник I, 141.
- Сведенборг Эмануэль (1688–1772) – шведский философ-мистик II, 124.
- Свифт Джонатан (1667–1745) II, 140, 141.
- Севинье Мари де Рабютен-Шангаль, маркиза де (1626–1696) – французская писательница I, 103; II, 198.
- Сегре Жан Реньо де (1624–1701) – французский писатель I, 118.
- Сегье – французский род, представители которого в XVI–XVIII вв. были крупными государственными деятелями II, 171.
- Сен-Виктор Жак Бенжамен Максимилиан Бенс, граф де (1772–1858) – французский литератор, автор трехтомной "Исторической и живописной картины Парижа" (1808) II, 112.
- Сен-Глен Доминик, барон де, французский литератор XVII в. I, 173.

- Сенека Младший Луций Анней (4 до н.э. – 65 н.э.) – римский философ-стоик и писатель I, 83, 86, 87, 94, 108, 143, 182; II, 189.
- Сен-Жир, французский педагог и литератор XVI в. II, 55–58.
- Сен-Леже – см. Мерсье де Сен-Леже.
- Сен-Мар Анри Куаффье де Рюзе д'Эффья, маркиз де (1620–1642) – французский государственный деятель II, 40.
- Сен-Мегрен Поль Франсуа де Келен де Стюэр де Коссад, герцог де Лавогийон, маркиз, затем герцог де (1746–1828) – французский государственный деятель, воспитатель дофина, будущего Людовика XVI II, 29.
- Сен-Павен Дени Санген де (1595–1670) – французский поэт, эпикуреец и атеист II, 145.
- Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825) – французский философ-утопист II, 73.
- Сен-Сиран, Жан Дювержье де Оран, аббат де (1581–1643) – французский теолог-янсенист II, 25.
- Сент-Аман Марк Антуан Жирар де (1594–1661) – французский поэт II, 71, 110.
- Сент-Иасент Иасент, шевалье де Темизель (1684–1746) – французский литератор II, 189.
- Сент-Март Сцевола де (1536–1623) – французский поэт, сочинявший на латыни, и государственный деятель I, 99–100; II, 228.
- Сен-Фуа Жермен Франсуа Пуллен де (1698–1776) – французский литератор, автор пятитомного "Исторического опыта о Париже" (1754–1757) II, 112.
- Сент-Эвремон Шарль Маргетель де Сен-Дени де (ок. 1615–1703) – французский моралист и критик, вольнодумец и эпикуреец I, 108; II, 115, 145.
- Сент-Эньян Франсуа Онора де Бовилье, герцог де (1607–1687) – французский государственный деятель, член Французской академии и меценат II, 142–144, 147.
- Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616) II, 79, 190, 195.
- Сервет Мигель (1509 или 1511–1553) – испанский ученый и философ I, 47.
- Сигонь Шарль Тимолеон де Бозонкль, сеньор де (ок. 1560–1611) – французский поэт II, 145.
- Сикст IV (наст. имя и фам. Франческо делла Ровере; 1414–1484) – папа римский с 1471 г., покровитель гуманистов II, 209.
- Сикст V (наст. имя и фам. Феличе Перетти; 1520–1590) – папа римский с 1585 г. II, 134.

- Сильвестр Л.-С. (1792–1867) – парижский издатель и книгопродавец I, 41–44; II, 229.
- Симон Эдуар Тома (1740–1818) – французский литератор и библиофил, уроженец Труа II, 23.
- Симонен (XIX в.) – французский реставратор книг II, 90.
- Симье Альфонс Младший – французский переплетчик, работавший при Июльской монархии II, 39, 59, 92, 159, 204.
- Симье Старший, отец А.Симье, французский переплетчик начала XIX в. II, 92.
- Сирано де Бержерак Савиньен де (1619–1655) – французский писатель и философ I, 88; II, 105, 110, 139–141, 180.
- Скалигер Иосиф Юст (1540–1609) – французский гуманист, протестант II, 190, 212, 229.
- Скапула Иоганн (2-я пол. XVI в.) – немецкий филолог I, 106.
- Скаррон Поль (1610–1660) – французский писатель II, 116, 144.
- Скотт Вальтер (1771–1832) I, 97–98.
- Скюдери Жорж де (1601–1667) – французский писатель I, 84.
- Соваль Анри (ок. 1620 – ок. 1670) – французский историк, автор двухтомного труда "История и разыскания о парижских древностях" (1724) II, 112.
- Сократ (470 или 469 – 399 до н.э.) II, 75, 98.
- Солейн (?–1842) – французский библиофил I, 44; II, 100.
- Солм, граф де, библиофил XVIII в. II, 190.
- Соломон – царь Израильско-Иудейского государства в 965–928 гг. до н.э., легендарный мудрец и, по преданию, автор некоторых книг Ветхого завета I, 97, 126.
- Солон (ок. 640 – ок. 558 до н.э.) – греческий законодатель и поэт I, 125.
- Сомез Антуан Бодо де (1630–?) – французский литератор II, 121.
- Сорбьер Самюэль (1615–1670) – французский писатель и врач II, 189.
- Сорен Бернар Жозеф (1706–1781) – французский драматург I, 96.
- Софокл (ок. 496 – 406 до н.э.) II, 17, 215.
- Спиноза Бенедикт (1632–1677) – нидерландский философ-материалист I, 160, 162, 173.
- Стаций Публий Папиний (ок. 45–96) – римский поэт I, 145; II, 215.
- Стерн Лоренс (1713–1768) I, 128, 177; II, 123.
- Страба, французский архитектор конца XVIII в. II, 59.
- Страубий, венский книгопродавец XVIII в. I, 165.
- Стригелий Викторен (1524–1569) – немецкий теолог-протестант I, 91.

- Сулла Луций Корнелий (138–78 до н.э.) – римский полководец и государственный деятель II, 176.
- Схотт Андре (1552–1629) – бельгийский филолог и историк II, 15.
- Сципион Эмилиан Младший (ок. 185 – 129 до н.э.) – римский государственный деятель и полководец, покровитель искусств I, 118.
- Сюрвиль Клотильда де – псевдоним Ж.-Э. де Сюрвиля.
- Сюрвиль Жозеф Этьенн, маркиз де (1755–1798) – французский поэт и военный I, 132–136; II, 59–61, 195.
- Табарен (наст. имя и фам. Антуан Жирар; 1584–1633) – французский комический актер I, 125.
- Таборо Матье Матюрен (1744–1832) – французский писатель и теолог II, 121.
- Табуро Этьенн, сьер дез Аккор (1547–1590) – французский юрист и литератор I, 133, 168.
- Таллеман де Рео Геденон (1619–1692) – французский литератор II, 117, 145.
- Танстилл Джеймс (1710–1772) – английский филолог I, 124.
- Тассо Торквато (1544–1595) II, 49, 76, 135.
- Татю Жозеф (?–1849) – французский издатель I, 41.
- Тацит Публий Корнелий (57 или 58 – ок. 117) – римский историк I, 93–94, 103, 123, 137–138, 143; II, 75, 78, 79, 190, 191, 196.
- Тацит Клавдий (ок. 200–276) – римский император с 275 г. I, 123; II, 78.
- Текне Жак Жозеф (1802–1873) – французский издатель и книгопродавец I, 41; II, 90, 159.
- Телюссон Пьер Исаак (?–1780) – швейцарский финансист, живший в Париже II, 154.
- Тенирс Давид Младший (1610–1690) – фламандский художник I, 140.
- Теофиль – Вьо Теофиль де (1590–1626) – французский поэт I, 87, 118–119, 188; II, 145.
- Теренцио из Урбино (ок. 1600 – между 1619 и 1625) – итальянский художник, блестящий копнист I, 130.
- Теренций Публий (ок. 195 – 159 до н.э.) I, 48, 117–118, 123, 176; II, 18, 22, 79.
- Тибулл Альбий (ок. 50 – 19 до н.э.) – римский поэт I, 131; II, 215.
- Тимей Локрский – полупоупендарный греческий философ-пифагорец V в. до н.э. I, 109, 224.

- Тирабоски Джироламо (1731–1794) – итальянский филолог II, 127.
- Този, миланский книгопродавец XIX в. II, 216.
- Толлий Якоб (1630–1696) – голландский филолог I, 100.
- Томасий (Томасен) Якоб (1622–1684) – немецкий филолог и философ, автор трактата о плагиате (1673) I, 100.
- Томассен Жан Франсуа (1750–1806) – французский врач, житель Безансона, библиофил I, 175.
- Томеус (Томео) Никколо Леонико (1456–1531) – итальянский литератор I, 114.
- Томпсон Чарльз (1791–1843) – английский гравёр, работавший во Франции и рисовавший виньетки для книг, издаваемых Амбрузом Фирменом-Дидо II, 159.
- Трапезунций Георгий (1396–1486) – греческий филолог-эллинист, живший в Италии II, 76.
- Трапп, аббат де ла – в миру Арман Жан Ле Бутийе де Рансе (1625–1700) – французский аристократ, после смерти возлюбленной удалившийся в монастырь Божьей матери де ла Трапп и ставший его настоятелем и реорганизатором II, 32.
- Трико де Бельмон, аббат, французский литератор XVII в. II, 120.
- Ту Жак Огюст де (1553–1617) – французский государственный деятель и историк I, 42, 99–100, 166; II, 17, 20, 22, 23, 86, 155, 171.
- Ту Франсуа Огюст де (1607–1642) – французский государственный деятель, сын Ж.-О. де Ту II, 40, 155.
- Тувенен Жозеф (1790–1834) – французский переплетчик I, 50; II, 14, 15, 24, 33, 90–93, 159.
- Тур, французский библиофил, служащий Л.-С. Сильвестра I, 41–42.
- Турн Жан де (1504–1564) – лионский книгопечатник II, 14.
- Турны – семейство французских книгопечатников кон. XVI–XVIII вв., работавших в Лионе, а с 1585 г. в Женеве II, 14.
- Туссен Франсуа Венсан (ок. 1715–1772) – французский литератор, сотрудник Энциклопедии I, 105.
- Туссен дю Брэ, французский книгопечатник XVII в. II, 25.
- Тюрени Анри де Латур д’Овернь, виконт де (1611–1675) – французский полководец I, 92.
- Уатт Джеймс (1736–1819) – английский изобретатель II, 105.
- Уден Антуан (?–1653) – французский лингвист, лексикограф и переводчик II, 122.
- Урцеус (Урчео) Кодрус Антонио (1446–1500) – итальянский знаток древности, филолог и преподаватель риторики II, 217.

Урш Леон д', французский библиофил XVIII – нач. XIX в. II, 53.

Фабр д'Юз, провансальский поэт I, 114.

Фабрициус Иоганн Кристиан (1743–1807) – датский энтомолог I, 176.

Фаларис (VI в. до н.э.) – правитель Агригента I, 125.

Фальре Жан Пьер (1794–1870) – французский врач-психиатр II, 132.

Фаре Никола (1600–1647) – французский историк и филолог II, 110.

Фаули Роберт (1707–1776) – шотландский издатель II, 197.

Фазрно Габриэло (ок. 1500–1561) – итальянский поэт, сочинявший на латыни I, 112–113.

Федр (ок. 15 до н.э. – ок. 70 н.э.) – римский баснописец I, 112–113.

Фейнайгль Грегор фон (1765?–1819) – немецкий литератор II, 71.

Фелибьен Андре (1619–1695) – французский историк, архитектор, теоретик искусства II, 127.

Фелибьен Мишель (1666–1719) – сын А.Фелибьена, автор пятитомной "Истории города Парижа" (1755) II, 112.

Фемистокл (ок. 525 – ок. 460 до н.э.) – греческий полководец I, 125.

Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (1651–1715) – французский писатель и религиозный деятель I, 110, 143, 150, 152, 155, 173, 179; II, 10, 26–28, 61–67, 191, 198.

Фернель Жан (1497–1558) – французский астроном, математик и врач II, 98.

Ферран Антуан (ок. 1678–1719) – французский государственный деятель и поэт I, 192–193; II, 13.

Ферран Тома, французский книгопечатник XV в. I, 134.

Феррариус Джованни Батиста (1584–1655) – итальянский филолог, иезуит II, 51.

Фидий (ок. 500 – ок. 431 до н.э.) – древнегреческий скульптор II, 79.

Фийо де Сен-Мартен Франсуа, французский литератор XVII в. II, 79.

Филдинг Генри (1707–1754) – английский писатель II, 195.

Филипп II (1527–1598) – испанский король с 1556 г. II, 209.

Фиренцуола Аньоло (1493–1543) – итальянский писатель, автор книги новелл "Беседы о любви", написанной по образцу "Декамерона" II, 76.

- Флегон (II в.) – греческий историк I, 166.
- Флешье Валентен Эспри (1632–1710) – французский проповедник I, 92–93, 151; II, 117, 198.
- Флор Публий Анней (кон. I – нач. II в.) – римский историк I, 143.
- Флориан Жан Пьер Клари де (1755–1794) – французский писатель II, 195.
- Фогель, переплетчик II, 40, 43, 45, 49.
- Фогт Иоганн (1695–1764) – немецкий библиограф I, 163; II, 50.
- Фожа де Сен-Фон Бартелеми (1741–1819) – французский геолог и естествоиспытатель I, 174.
- Фонтенель Бернар ле Бовье де (1657–1757) – французский философ и писатель I, 108; II, 10, 140, 141, 145.
- Фонтетт – Февре де Фонтетт Шарль Мари (1710–1772), французский литератор и государственный деятель II, 102.
- Форми Пьер (?–1679) – французский врач и литератор I, 174.
- Фоссиус Герард Иоганн (1577–1649) – голландский гуманист I, 169; II, 127.
- Фотий (между 810 и 827 – между 891 и 897) – византийский богослов II, 101.
- Фоше Клод (ок. 1529 – ок. 1601) – французский государственный деятель, историк и литератор II, 113.
- Франклин Бенджамин (1706–1790) – американский литератор и общественный деятель I, 50; II, 37.
- Франциск I (1494–1547) – французский король с 1515 г. II, 78, 171, 209.
- Франческо из Болоньи – см. Гриффо Ф.
- Фрейншемиус (Фрейншейм) Иоганн (1608–1660) – немецкий филолог и знаток древности I, 138.
- Фрейтаг Фридрих Готхильф (1723–1776) – немецкий писатель и библиограф II, 8, 50.
- Ферон Эли Катрин (1719–1776) – французский литературный критик I, 190, 204, 210.
- Фридрих II (1712–1786) – прусский король с 1740 г. II, 148.
- Фридрих-Вильгельм I (1688–1740) – прусский король с 1713 г., по прозвищу “Король-сержант”, отец Фридриха II II, 151.
- Фритшиус (Фритш) Агасфер (1629–1701) – немецкий юрист и историк II, 51–52.
- Фуке Никола (1615–1680?) – французский финансист и меценат II, 142, 147.
- Фукидид (ок. 460 – ок. 400 до н.э.) – греческий историк I, 155.
- Фуст Иоганн (?–1466) – майнцский ювелир, помощник И. Гуттенберга I, 158–159.

- Фьо, французский художник-каллиграф I, 175; II, 25–26.
- Фюретьер Антуан, аббат (1620–1688) – французский литератор и лексикограф I, 101–102, 160; II, 116–121.
- Хабрий (?–357 до н.э.) – афинский полководец I, 217.
- Халкондил Деметрий (ок. 1424–1510) – греческий филолог, живший в Италии и подготовивший первое издание Гомера (1488) II, 76, 207.
- Харревийн Якоб (1662– после 1732) – голландский художник I, 171.
- Хебер Ричард (1773–1833) – английский библиофил I, 42.
- Хилл Джон (1716–1775) – английский естествоиспытатель и литератор I, 177.
- Хойм Карл Генрих, граф (1694–1736) – немецкий дипломат и библиофил II, 20, 23, 155.
- Хрисипп (ок. 280–208/205 до н.э.) – греческий философ-стоик I, 91.
- Цезарий Святой (470–542) – епископ Арльский I, 167.
- Цезарь Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н.э.) I, 48, 82, 176; II, 33, 210.
- Цицерон Квинт Туллий (?–43 до н.э.) – римский литератор и государственный деятель, брат М.Т.Цицерона I, 94.
- Цицерон Марк Туллий (106–43 до н.э.) I, 82, 113–114, 122, 124, 143, 150; II, 52, 68, 72, 75, 80, 81, 84, 125, 151, 215.
- Чаттертон Томас (1752–1770) – английский поэт I, 130–131; II, 60.
- Чеймберс Эфраим (?–1740) – английский коммерсант и литератор I, 105.
- Челлини Бенвенуто (1500–1571) – итальянский скульптор, ювелир, писатель II, 158.
- Черберн лорд – Герберт Монтгомери (1582–1648), английский дипломат, философ-деист I, 160.
- Чинелли Карволи Джованни (1625–1706) – итальянский врач и литератор I, 170.
- Шамо, французский переплетчик II, 42.
- Шампольон Жан Франсуа (1790–1832) – французский египтолог, решивший проблему расшифровки иероглифов II, 211.
- Шандье Антуан де, сеньор де Ла Рош (1534–1591) – французский теолог-протестант, эмигрировавший в Женеву I, 177.
- Шане Жан де (XVI в.) – французский книгопечатник по прозвищу "авиньонский Эльзевир" I, 41; II, 143.

- Шапель (наст. фам. Клод Эмманюэль Люилье; 1626–1686) – французский поэт II, 111.
- Шаплен Жан, французский писатель XIII в. I, 126, 141.
- Шапюи Габриэль (1546–1611) – французский писатель I, 127.
- Шарден Шарль (сер. XVIII в. – 20-е гг. XIX в.) – французский издатель и библиофил II, 13, 25, 200.
- Шардон де ла Рошет Симон (1753–1814) – французский библиограф и филолог II, 18.
- Шарлеваль Шарль Фокон де Ри, сеньор де (1612 или 1613–1693) – французский поэт II, 115.
- Шаррон Пьер (1541–1603) – французский моралист I, 108–109, 169, 176, 217–223; II, 15, 190.
- Шартье Ален (ок. 1385 – ок. 1433) – французский поэт и дипломат I, 133; II, 195.
- Шатейн, сьер, французский литератор XVII в. II, 120.
- Шатле Эмилия Ле Тоннелье де Бретей, маркиза де (1706–1749) – возлюбленная Вольтера I, 191; II, 141.
- Шатобриан Франсуа Рене де (1768–1848) – I, 150.
- Шевро Урбен (1615–1701) – французский библиофил, знаток древности, острослов II, 175–177.
- Шекспир Вильям (1564–1616) I, 44, 83, 129; II, 61, 79, 140.
- Шеффер Петер (между 1420 и 1430 – ок. 1502/1504) – немецкий книгопечатник, ученик Гутенберга II, 70.
- Шеффонтен Кристоф (1532–1595) – французский теолог, генерал ордена кордельеров I, 177.
- Шиллер Фридрих (1759–1805) II, 194.
- Шольн Клод де (?1597–1675) – французский поэт II, 142–147.
- Шольн Оноре д'Альбер, герцог де (?–1649) – маршал Франции с 1619 г., губернатор Пикардии, затем Оверни II, 142, 145.
- Шольн герцогиня де, жена маршала О. д'Альбера, герцога де Шольна II, 145.
- Шомон – фамилия нескольких французских переплетчиков XVIII – нач. XIX в. II, 204.
- Шпицелиус (Шпицель) Теофилус (Готлиб)(1639–1691) – немецкий филолог и историк II, 51.
- Эберкромби Дэвид (? – 1701 или 1702) – английский литератор I, 100.
- Эбрай Жак (1716 – ?) – французский библиограф II, 9.
- Эдье, французский переплетчик первой четверти XIX в. I, 35.
- Эзоп (VI в. до н.э.) – греческий баснописец I, 125–126.
- Эльзевир Даниэль (1626–1680) – голландский издатель и книгопечатник, внук Л.Эльзевира II, 34.

- Эльзевир Лодевейк (ок. 1546–1617) – голландский издатель и книгопечатник, основатель издательского дома I, 166.
- Эльзевиры – голландский издательский дом (1592–1712) I, 48, 175, 178; II, 33, 150, 197, 204–205, 215, 230.
- Эме-Мартен Луи (1786–1847) – французский литератор и библиофил I, 44.
- Эний Квинт (239–169 до н.э.) – римский поэт I, 88, 145.
- Эно Жан (?–1682) – французский поэт I, 117.
- Эпаминонд (ок. 420 или 410 до н.э. – 363 до н.э.) – фиванский полководец I, 217.
- Эпикур (341–270 до н.э.) I, 91–92.
- Эразм Роттердамский (1469–1536) I, 110; II, 71, 76, 85, 207.
- Эскью Энтони (1722–1772) – английский филолог II, 102.
- Этьенн Анри Второй (1528–1598) – французский издатель, филолог, гуманист I, 106, 165; II, 198, 222.
- Этьенн Робер (1503–1559) – французский филолог и книгопечатник, отец А.Этьенна II, 18, 22, 209.
- Этьенн Шарль (1504–1564) – французский книгопечатник и филолог, брат Р.Этьенна I, 107.
- Этьенн Шарль Гийом (1777–1845) – французский драматург I, 80, 89.
- Этьенны – династия французских издателей II, 90, 215, 216.
- Эфор (ок. 363 или 380 – ок. 330 или 300 до н.э.) – греческий историк и оратор I, 91.
- Ювенал Децим (ок. 60 – ок. 127) – римский поэт-сатирик I, 83; II, 79, 152, 179, 215.
- Юглер Иоганн Фридрих (1718–1791) – немецкий филолог и литератор I, 165.
- Юлиан Отступник (331–363) – римский император с 361 г., пыгавшийся вернуться к религиозной терпимости и реставрировать язычество II, 31–33.
- Юрто Пьер Тома Никола (1719–1791) – французский литератор, автор четырехтомного "Исторического словаря города Парижа и его окрестностей" (1779) II, 112.
- Юрфе Оноре д' (1568–1625) – французский писатель и библиофил II, 86, 154, 171.
- Юстин Святой (ок. 100 – ок. 165) – христианский теолог I, 99.
- Юэ Пьер Даниэль (1630–1721) – французский религиозный деятель и литератор II, 117, 190.

В.Мильчина

СОДЕРЖАНИЕ

Трактаты, эссе, статьи о книгах, книжниках и чтении	5
Из книги "Заметки об одной небольшой библиотеке". Пер. В.Мильчиной	6
Из книги "Новые заметки об одной небольшой библиотеке". Пер. О.Гринберг	59
О совершенствовании рода человеческого и о влиянии книгопечатания на цивилизацию. Пер. О.Гринберг	68
О переплетном искусстве во Франции в XIX столетии. Пер. О.Гринберг	83
<О тематических библиотеках> Пер. В.Мильчиной	96
Любопытные образцы статистики. Пер. В.Мильчиной	104
Сатиры, опубликованные в связи с первым изданием Словаря Французской академии. Пер. В.Мильчиной	114
Библиография безумцев. Пер. В.Мильчиной.	123
О стихотворениях Клода де Шольна. Пер. О.Гринберг	142
Каталог библиотеки господина де Ламенне. Пер. В.Мильчиной	148
Сколько стоят редкие книги? Пер. В.Мильчиной.	150
Юным девушкам. Пер. М.Ильховской	160
Любитель книг. Пер. О.Гринберг.	168
Рецензии на издания для библиофилов	185
"Рассуждение о выборе книг" Г.Пеньо. Пер. О.Гринберг	186
"Анналы типографии Альдов" господина Ренуара. Пер. В.Мильчиной	207
"Учебник книгопродавца и любителя книг" Ж.-Ш. Брюне. Пер. О.Гринберг	218
Примечания	231
Указатель имен	280